

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир Дорога без возврата

Том третий

Татьяна Зубачева

**Аналогичный мир. Том
третий. Дорога без возврата**

«Автор»

2020

Зубачева Т. Н.

Аналогичный мир. Том третий. Дорога без возврата /
Т. Н. Зубачева — «Автор», 2020

В великом множестве и разнообразии обитаемых миров встречаются порой удивительные совпадения... Место действия — не Земля или не совсем Земля. Этот мир не хуже и не лучше любого другого «земного» мира. Может, он параллелен нашей Земле, а может, перпендикулярен... А может, это просто один из вариантов. Любой мир велик и безграничен для живущих в нём, конечно же, людей, называющих свою планету Землёй, а светило — Солнцем и убеждённых в своей значимости и неповторимости. Но все миры схожи, и история разных человечеств схожа, потому что закономерности развития планет и обществ при всём разнообразии форм схожи и аналогичны, иногда до мелочей. Однако, аналогия — не тождество!

© Зубачева Т. Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Книга седьмая	5
Тетрадь пятьдесят первая	5
Тетрадь пятьдесят вторая	128
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир. Том третий. Дорога без возврата

Книга седьмая
Все будет хорошо!
121 год
Зима

Тетрадь пятьдесят первая

Алабама

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Когда они вышли из административного корпуса, Женя тихо спросила Эркина.

– Что с тобой?

– Ничего, Женя, – так же тихо ответил он.

Но его лицо сохраняло удивившее и даже напугавшее её выражение сосредоточенности.

– Сейчас пойдём возьмём вещи, – Эркин говорил медленно, словно прислушивался к чему-то, слышимому только ему. – Надо всё собрать.

– Да, конечно.

Эркин посмотрел на Женю, улыбнулся:

– Всё в порядке, Женя. Просто... нет, ничего, всё хорошо, – и тряхнул головой, словно отгонял что-то.

Эркин сам не понимал, что его тревожит, какая опасность рядом, он просто чувствовал, ощущал что-то неясное, а потому опасное, и готовился отстаивать себя и своих близких. А ведь ничего опасного вроде и не было. Разговаривали с ними, с ним и вежливо, и доброжелательно. Всё объяснили, повторили несколько раз. Маршрутка – плотная картонка с его ладонь, исписанная с обеих сторон – во внутреннем кармане куртки. Завтра утром, ещё до завтрака, продуктовая машина довезёт их до вокзала. Там надо зайти в комендатуру и получить пайки и билеты до границы. Город Рубежин. А значит, чтобы сдать бельё и койки коменданту, придётся совсем рано встать.

Эркин повторил это вслух. Женя кивнула.

– Конечно. Сразу после ужина ляжем.

В камере хранения они получили оба мешка, ящик с инструментами, ковровый тюк и узел. Эркин взял себе большой мешок, тюк и ящик, а Женя – мешок поменьше и узел.

– Уезжаете? – сразу окликнул их первый же встречный.

– Да, – счастливо улыбнулась Женя.

– Ну, удачи вам, дай бог.

– Спасибо, – кивнула Женя.

Так, под пожелания и приветствия они дошли до барака. Алиса ждала их, чинно сидя на своей кровати с такой невинной мордашкой, что Женя заподозрила неладное.

– Алиса, что случилось?

– Ничего, – сразу ответила Алиса и добавила: – Ничего особого.

– Ладно, – пообещала Женя. – Я с тобой потом разберусь. А сейчас не мешай.

В отсеке было тесно, не развернуться. И, недолго думая, Эркин взял Алису и посадил на свою койку.

– Правильно, – согласилась Женя. – И займись там чем-нибудь.

Пока Алиса кувыркалась и валялась, они перебрали и заново увязали тюк и узел, пересыпая вещи апельсиновыми корками. Эркин сделал на тюке лямки, чтобы можно было надеть его как мешок, а на узле подобие ручки. В дороге им быть не меньше четырёх суток. Женя уложила в маленький мешок всё, что может понадобится в дороге.

– Женя, давай я печенья и... и сока схожу куплю.

– Бутылки тяжёлые, – с сомнением ответила Женя.

– Во флягу перельём, – сразу сказал Эркин. – Или просто воды из крана наберу. Пить-то захочется.

– Нет уж, лучше сок, – сразу решила Женя. – На ужин пойдём, там и купим. Вот, посмотри, Алисе уже мало, а ещё хорошее. И вот я простыню для Насти отложила. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Эркин.

Женя положила отобранное в опустевшую тумбочку и повернулась к Эркину.

– Переоденешься сейчас?

– Да, – он посмотрел вверх.

Женя понимающе кивнула.

– Я послежу.

Эркин отошёл вглубь отсека, повернулся спиной к Алисе и стал раздеваться. Занятая своей игрой, Алиса даже не обратила внимания на его действия. А Женя не могла отвести глаз от его сильного и гибкого тела, от мягко переливающихся под гладкой красновато-коричневой кожей мускулов, ловких движений. Господи, как же он красив!

Эркин заправил рубашку в джинсы, застегнул пояс и повернулся к ней. Улыбнулся.

– Я готов. Ты... тоже переоденешься?

– Да, – Женя не могла не улыбнуться. – И Алиску тоже переодену.

– Мне... выйти? – тихо спросил Эркин.

Женя удивлённо приподняла брови, не понимая. И вдруг улыбнулась и, потянувшись к нему, быстро поцеловала в щёку.

– Как хочешь, милый.

Эркин, словно задохнувшись, с секунду стоял, закрыв глаза.

– Здесь тесно.

Быстро, одним ловким гибким движением он снял с верхней койки Алису, посадил её на нижнюю койку, а сам забрался наверх и лёг ничком. Переодевая Алису и переодеваясь сама, Женя, поднимая голову, видела его блестящие глаза и улыбалась ему.

Закончив, Женя посмотрела на часы.

– Так, пойду к Насте и Зине. Эркин, посмотри за Алисой, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Эркин.

Алисе очень хотелось заявить, что она уже большая и смотреть за ней незачем, да и та драка осталась незаконченной, но и открывающиеся перспективы привлекали. Когда за Женей опустилась занавеска, она предложила Эркину сыграть в щелбаны. Эркин рассмеялся и прыгнул вниз. На кровати Жени лежали тюк, мешки и узел, и он сел на койку Алисы. Алиса немедленно забралась к нему на колени.

– Мамы нет, играем по полной победы, да?

– До моей победы? – уточнил Эркин.

Алиса вздохнула.

– Мне тебя никогда не обыграть. До моих десяти, ладно?

– Ладно, – согласился Эркин.

...Когда Нюся забежала в отсек взять себе яблоко на ужин, Эркин с Алисой были настолько увлечены игрой, что даже не сразу её заметили. А она, влетев в отсек, уверенная, что если там и есть кто, то никак не Эркин, так и замерла у входа, не в силах отвести глаз от его по-детски весёлого лица.

Эркин вскинул на неё глаза, и Нюся беспомощно затопталась, не зная, что делать и что говорить.

– Эрик, – Алиса недовольно нахмурилась. – Ну, ты чего?

Эркин отвёл от Нюси глаза и улыбнулся Алисе.

– Нет, ничего.

Они возобновили игру. И только потянувшись к своей койке, Нюся поняла смысл лежащих внизу узлов. Они уезжают. И... и она больше его не увидит, никогда. Нюся резко повернулась и выбежала из отсека.

...Счёт был уже сорок на шесть – Эркин всё-таки играл далеко не в полную силу – когда в отсек вошла Женя.

– А вот и я. Ну, как вы тут?

Алиса, сразу сообразив, что если сейчас прервать игру, то проигранные щелбаны останутся невбитыми, и шумно обрадовалась Жене. Эркин усмехнулся.

– Сорок на шесть. Тридцать четыре щелбана за мной, – и встал, сняв Алису с колен. – На ужин пора.

– Да, – улыбнулась Женя. – Пора. Алиса, одевайся.

Эркин взял свою куртку.

– Я в тамбуре подожду.

– Да-да, мы быстренько, Алиса, где ботики? Не вертись.

Казарма уже гудела шумом одевающихся и топающих по проходам людей. У входа в тамбур Эркин столкнулся с Тимом. И сразу сообразил, что не случайно, что Тим его ждал. И насторожился. Тим кивком поздоровался.

– Уезжаешь?

– Да, завтра с ранья.

– Так, вещей, значит, много, в руках не помещаются?

Эркин плотно сжал губы. Лицо его напряглось. Вот, значит, что... Женя от чистого сердца, а этот...

– А что? – медленно и очень тихо, почти по-камерному спросил он. – Чем ты недоволен? Мало дали?

Тим резко шагнул к нему. Теперь они стояли вплотную лицом к лицу.

– Слушай ты, погань рабская, мои в обносках ходить не будут.

– Слушай и ты, сволочь палаческая...

Эркин не договорил, увидев Женю, и выдохнул:

– Только вякни ей что, убью на месте.

И отвернувшись от Тима, пошёл к Жене, старательно улыбаясь.

– Что случилось? – сразу спросила она.

– Ничего, Женя, правда, ничего, – максимально убеждённо ответил Эркин.

Женя решила поверить. Она приветливо улыбнулась и кивнула Тиму, взяла Эркина под руку. Алиса, как всегда, уцепилась за его другую руку.

– Пошли?

– Да, – кивнул Эркин. – Пора.

И тут же нахмурился. Потому что к ним подошёл Тим.

– Прошу прощения, леди, – заговорил он по-английски, – но я при всей своей признательности не могу принять ваш дар.

– Вы обиделись? – удивилась тоже по-английски Женя. И улыбнулась. – Нет, я не хотела вас обидеть. Обмен детскими вещами – обычная практика. Дети растут, не успевая сносить. Зачем выбрасывать то, что ещё послужит. Сожалею, что задела ваши чувства, сэр, но люди должны помогать друг другу.

Глядя на озадаченное лицо Тима, Эркин с трудом сдерживал улыбку. А когда, услышав «сэра», Тим самым натуральным образом вылупил глаза, Эркин едва не заржал в голос. Ну, Женя, ну, молодец, ну, отчитала!..

Тим сглотнул, мрачно покосился на Эркина и, решившись, кивнул.

– Да, люди должны помогать друг другу, – заставил себя улыбнуться. – Ещё раз прошу прощения.

И отошёл.

Эркин перевёл дыхание и, прижимая к боку локоть Жени, повёл её и Алису к выходу.

– Да, – спросил он уже во дворе: ветер утих и не мешал разговаривать, – а Найси как?

– Настя? – мягко поправила его Женя и улыбнулась. – Нет, там всё нормально. И Зина, кстати, тоже была довольна. Не знаю, почему он обиделся.

– Дурак потому что, – хмыкнул Эркин, обводя Женю вокруг лужи. – К коменданту ещё надо, чтобы утром принял отсек.

– Тогда я с Алисой пойду в киоск покупать в дорогу, а ты к коменданту. Хорошо? – предложила Женя. – Я и Нюсе отложила юбку одну и кофточку. Вот и отдам.

Они уже подходили к столовой. Эркин, как всегда, мягко поставил Женю и Алису перед собой, чтобы толчки напивавших сзади приходились по нему. Так они и вошли в столовую.

Обычный шум, сутолока, стук ложек, гул голосов... Эркин ел быстро, быстрее обычного. Женя впервые после его болезни видела эту жадность, когда человек не ест, а заглатывает. Эркин почувствовал её волнение, поднял на неё глаза и улыбнулся.

– Надо всё успеть.

– Да, – кивнула Женя, – да, конечно.

Эркин доел и встал.

– Я пойду, Женя, хорошо?

И, дождавшись её кивка, ушёл, почти убежал, впервые оставив на столе посуду.

Когда Алиса закончила есть, Женя собрала посуду и отнесла её на транспортёр.

– Пошли в киоск, Алиса. Купим в дорогу печенья и сока.

Женя застегнула Алисе пуговицу у воротника.

– А шоколаду? – «намекающим» голосом спросила Алиса. – В дороге шоколад очень удобно.

– На шоколад денег нет, – строго сказала Женя.

Алиса вздохнула. Эти слова она слышала, сколько себя помнила. И знала, что если мама сказала: «Нет денег», – то просить бесполезно. Но хоть посмотреть.

Они дошли до киоска. Женя купила пачку калорийного печенья, большую картонную коробку яблочного сока, пакетик конфет-леденцов – Эркин называет их ковбойскими – и пачку

бумажных салфеток и... да нет, больше ничего им не надо. Вместе с Алисой внимательно, даже придирчиво рассмотрели витрину.

– Всё, зайчик, пошли. Сегодня надо пораньше лечь.

– Ага, – согласилась Алиса.

Возле самого барака их нагнал Эркин.

– Ну, как? – сразу спросила Женья.

– Порядок. Машина продуктовая идёт в шесть сорок, подкинут нас до вокзала. А сам он к нам придёт в шесть тридцать пять.

– Успеем? – засомневалась Женья.

– Обещал, что без нас не уедут, – открыл перед ней дверь Эркин.

Он говорил весело, даже залихватски, но Женья чувствовала его напряжение.

– Эркин...

– Всё хорошо, Женья. Правда, хорошо.

Они прошли в свой отсек. Женья выложила на тумбочку конфеты, печенье и сок.

– Вот, посмотри, что я купила.

– Ага, хорошо, – кивнул Эркин, снимая и вешая куртку.

– Эрик, расстегни меня, – попросила Алиса.

– Сама, – строго сказала Женья.

– Я только верхнюю не могу, – объяснила Алиса.

И, когда Эркин расстегнул ей тугую пуговицу у горла, посапывая, стала раздеваться.

Эркин ловко перелил сок из коробки во флягу, завинтил колпачок и отдал флягу Жене.

– Положи в маленький к остальному.

– Да, конечно.

Женья оглядела свою койку.

– Знаешь, Эркин, я сегодня с Алисой лягу. Это ж всё даже девать некуда.

Помедлив, Эркин кивнул. Да, другого варианта нет. Не ему же с Алисой ложиться.

– Алиса, быстро в уборную, – скомандовала Женья.

И, когда Алиса, вооружившись полотенцем, отправилась в уборную, Женья подошла к Эркину, положила руку ему на плечо.

– Не сердись на Тима, Эркин. Он видит обиду там, где её нет. Это... это у него пройдёт. Понимаешь, когда человек привыкает видеть во всех врагов, ему очень трудно... понять, что теперь не так, по-другому, – Женья улыбнулась, осторожно провела пальцем по его шраму. – Понимаешь?

Эркин молча кивнул, взял её руки за запястья и прижал её пальцы к своим губам. И замер так. Пока не отпустила стянувшая горло судорога, а в отсек не вошла Алиса.

– Женья, – Эркин отпустил её руки и кашлянул, прочищая горло. – Я к пожарке пойду, попрощаюсь. Я сигарет купил. Ну и...

– Да-да, ну, конечно же, – закивала Женья. – Конечно, Эркин, иди.

Эркин взял свою куртку, ухитрившись в тесноте отсека коснуться губами виска Жени, и вышел.

Женья, сосредоточенно хмурясь, помогла Алисе раздеться. Совсем девчонка разбаловалась. В Джексонвилле отлично сама справлялась, а здесь привыкла, что мама всегда рядом, и ленится. Ну, ничего. Через трое-четверо суток они уже будут дома, и там она всё наладит. Женья и говорила, и думала о Загорье, как о доме.

Во дворе Эркина ударил в грудь холодный сырой ветер. Народу у пожарки стояло немного. Эркин увидел Чолли, Фёдора, Грега – Роман уже уехал – Ивана, с которым ездил за фруктами, ещё знакомых и, войдя в общий круг, громко сказал.

– Уезжаю, мужики, – и вытащил сигареты. – Налетайте.

– Это вместо спиртного, что ли? – хмыкнул Фёдор.

- Вместо, – кивнул Эркин.
- Пачку распотрошили мгновенно.
- Далеко едешь-то?
- В Загорье.
- Это где такое?
- В Ижорском Поясе.
- Несёт тебя.
- Там жильё дают. И работу.
- Ну, тогда – да.

Стояли тесным кружком, закрывая сигареты от ветра. Неспешный, ставший уже привычным разговор:

- Ижорский Пояс...
- Не слышал о таком...
- Мы много о чём не слышали...
- Это-то да, но так уж отрываться...
- От чего?
- Э, да к чёрту на рога полезешь, лишь бы подальше...
- От Империи этой, чтоб ей...
- Да морд тутошних...
- Да кто спорит, а вот сунься в Озёричи...
- Да уж, чужаку там хреново...
- А в Ополе что, чужаков любят?
- Любят, не любят, а если у мужика руки и голова на месте, он везде проживёт...

Чолли больше помалкивал, но по его лицу Эркин понял: о многом Чолли догадывается, а кое-что и понимает. Когда сигареты докурили, Эркин достал вторую пачку. Её встретили довольным гоготом.

- Однако гуляем...
- Не напьёмся, так укуримся...
- Гуляй, рванина!
- Давай, Мороз, сколько у тебя там ещё в заначке?
- Ага, выкладывай...
- Заткни хлебало, ну!
- А то раскатал на халяву...

И опять уже серьёзно:

- Ну, удачи тебе, Мороз.
- И вам удачи.
- Бог даст, свидимся...
- Бог даст...
- Удачи...
- Россия велика, встретимся, найдём место...
- Ну что, мужики...

Круг стал рассыпаться. Время позднее, пора и по... да, домам, чего там, пока живём, он и дом, нет, где живём, там и дом...

Эркин обнялся с Фёдором и Греггом и вместе с Чолли пошёл к их бараку.

- Спасибо тебе, – тихо сказал Чолли.
- За что? – хмыкнул Эркин.
- За всё. И за сигареты. И что за фруктами когда, за меня сказал, и... да ладно тебе...

Слушай, неужели ты совсем ничего о племени не помнишь?

– Я из питомника, Чолли, – тихо ответил Эркин. – Ты ж видел, клейм у меня нет, а номер... вот он. У меня с буквами номер, питомничный.

– Ну так... имя же ты сохранил.

– Не в имени же дело, – Эркин смял окурок и ловким щелчком отправил его в урну у входа в барак. – Да нет, что толку в имени. Хреновый я индеец, что уж там... А... а что, щемит, что на Равнину не поехал?

Чолли кивнул.

– Что от своих, от племени отказался. Переигрывать не буду, придёт ответ, поеду туда, в Ополье, а всё равно... щемит. Ладно. Удачи тебе.

– И тебе.

Они вошли в барак и через очень яркий из-за пустоты тамбур вошли в синий сумрак ночной казармы.

Стараясь не шуметь, Эркин вошёл в свой отсек. Женя и Алиса спали, тихо всхлипывала во сне на своей койке Нюся. Эркин снял и повесил куртку, взял полотенце и пошёл в уборную.

Не такое уж позднее время, в холостяцком бараке ещё свет вовсю, но семейный всегда ложился рано, а когда дождь со снегом разогнал собрания у пожарок, то сразу после ужина заваливались. Делать-то особо и нечего.

В уборной было тихо и пусто. Эркин не спеша умылся, но растираться не стал: времени до утра мало, не прогреются мышцы, да и устал он чего-то. Он всухую растёрся полотенцем и – всё равно все спят уже – не надевая, а только накинув рубашку на плечи, прошёл в свой отсек. Полотенце на место. Ловко балансируя на одной ноге, разулся, подтянулся на свою койку, сел, снял и повесил на спинку рубашку, под одеялом стянул джинсы. Привычный порядок действий успокаивал, снимал напряжение.

Эркин блаженно вытянулся под одеялом, закинул руки за голову. Ну, вот и всё, и отрезано. Завтра с утра в дорогу, а там... правильно этот мужик сказал, морды эти беляцкие не видеть – уже... счастье. А племя... жил же он без племени и дальше проживёт. Женя, Алиса... больше никто ему не нужен. И всё, и отрезано... Надо спать, голова ему с утра нужна свежая. Вставать рано. В шесть тридцать пять комендант придёт, Женя сказала, что Алису за час поднимать надо, значит... значит, в пять тридцать, а сейчас сколько? Разбаловался он с часами, совсем время чувствовать перестал, хотя... хотя нет, просто так точно, до минуты тогда не нужно было, а сейчас... сколько сейчас?

Он высвободил из-за головы левую руку и уже привычным жестом посмотрел на запястье. Полдвенадцатого. Да, и тело говорит, что скоро полночь. Надо спать. С сигаретами хорошо получилось. В самом деле, за выпивкой в город надо идти, через проходную тащить, а потом трястись, чтоб комендант не застукал, не-ет, не надо ему такого удовольствия. Комендант глазастый, всё видит, его так и зовут Глазастым Чёртом, шёпотом и с оглядкой, конечно...

В голову лезли путанные, не нужные сейчас мысли. Он засыпал, слышал сквозь сон, как осторожно шевелится, видимо, смотрит на свои часы Женя, слышал тихий шум ночной казармы, храпы, сонное бормотание, плакал чей-то грудной, а женщина укачивала его протяжной монотонной песней, и ещё кто-то ворчал, что не трясти надо, а грудь дать, титькой рот заткнуть, нарожали горластых, а успокоить не могут... Эркин сам уже не понимал: снится всё это ему или на самом деле... Ни имения, ни Паласа он уже давно во сне не видел...

Нюся осторожно повернулась набок и открыла глаза. И сразу увидела его. Он лежал на спине, закинув руки за голову, сползшее одеяло открывало грудь. Всё, завтра утром они уедут, и она никогда, никогда больше не увидит их. Его не увидит. Такого большого, красивого, сильного. Кому Нюся завидовала, так Алиске. Алиска могла при всех повиснуть у него на руке, на шее, сидеть у него на коленях... Даже тётя Женя такого не могла. Некрасиво, когда жена при всех на муже виснет, неприлично так, вот только под руку взять и всё, а Алиске можно, она –

дочка ему. А ей... она даже не говорила с ним, ни разу, он на неё, как на пустое место смотрел, слова ей ни разу не сказал... Нюся всхлипнула. И испугалась, что разбудит их. Но обошлось.

Проснувшись в очередной раз, Женя посмотрела на часы и осторожно, чтобы раньше времени не разбудить Алису, вылезла из-под одеяла. Пять двадцать, пора. Лучше не спеша собраться и подождать, чем, опаздывая, спешить. Она натянула своё «школьное» платье, подняла голову и увидела блестящие глаза Эркина. Женя улыбнулась и, слегка подтянувшись, коснулась губами его щеки.

– Вставай, пора.

Её шёпот щекотал ему щёку. Эркин улыбнулся.

– Да, встаю.

Женя взяла своё полотенце и вышла. Эркин покосился на лежащую лицом к стене Нюсю и откинул одеяло. Натянув джинсы, соскользнул вниз. Быстро обулся, надел рубашку. Тут же снял и сложил простыни, наволочку, одеяло. Вот так, его койка готова.

Вошла Женя и стала будить Алису. Эркин, чтобы не мешать, пошёл в уборную умываться. А когда вернулся, Жени и Алисы не было. Женская уборная на другом конце, чтоб даже спросонья не путались. Эркин собрал бельё на Алискиной койке, сложил. А у Жени... чёрт, вчера они так и навалили вещи, не сообразили. Стараясь не шуметь, он выдернул из-под тюка, узла и мешков одеяло и простыни, снять наволочку с подушки – минутное дело. Ну вот, и Женина койка готова.

Женя привела румяную, уже совсем одетую Алису.

– Ой, ты собрал уже всё, как хорошо.

Он молча кивнул. На часах шесть с минутами. Делать до прихода коменданта больше нечего, и они сели втроём на койку Алисы. Алиса забралась к Эркину на колени, положив голову ему на плечо. Женя села рядом. И они стали ждать.

Время тянулось неощутимо медленно. Они ждали коменданта, прислушиваясь к каждому шороху, а застали их врасплох. Женя даже вздрогнула, когда он вошёл в их отсек. Сдача белья, коек... Всё это действительно и трёх минут не заняло. Комендант собрал картонные бирки с кроватей, взял их пропуска, посмотрел на неподвижно лежащую Нюсю и вздохнул:

– Одевайтесь и идите к хозблоку. Машина там. И не тяните.

– Да-да, спасибо, – закивала Женя, одевая Алису.

Как только за комендантом опустилась занавеска, Нюся приподнялась на локте. Придерживая на груди одеяло, она расширенными глазами смотрела, как они одеваются, как Эркин вешает на плечо мешок, берёт тюк и ящик. Женя взяла узел и маленький мешок, посмотрела вверх на Нюсю и улыбнулась ей.

– Удачи тебе, Нюся. До свиданья.

– Про... прощайте, – всхлипнула Нюся.

И Эркин улыбнулся её глазам, испуганным, как у Жени в ту, первую их ночь. Нюся даже задохнулась на мгновение от блеска этой улыбки.

– До свиданья, – сказал Эркин и вышел за Женей и Алисой.

Быстро, стараясь не задевать стояки, они прошли по залитому синим ночным светом проходу и миновали пустой тамбур.

Дождь кончился, но воздух был сырым и холодным. Только начало светлеть, над входами в бараки и вдоль ограды горели фонари, но их свет уже казался жёлтым. Возле хозблока стоял грузовик с работающим мотором, а рядом двое мужчин. Комендант с шофёром? Но в следующее мгновение Эркин увидел, что шофёр в кабине, а это комендант и... Тим?!

Глубоко засунув руки в карманы куртки, Тим молча ждал и было видно, что ждёт он давно. Когда Эркин стал укладывать в кузове узел, тюк, ящик и мешки, Тим молча подошёл и стал помогать. Когда они уложили вещи и закрыли борт, а Женя с Алисой готовились сесть в кабину, комендант отвернулся, закуривая. И Тим разжал губы:

- Я... я был неправ. Не держите на меня обиду.
- Конечно, Тим, – улыбнулась Женя. – До свиданья.
- До свиданья, – кивнул Тим и посмотрел на Эркина.
- И Эркин вдруг – сам от себя не ждал такого – шагнул к Тиму и обнял его.
- До свиданья, Тим. Догоняй.
- С секундной заминкой Тим ответил на объятие.
- Спасибо. Удачи тебе.

И, постояв так несколько секунд, они разошлись. Эркин перемахнул через борт, Женя с Алисой уже были в кабине. Комендант взял под козырёк, и шофёр мягко стронул грузовик с места. Эркин увидел, что Тим стоит и смотрит им вслед, и поднял руку в прощальном жесте. Тим ответил.

Грузовик выехал за ворота, и побежали с двух сторон, откатываясь назад, дома. Эркин сидел, прислоняясь к кабине, и бездумно глазел по сторонам. Дороги он не знал и запоминать не пытался. Незачем.

Город ещё спал. Тихие дома с тёмными окнами, медленно светлеющее небо. «Вот и всё, – повторял про себя Эркин, – вот и всё».

Когда они доехали до вокзала, стало уже совсем светло и погасли фонари. Шофёр высадил их у комендатуры, пожелал удачи и уехал. Эркин и Женя разобрали вещи, Алиса взяла Женю за руку, и они вошли в комендатуру. Усталый – видимо, с ночной смены – военный с красной повязкой на рукаве выписал им три билета до Рубежина, выдал три пакета с пайком – Эркин ещё зимой на сборном видел такие – и сделал отметку в маршрутном листе. Женя расписалась в толстой разграфлённой книге за билеты и пайки.

– Идите прямо сейчас, – сказал дежурный. – Пятая платформа. Отправление через десять минут, – и улыбнулся. – Счастливого пути.

- Спасибо, – улыбнулась Женя, пряча билеты в сумочку.
- Спасибо, – эхом повторила за ней Алиса.

Эркин затянул узел на маленьком мешке, куда укладывал пакеты с пайком, и, улыбнувшись, кивнул дежурному.

- Спасибо. До свидания.

И они вышли. На улице Эркин озабоченно спросил Женю.

- Женя, ты знаешь, где пятая платформа?
- Разберёмся, – бодро ответила Женя. – Алиса, дай руку. И не вертись. Некогда. Пошли?
- Пошли, – кивнул Эркин, плечом подвигая тюк, чтобы он не мешал мешку.

Женя с Алисой шли впереди, а Эркин за ними. Встречные, кто удивлённо, но большинство безразлично оглядывали его. Цветной тащит тяжести за белой леди – нормальное явление. А что леди сама нагружена... так тоже вполне объяснимо. Хотя бы нехваткой денег на двух носильщиков. Или нежеланием доверять цветному что-то ценное. Словом, до пятой платформы они добрались вполне благополучно.

На поезде Эркину ездить ещё не приходилось. И как всегда в таких случаях, он молча подчинялся, не спрашивая и даже не задумываясь.

У них были билеты второго класса. Купе на четверых. Два двухместных кресла и полки для багажа... Уложив вещи, они сели. Алиса у окна, Женя рядом, Эркин у окна напротив Алисы.

Вошедший в купе проводник, увидев Эркина, замер. Еле заметно сощурился, Эркин с невозмутимым выражением смотрел на него. Женя достала из сумочки и протянула проводнику их билеты. Штамп комендатуры заставил проводника отвести наливающийся яростью взгляд от Эркина.

– Прибытие в двадцать тридцать семь, – сказал он, избегая русского названия Стоп-сити и возвращая билеты.

Когда он вышел, Женя улыбнулась Эркину.

– Дорога долгая, давай устраиваться.

– Да, – кивнул Эркин, расстёгивая куртку.

Женя помогла Алисе раздеться, сняла пальто и шаль. Эркин снял куртку. У каждого кресла были предусмотрены крючки, и развешенная одежда не мешала. Женя озабоченно посмотрела на Эркина.

– Может, тебе лучше было в кроссовках ехать?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Мне удобно в сапогах.

Четвёртое место оставалось незанятым, хотя в их купе уже несколько раз заглядывали люди, но тут же исчезали.

– В билете указан только класс, – объяснила Женя. – Занимают свободные места.

И улыбнулась. Эркин понимающе кивнул.

– Он со всеми остановками, долгий поезд, – говорила Женя. – Зато без пересадок. Тоже удобно. Правда?

– Конечно, – согласился Эркин. – Сидишь и едешь.

– Ага, – поддержала его Алиса, не отрываясь от окна, – и смотришь.

Женя рассмеялась. Успокоился и Эркин. Пригороды уже кончились, и за окном мокрые бурые поля, редкие деревья с раскинутыми во все стороны ветвями, серые слоистые тучи. Смотреть, вроде, не на что, но Алисе интересно. Да и ему. Эркин откинулся на спинку кресла. Спинка высокая, с подголовником, мягко пружинит. Он сидел спиной по ходу поезда и видел убегающие назад поля и деревья. Откинулась на спинку кресла, расслабилась и Женя.

Ну вот, они едут. Еды достаточно, на Алиску как на взрослую выдали, так что можно будет Эркина подкормить. Вечером приедут в Рубежин. Там граница. Таможня, паспортный контроль, обмен денег... Конечно, они потратились. И на всём готовом, и... ну, нельзя же не покупать мыла, конфет, девять дней Андрею отмечали, ещё по мелочам куда-то ушло. Конечно, осталось немного, но у других-то и того нет. У Найси, например, ни у неё, ни у детей, ни у мужа смены белья на теле нет. А Зина... у Кати два платяца, но одно-то летнее, а уже зима, и у неё самой... Нет, им ещё хорошо. Из всех её побегов этот самый удачный, страшно вспомнить, сколько и чего она побросала. А здесь... Спасибо Даше и Маше, всё увезла, кроме посуды. Постелей. И мебели. Тоже жалко, конечно, но могло же быть и хуже? Конечно, могло. Значит, всё хорошо. Интересно, как там девочки устроились? Но это когда осядем, нужно будет написать запрос и через Комитет найти их. Всё же... не чужие.

Незаметно для себя Женя закрыла глаза и задремала.

Чуть опустив веки, притенив ресницами глаза, Эркин смотрел теперь не в окно, а на Женю. Женя жива, здорова, даже улыбается, даже... нет, и думать об этом не стоит, чтоб не встревожить её, не напомнить. А может, на новом месте, где всё по-другому, Женя совсем забудет про тех сволочей и... и позовёт его. Без её зова он не дотронется, не посмеет. Мартин говорил, что после насилия женщине это уже никогда в радость не будет, любой мужчина ей враг, а уж после «трамвая»... но ведь Женя простила его, разрешила брать себя за руку, касаться своих волос, сидеть рядом... нет, ему, конечно, и этого... с избытком, да, конечно, будет, как Женя захочет, пусть только скажет ему, и даже нет, он и без слов всё поймёт. И ничего ему не надо, лишь бы вот так сидеть и смотреть на Женю...

– Эрик, а это что?

Эркин вздрогнул и посмотрел на Алису. Но то, на что она показывала, уже скрылось.

– Тише, Алиса, – ответил Эркин. – Маму разбудишь.

За этот месяц в лагере он привык называть Женю мамой и женой, нет, по-английски у него вряд ли бы получилось, а по-русски... свободно.

Алиса покосилась на Женю и, соглашаясь, кивнула.

– Пусть спит. А это что?

На этот раз Эркин успел рассмотреть.

– Это... это мост, – и, подумав, добавил: – Был.

– Война, – понимающе вздохнула Алиса. – Эрик, а почему коровок нет? И лошадок? Когда мы тогда ехали, они были, а сейчас нет.

– Они... – Эркин запнулся и сказал по-английски: – в хлеву. – Этого слова он по-русски не знал и, досадуя на себя, упрямо продолжил по-русски. – Им уже холодно на улице.

– Ага, ага, – закивала Алиса. – Уже зима, да?

– Да, – кивнул Эркин.

– А снег будет?

Эркин улыбнулся и ответил слышанным не раз в лагере.

– В России будет снег.

– А мы туда едем? – уточнила Алиса.

И получив утвердительный ответ, снова приткнулся к окну.

Поезд плавно замедлил ход, за окном возникла платформа и люди.

– Приехали? – удивилась Алиса.

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Нам ещё долго ехать.

По коридору прозвучали шаги, дверь их купе открылась.

– Свободно?

Эркин не успел ответить. Дородная белая леди отпрянула и исчезла. И ещё пару раз к ним заглядывали. Но Эркин на них даже обернуться не успевал.

Поезд дрогнул и стал набирать скорость. Женя открыла глаза и улыбнулась.

– До Рубежина одни доедем, – понимающе кивнул Эркин.

Дверь их купе опять открылась.

– Здесь есть одно место, – сказал проводник. – Но святой отец...

– Ничего-ничего, благодарю, сын мой.

Низенький толстый священник шариком вкатился в купе и неожиданно ловко устроился в свободном кресле. Алиса оторвалась от окна, посмотрела на него и нахмурилась. Его вид вызвал у неё воспоминания о необходимости быть хорошей девочкой. А её эта перспектива совсем не устраивала. Священник с явно привычной ловкостью пристроил свои сумку, зонтик и шляпу и, сложив руки на животике, благодушно оглядел Женю, Алису и Эркина. И начал обычный дорожный разговор. Женя отвечала вежливо, но несколько отчуждённо. Алиса упорно смотрела в окно. Эркин настороженно следил за разговором, готовясь в любой момент прийти Жене на помощь.

Отпустив несколько подобающих замечаний о погоде и божьей воле, священник похвалил Алису, и Женя не устояла. Она улыбнулась и заговорила сердечнее. Но Эркина это не тронуло. Чего этому беляку надо? Чего он выпрашивает как... как следователь? Женя успокаивающе улыбнулась ему, но лицо Эркина оставалось неприязненным, и это начинало беспокоить Женю. Как бы Эркин не сорвался. Им только скандала не хватает.

– Принять такое решение... – священник покачал головой.

– В Хэллоуин подсказали, сэр, – вежливым тоном перебил его Эркин.

Священник внимательно посмотрел на него и медленно кивнул.

– Не давай мести завладеть твоей душой, сын мой.

У Эркина дрогнули в усмешке губы.

– Чтобы всем, кому надо, отомстить, сэр, мне жизни не хватит, – и, подумав, добавил: – Всё равно каждый своё получит.

Спорить и заводитьсь он не хотел, но и хоть как-то осадить этого типа тоже ведь надо. Андрей бы смог придумать и похлеще, и поострее, но Андрея нет, так что...

Алиса отвернулась от окна и строго посмотрела на священника. Он улыбнулся ей, и, помедлив, Алиса тоже улыбнулась, а затем достаточно вежливо ответила, как её зовут, сколько

ей лет и ходит ли она в школу. Потом священник её спросил, ходила ли она в церковь. Алиса кивнула и уточнила:

– С мамой.

– А что в церкви тебе больше всего нравится? – улыбаясь, спросил священник.

– Конфеты, – убеждённо ответила Алиса и, увидев недоумение на круглом румянном лице священника, объяснила: – После церкви мама мне конфеты покупала. А больше ничего хорошего в церкви нет.

Священник с удовольствием рассмеялся. Улыбнулся и Эркин, и Алиса сочла момент подходящим.

– Эрик, дай ковбойскую, – попросила она.

Женя посмотрела на часы.

– После завтрака.

Эркин кивнул и привстал, снимая с полки маленький мешок, куда они сложили продукты и необходимые в дороге мелочи, достал пайковый пакет, флягу, кружки. Женя подняла и закрепила маленький откидной столик у окна.

Сложив по-прежнему руки на животе, священник с улыбкой наблюдал, как Эркин вскрывает пакет, нарезает хлеб, открывает банку с тушёнкой и сооружает сэндвичи. Женя сделала приглашающий жест, но священник покачал головой.

– Спасибо, дочь моя, но сегодня пятница, день поста.

Женя смутилась, и он успокаивающе закивал.

– Ничего-ничего, это связано с моим саном. Ничего страшного.

Женя посмотрела на Эркина. Эркин пожал плечами: раз не хочет, дескать, так это его проблемы, и протянул сэндвич Алисе, налил ей в кружку сока из фляги. Алиса покосилась на Женю, села прямо и взяла сэндвич.

– Спасибо.

– На здоровье, – ответил Эркин, передавая второй сэндвич и кружку с соком Жене.

И, только убедившись, что они обе едят, стал есть сам.

В купе заглянул проводник, скользнул невидяще отчуждённым взглядом по Эркину и почтительно сказал священнику:

– Прибываем, святой отец, – и сухо Жене: – Стоим пять минут.

Священник поблагодарил, ловко и быстро собрал свои вещи, благословил трапезу и трапезующих, пожелал им счастья и выкатился из купе. Проходя по коридору к выходу, он сокрушённо покачал головой. Конечно, они правы, что уезжают, но как жаль, что уезжают именно такие.

Поезд остановился, когда они ещё ели. Эркин вопросительно посмотрел на Женю.

– Нет, – покачала она головой, – не будем выходить. Там потом будем почти полчаса стоять, там и... Алиса, ешь аккуратно, не роняй.

Эркин кивнул.

– Ну да, за пять минут и выйти не успеем.

Как только священник вышел, они заговорили по-русски. Алиса, доев сэндвич, сунула за щёку конфету и снова уставилась в окно, глядя на медленно поплывший назад перрон. Сок она не допила, и Женя не настаивала: в дороге лучше пить поменьше. Но не выливать же, и она допила оставшиеся глотки. Эркин убрал кружки и флягу в мешок, обёртку от пайка скомкал и огляделся в поисках урны. Женя показала ему вделанный в стенку под столиком ящик. В купе к ним никто не подсел, и Эркин спокойно откинулся на спинку кресла. Женя улыбнулась.

– Поспи немного. Ночь была тяжёлая.

Эркин кивнул. Да, конечно, надо поспать, но ему не так уж часто выпадает такое счастье: сидеть и смотреть на Женю. Он только чуть опустил веки, чтобы не тревожить её своим взглядом. Но Женя заметила и улыбнулась ему. Эркин ответил ей улыбкой.

– Слушаюсь, мэм.

И закрыл глаза. И теперь Женя любовалась его лицом, свободной красивой позой. Верхнюю пуговицу на рубашке он расстегнул, и воротник не скрывает красивую шею. Шрам совсем зажил и кажется чуть светлее кожи, просто полоска на щеке, совсем не портит его. Пусть поспит, пока всё спокойно, он тоже извёлся. Женя вдруг с удивлением ощутила, каким долгим был этот, да, месяц, как бесконечно далеко остались Джексонвилл и Хэллоуин. Если бы ещё Андрей был жив... Эркин молчит, он вообще скрытный, и, говорят, все индейцы такие, но раз у него вырвалось, что винит он в смерти Андрея себя. И объяснять ему что-то бесполезно. Ведь он что решил, то решения своего не изменит, она это уже знает. А по-русски Эркин совсем свободно теперь говорит, и не подумаешь, что только весной он всего два слова и знал, господи, неужели это было?.. Ну да, где-то в марте, хорошо, что она тогда пошла с Майрой посмотреть на ту клетку и увидела его. А если бы они не встретились?.. Господи, даже подумать страшно. Майра, Этель, Ирен... все они уже в прошлом, и ни думать о них, ни вспоминать не хочется. Вот только Розы и миссис Стоун... нет, наверное, у миссис Стоун действительно... не все дома. Её письмо такое странное, но в одном она права. Истинный отец ребёнка тот, с кем женщина испытала настоящее... не наслаждение, это больше, чем наслаждение. А ведь если прикинуть по датам...

Женя пустилась в вычисления. Она встретила с Хэмфри на балу, это как раз через неделю после её ночи с Эркином, а Алиса родилась четвёртого февраля, получается... всего месяца не хватает. Ну, так это пустяки, рожают и на седьмом и на десятом месяце. Говорят, некоторые до одиннадцатого ходят, а одна королева – на истории ещё в школе рассказывали – родила через тринадцать месяцев после смерти мужа, и ребёнка признали законным наследником. Но это – Женя улыбнулась – уже не физиология, а политика. Нет, месяц – это пустяк, и о Хэмфри можно теперь забыть окончательно. Его просто не было. Эркин любит Алиску, а та так и льнёт к нему. Так что никаких проблем.

Женя посмотрела в окно. Да, здесь следы войны повсюду. И воронки не все засыпаны, и развалины частые. Тейлор-Сити – промышленный город, понятно, что его так бомбили. Каким чудом она тогда не попала сюда? Ей ведь обещали протекцию на место на заводе, хорошая зарплата и армейский паёк. Да, правильно, не смогла сесть на поезд, задержалась перепелёнывая Алиску, и опоздала. Пришлось ехать в Коулти, а тот поезд привёз бы её прямо под бомбы. Вот и говори про судьбу. Так, а здесь больше двадцати минут стоим, как раз сводить Алиску в уборную.

Она только потянулась дотронуться до него, как Эркин вздрогнул и открыл глаза.

– Что?

– Мы полчаса стоим, надо с Алиской выйти.

– Конечно, – кивнул Эркин. – Я пригляжу за всем.

– Не надо, – улыбнулась Женя. – Тебе тоже надо... размяться. А за вещи отвечает проводник.

Тот как раз заглянул в купе.

– Тейлор-Сити, мэм, будете выходить?

Он обращался подчёркнуто к Жене.

– Да, – кивнула Женя. – Дамская комната?..

– Прямо и направо, мэм.

Проводник широко улыбнулся и исчез.

– А чего он радуется? – тихо спросил Эркин, снимая с крючка куртку.

– За это он получает чаевые, – так же тихо ответила Женя, одевая Алиску.

– Мы уже приехали? – спросила Алиса, задирая голову, чтобы Жене было удобнее завязать ленты её фетровой шапочки под подбородком.

– Нет, зайчик, мы выйдем немного погулять.

Женя выпрямилась и увидела, что Эркин держит наготове её пальто. Купе просторнее отсека, и Женя с удовольствием подставила плечи, будто это не старенькое «скромное, но приличное» пальто, а меховое мантио, какое она однажды видела в витрине дорогого магазина.

Поезд замедлил ход и остановился. Эркин следом за Женей и Алисой прошёл по коридору к выходу, в тамбуре обогнал их, соскочил на перрон и обернулся, чтобы помочь, но за него это сделал проводник. Женя с улыбкой кивнула Эркину и пошла к зданию вокзала.

Эркин взглядом проводил их и отвернулся. Времена, конечно, другие, но соваться к белым не стоит. Он не в лагере, ещё нарвётся, а скандал ему совсем ни к чему. Выглядев негра-носильщика, он подошёл к нему узнать о здешних порядках.

Когда Женя и Алиса вернулись из своего похода в дамскую комнату на перрон, Эркин с независимо-равнодушным видом курил, стоя в пяти шагах от их вагона. Увидев Женю с Алисой, он еле заметно улыбнулся им и даже будто подмигнул. Женя подошла к вагону, и проводник вежливо помог ей войти. Эркина он, что называется, в упор не замечал, на что Эркину было столь же демонстративно наплевать. Точным щелчком отправив окурочок в ладонь мающего возле урны негритьёнка в рваном свитере на голое тело, Эркин вслед за Женей вошёл в вагон. Проводник молча посторонился, пропуская его.

Они успели войти в своё купе и раздеться, когда поезд тронулся. Эркин с удовольствием оглядел снова прилипшую к окну Алиску и улыбающуюся Женю.

– Всё в порядке?

– Конечно, – улыбнулась Женя. – А у тебя?

– Никаких проблем, – весело ответил почему-то по-английски Эркин.

Они оставались по-прежнему втроём. Эркин посмотрел на часы.

– До следующей остановки сколько? – перешёл он на русский.

– Часа три, не меньше, – понимающе кивнула Женя. – Конечно, поспи. До Дурбана остановок не будет, никто не подсядет. Может, приляжешь?

– Нет, – мотнул головой Эркин. – Мне и так хорошо. И ты поспи.

Женя кивнула.

Они сидели и смотрели друг на друга. Мягко подрагивал пол, неумолчно стучали колёса, Алиса, глядя в окно, шёпотом то ли играла, то ли сама себе рассказывала об увиденном. Эркин откинулся на спинку кресла, слегка поёрзал плечами, устраиваясь поудобнее и закрыл глаза. Женя какое-то время с улыбкой наблюдала за ним, пока незаметно для себя не задремала. До Дурбана можно ни о чём не беспокоиться.

Покачиваясь вместе с вагоном, расслабив мышцы, Эркин бездумно дремал. Загнанное глубоко внутрь напряжение, мысли о будущем и воспоминания о прошлом... нет, сейчас его ничто не тревожило. Стоит приподнять веки, и он видит Женю. И Алису. Да ему и не надо открывать глаза, чтобы их видеть. Он с ними, слышит дыхание Жени, шёпот Алисы. Они в безопасности. Ему ничего больше не надо. Когда приедут на место, он пойдёт на работу. Если удастся по заявке грузчиком на завод, это будет большой удачей. Постоянный заработок, каждую неделю или раз в две недели, даже раз в месяц, но знать, что тебе заплатят, а не бегать каждый день в поисках работы... Да, будет удачно. Конечно, заработок у грузчика невелик, но он постарается подработать. И жильё... даже своя комната в бараке... а что? Во всяком случае, она будет просторнее отсека. Лишь бы влезли стол и двухъярусная кровать, какие были в лагере. Тогда Алиса на нижней койке, Женя на верхней, а он будет себе стелить на полу. Для одежды набьёт гвоздей в стену, а если повезёт и, как в Джексонвилле, комната с кухней...

Эркин улыбнулся, не открывая глаз. Сколько болтали у пожарки, обсуждая варианты с жильём. Многие мечтали о своём доме. Как это по-русски? Да, избе. Но Тим прав: свой дом – слишком дорого, а купить дешёвую развалюху, так её пока сделаешь... С Андреем он бы ещё попробовал рискнуть, Андрей – мастер, а самому ему такое не потянуть, и зимой в развалюхе они околеют от холода. Нет, комната или квартира в крепком доме, и чтоб, как в

лагере, уборная со смывом, раковина с краном, кухня с плитой не на дровах или угле, а, как рассказывали, на газе, и отопление чтобы от котельной... и тут же сам себя осадил: больно многого хочешь. Да пусть печь и вода во дворе, как в Джексонвилле, что ему, тяжело воды и дров принести? Да нет же, силы за месяц накопил...

Женя коснулась его руки. Эркин вздрогнул и открыл глаза, но ещё до этого он успел другой рукой накрыть её ладонь.

– Что? Что-то случилось?

– Нет, – улыбалась Женя. – Просто... Ты что-то во сне видел?

– Нет, – качнул головой Эркин. – Я думал, как мы в Загорье жить будем. Какое будет жильё.

– Я тоже об этом думала, – кивнула Женя. – Конечно, выбора не будет. Поселимся, где скажут. Но хотелось бы квартиру. Помнишь, мы как-то говорили. Кухня, ванная, четыре комнаты...

Эркин вздохнул.

– Столько могут и не дать. А купить мы не сможем.

– Да, – согласилась Женя. – Конечно. Но так хочется помечтать.

Эркин с улыбкой кивнул и подхватил игру. Он всё ещё держал Женю за руку и теперь подался всем телом вперёд, чтобы она могла сесть поудобнее.

– Четыре комнаты – это... Алисе комната – раз, спальня – два.

– Общая комната – три, и комната для гостей – четыре, – улыбалась Женя.

И раньше, когда они говорили о будущей жизни, и сейчас Женя даже не намекала, что он будет спать в отдельной комнате, она говорила про «нашу спальню», и от этого у Эркина начинало холодеть и как-то щекотать где-то глубоко внутри. Женя согласна, чтобы он жил, спал в одной комнате с ней, да от одного этого...

– А общая комната? – увёл он, на всякий случай, разговор от спальни.

– Там мы будем отдыхать вечером, гостей принимать, обедать по воскресеньям. Её мы сделаем нарядной.

У Жени даже щёки разгорелись.

– Знаешь, я в колледже курс домоводства прослушала. И у нас были занятия по интерьеру. Ну, как сделать комнату красивой, понимаешь?

Эркин кивнул.

– Где ты, там всё красиво, – рискнул он.

Женя ахнула и тихо рассмеялась.

– Ой, спасибо.

Эркин довольно улыбнулся. Алиса обернулась к ним от окна.

– А у меня кукольная комната будет?

– Будет, – кивнула Женя.

– Ещё для кукол комната? – удивился Эркин. – Пятая?

– Нет, – рассмеялась Женя. – Это в детской сделаем.

– Выгородку, – понимающе кивнул Эркин.

– Нет, – стала объяснять Женя. – Сделаем, как у меня было. Такой стол, а на столе расставлена кукольная мебель. Или ещё как домик делают. Передняя стенка снимается, вот и квартира.

– Эрик, сделаешь? – сразу спросила Алиса.

Эркин не слишком уверенно кивнул.

– Попробую.

– Мам, а мячик у меня будет?

– Будет, – улыбалась Женя. – И мячик, и санки, и прыгалки. Всё у нас теперь будет. Не сразу, конечно.

– А когда денежек накопим, – понимающе кивнула Алиса, снова поворачиваясь к окну. Но там уже шёл дождь, по стеклу бежали струйки воды, всё стало мутным и неразборчивым. Алиса вздохнула.

– Давай-ка, зайчик, – сразу сказала Женя. – Поспи пока.

Она сняла с Алисы туфельки, поставив их к ботикам, помогла улечься в кресле с ногами, укрыла своей шалью. Эркин потянулся за курткой, но Женя покачала головой.

– Не надо, здесь тепло. Ещё перегреется, вспотеет, тогда хуже простудится.

Алиса мгновенно заснула, и Женя пересела к Эркину, села рядом, положив голову ему на плечо. Эркин осторожно обнял её за плечи, очень мягко, чуть-чуть прижал к себе и, повернув голову, уткнулся лицом в её волосы. Теперь они сидели молча. И единственное, о чём ещё мог думать сейчас Эркин – лишь бы это не кончалось.

До самого Дурбана их никто не тревожил. Когда за окном появились дома пригорода, Женя встала поправить разметающуюся во сне Алису. Пока она её укладывала и укрывала, поезд уже замедлял ход, останавливаясь, и Женя, переглянувшись с Эркином, села на своё прежнее место. Мало ли что, лучше ей быть рядом с Алисой. Тем более, что за окном плыла цепочка приготовившихся к посадке людей. Дурбан – большой город, и мало ли что...

Голоса, шаги... Эркин невольно напрягся, готовясь к любой неожиданности.

Проводник откатил дверь их купе.

– Здесь одно место...

– Благодарю.

Высокий мужчина в блестящем от воды кожаном пальто и кожаной шляпе, несколько смахивающей на ковбойскую, вошёл в их купе, небрежно кивнув проводнику. Одним быстрым, очень внимательным взглядом, от которого у Эркина сразу напряглись, как перед прыжком, мышцы, оглядел их всех. Никакого багажа у мужчины не было. Он быстро и ловко снял и повесил пальто и шляпу, оставшись в хорошем костюме, и сел в свободное кресло. Пиджак был ему чуть широковат, но, когда он сажился, натянувшаяся ткань на мгновение обозначила висящую под мышкой кобуру. Заметил её только Эркин. Сев в свободной, даже чуть-чуть небрежной позе, мужчина дружелюбно, но покровительственно обратился к Жене.

– Тоже до Стоп-Сити?

– Да, – сдержанно кивнула Женя.

Она провела рукой по укрывающей Алису шали и подвинулась, чтобы не касаться коленями колен сидящего напротив попутчика. Эркин слегка сдвинулся и сел чуть наискосок, упираясь теперь спиной в угол. Стенка вагона неприятно холодила плечо, но ему было сейчас не до этого.

– Охота тащить малышку в такую даль, – мужчина с усмешкой покачал головой. – Погодка-то дерьмовая, застудить ничего не стоит.

Насмешливая чёткость, с которой он выговорил ругательство, напомнила Жене Хэмфри. Тот тоже любил дразнить её и других девушек такими словечками. Взглядом останавливая нахмурившегося Эркина, Женя очень корректно ответила:

– Обычная погода в это время.

Мужчина с прежней лёгкой усмешкой оглядел её и повернулся к Эркину.

– И ты до Стоп-Сити, парень?

Еле заметно шевельнув плечами, чтобы показать мышцы, Эркин очень спокойно ответил:

– Это имеет значение, сэр?

Мужчина неопределённо хмыкнул:

– Надо же знать, с кем коротаешь время в дороге. Меня зовут Ник, я из Эпплтона, – и вопросительно посмотрел на Женю.

– Джен, – ограничилась английской формой Женя и посмотрела на Эркина.

Тот опустил на мгновение ресницы, показывая, что понял её просьбу, и подчёркнуто спокойно представился:

– Эрик.

И по скользнувшей по губам Жени мгновенной улыбке понял, что сказал правильно. И не соврал, так что не спутаешь и не забудешь, и Алису ни поправлять, ни предупреждать не придётся, и его настоящее имя этому типу знать совсем незачем.

– У меня в Эпплтоне своё дело. Небольшое, – словоохотливо рассказывал Ник, – но жить можно. Да компаньон мой на сторону стал смотреть. В Дурбане я его не перехватил, разминулись, а Стоп-Сити потому и Стоп, что оттуда уже никуда, так что встретимся. Ну, и, если что, попросаемя. А вы, Джен, встречаете или провожаете?

Его откровенность обязывала, и, вежливо улыбнувшись, Женя ответила:

– Мы уезжаем.

– На ту сторону? – Ник присвистнул. – Это вы зря, Джен. В России не жизнь для настоящего человека, – и насмешливый взгляд на Эркина.

– Хуже, чем здесь, уже не будет, сэр, – по-прежнему спокойно ответил Эркин.

Глаза Ника стали жёсткими.

– Тебе, я вижу, особо плохо не было, парень.

У Эркина чуть озорно блеснули глаза.

– Ну, сэр, на чужой спине любая плеть мягка.

Женя улыбнулась.

– С плетью тебе виднее, конечно, – насмешливо согласился Ник.

– Встречались, сэр, – кивнул Эркин.

Он не мог понять, зачем этот беляк его задирает, но отступать не хотел. Тот, поп, только выпрашивал, а этот в наглую лезет, да ещё и пушка у него. Но и отступать нельзя. Хватит, намолчался он. Двадцать пять лет молчал и терпел, хватит.

– Думаешь, в шалаше жить лучше?

– Почему в шалаше, сэр? – невольно удивился Эркин и, тут же поняв, что Ник говорит об индейском шалаше, как в той резервации у имения, улыбнулся: – Где захотим, там и будем жить, сэр.

Нахмурившись, Ник несколько раз перевёл взгляд с него на Женю, обратно и усмехнулся.

– Неплохо устроился, парень.

– Не жалуюсь, сэр, – солидно кивнул Эркин.

Обращение «сэр» привычно высказывало у него в конце каждой английской фразы, но он даже сам чувствовал, что это не принижает его, а иногда звучит и достаточно насмешливо.

Жене хотелось прекратить этот разговор. Неизвестно, на сколько хватит у Эркина выдержки, но она никак не могла сообразить, как это лучше сделать.

Ник ещё раз внимательно оглядел Эркина.

– Не боишься, что с вождём не поладишь? Ершистых нигде не любят.

– Это мои проблемы, сэр.

– С головой и руками и здесь можно хорошо устроиться.

Эркин кивнул.

– Да, сэр. Но здесь праздников много.

– Каких ещё праздников? – удивился Ник и, сообразив, нахмурился.

– Хэллоуин, к примеру, сэр, – по-прежнему вежливо ответил Эркин.

Ник покачал головой. Крыть ему, что называется, нечем, на такой козырь серьёзный джокер нужен, но и... но и нельзя, чтобы парень взял верх. Напомнить про заваруху? Ведь наверняка тогда за парнем хороший след остался, как русские говорят, от всей души погулял. Да нет, не стоит. Лишний шум всегда ни к чему, тем более, что дело своё и серьёзное.

Они одновременно отвели глаза. Эркин на долю секунды позже. Женя еле заметно облегчённо вздохнула и села свободнее. Откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Сидя по-прежнему чуть наискосок, Эркин следил за Ником. Мало ли что беляку в голову придёт, надо быть наготове.

Ник чувствовал этот пристальный недоброжелательный взгляд. Неужели он лопухнулся, волка за собаку посчитал? Да, парень похоже именно... волчьего племени. И здорово обозлён. Чёрт, совсем не знаешь, как разговор повести. До самой границы теперь как на mine. И видишь взрыватель, и тронуть нельзя. А жалко, что парень уезжает. Такого волка приручить, прикормить... перспектива, конечно, заманчива. Грин на таком большие деньги делал. Пока не спёкся. Чёрт, поспешил ты, Ник, с волком, как с дворнягой обошёлся. Ладно, успокойся, дай успокоиться парню и постарайся проститься так, чтобы следующая встреча была, по крайней мере, приятельской. А то вдруг на той стороне придётся... хм, дела делать. Земля велика настолько, что всегда можно на кого-нибудь наткнуться. И лучше, чтобы этот кто-нибудь был добрым знакомым.

Сонно шевельнулась Алиса, сползая с кресла. Эркин быстро встал подхватить её. И почти сразу открыла глаза Женя. Чуть прищурившись, Ник следил, как Эркин укладывает и укрывает Алису. Женя улыбнулась.

– Спасибо, милый.

Улыбнулся и Эркин.

– Пусть спит.

Они говорили по-русски, и Ник напряжённо прислушивался к непонятным словам. Эркин сел на своё место, Женя снова прикрыла глаза. Уютно посапывала Алиса, неумолчно стучали колёса...

– Отчаянный ты парень, – задумчиво сказал Ник.

Его тон Эркин посчитал достаточно дружелюбным и потому ответил в том же тоне.

– Какой уж есть, сэр.

– В чужую страну всё-таки, – Ник покрутил головой. – Здорово рискуешь.

– У меня нет другого варианта, сэр, – серьёзно ответил Эркин.

– Что ж, – вынужденно согласился Ник. – В чём-то ты и прав. Только... только и там ведь не рай.

– Да, сэр, – кивнул Эркин. – Люди, конечно, везде не ангелы, но здесь был ад, сэр.

Ник смотрел на него всё с большим интересом. Нет, ты посмотри, и говорит, и держится... Ну, волк, ну, хорош...

Мирный оборот, который принимал их разговор, устраивал Эркина. Ника тоже. Обменялись мнениями о погоде, Ник высказался о русском холоде, а Эркин, что сухой холод лучше сырости. Да и была бы одежда подходящая, тогда о погоде можно и не думать. Ник счёл это замечание вполне справедливым. За окном проплыли искореженные останки какого-то мощного сооружения, и разговор плавно перешёл на тему войны. Ник пустился в воспоминания о бомбёжках. Эркин сказал, что ни разу под бомбёжкой не был.

– Тогда тебе крупно повезло, парень, – усмехнулся Ник. – Хуже нет, когда тебе на башку небо валится. И не убежишь, и не прикроешься.

Эркин кивнул. Он в лагере уже столько наслушался о бомбёжках, что отлично понимал степень своего везения. И улыбнулся.

– Я вообще везучий, сэр.

Женя, не открывая глаз, слушала их разговор. Смысл слов как-то ускользал, но тон был мирным, и она продолжала дремать.

Снова завозила Алиса.

– Я пить хочу, – заявила она по-русски.

– Сейчас, – ответил ей тоже по-русски Эркин.

Извинившись кивком за прерванный разговор, он достал из маленького мешка флягу и Алисину кружку. Алиса села поудобнее, протёрла кулачками глаза и, уже протягивая руку за кружкой, увидела Ника. Её мордашка выразила такое изумление, что Ник расхохотался.

– Я не привидение, – весело скал он.

– Я это вижу, – ответила Алиса по-английски, беря кружку и, сделав первый глоток, добавила: – сэр.

Теперь рассмеялась, открыв глаза, и Женя. И Эркин улыбнулся своей «настоящей» улыбкой. Женя выпрямилась и пригладила волосы, посмотрела на свои часики.

– Обедать будем, да? – спросила Алиса.

– Да, пора уже, – кивнула Женя.

Эркин поднял и закрепил стол, и стал накрывать. Женя, достав из сумочки пакетик с салфетками, велела Алисе протереть руки и посмотрела на Ника. Но тот извлёк из кармана своего пальто книжку «дорожного» формата в мягкой обложке и стал читать. Что ж, угощать просто попутчиков не принято, они не настолько знакомы. Разговор – одно дело, а еда – совсем другое. Женя встретилась взглядом с Эркином, и он кивком показал ей на кружки. Да, у них всего три кружки, так что никаких гостей. Эркин вскрыл второй пайковый пакет и расстелил его на столе вместо салфетки, сделал сэндвичи с тушёнкой, положил пачку печенья.

– Хотите русского печенья? – всё-таки предложила Женя.

– Благодарю, – улыбнулся ей Ник, – но я не люблю сладкого.

Искоса он наблюдал за уверенными красивыми движениями Эркина. Ну нет, этот в племени не уживётся, такой никакого вождя над собой не потерпит. Красив парень, очень красив, бабы на такого, как мухи на мёд должны слетаться... Ник прикусил изнутри губу, с трудом удержав лицо. Чёрт, неужели... даже не слышал никогда о таком. Но если это так... то понятно, что почему она так на него смотрит. Ах ты, чёрт, какой поворот. Индеец-спальник. Золотое дно для умного и оборотистого. И не боится парень к русским ехать, русские, говорят, таких на исследования отправляли. А этот не боится. Почему? Есть покровители? Не иначе. И очень сильные. Не эта же девчонка его прикрывает. Нет, здесь должны быть очень крупные силы задействованы. Стоп-стоп, а ну-ка, смотри незаметно, но внимательно. Рубашка. Нагрудный карман. Узор... Чёрт, Старый Охотничий Клуб. И герб не нашит, а выткан, потому и почти незаметен. Это... это знак не рядового охотника, а члена Правления. Это уже очень серьёзно. Русские, опять же. Клуб они взяли к ногтю, об этом только шёпотом и с доверенными людьми, но кое-что о кое-ком... Аресты с полной конфискацией, включая оружие и счета. Так что это? Трофей? Не похоже. Или...

Чтобы обед отличался от завтрака, Женя после сэндвича дала Алисе ещё печенье и конфету. Ну, что ж, ещё один пакет у них на ужин. А ужинать будут уже в Рубежине. А на полдник – Женя опять посмотрела на часы – да, печенье и сок. Что ж, с едой они рассчитали правильно. Сэндвичи с тушёнкой оказались достаточно сытными. Алиса, во всяком случае, сыта и доедает явно из послушания.

– Эркин, мне много столько, возьми себе.

Эркин покачал головой, изобразив предельную сытость, и откинулся на спинку кресла, рассеянно глядя в окно и медленно, по глотку, допивая сок. За окном продолжался дождь иплыли какие-то мокрые развалины. Поезд шёл медленно, с частыми, но короткими остановками, из коридора доносились шаги и голоса. Пару раз к ним уже заглядывали разносчики, предлагавшие кофе, сэндвичи, ещё что-то... Эркин допил сок и, переглянувшись с Женей, убрал со стола.

Алиса снова смотрела в окно, но, похоже, дождевые струйки интересовали её больше, чем дома и голые деревья. Эркин сидел уже спокойно, откинувшись на спинку кресла и даже полуприкрыв глаза. Беяк, вроде, не слишком опасен и занят своим, Жене и Алисе ничего не грозит, так что можно немного расслабиться. Он привычно распустил мышцы, чтобы качаться

вместе с креслом, и чутко дремал. Алисе надоел дождь за окном, и она стала засыпать. Женя уложила её, опять укрыла своей шалью и, сев на своё место, тоже закрыла глаза и задремала.

Скользя глазами по строчкам дешёвого глупого детектива, Ник слушал сонную тишину в купе и быстро напряжённо думал. Комбинация получалась сложная и опасная для случайно прикоснувшегося. Итак... Что он сказал парню о себе? В принципе, соответствует истине и не вызвало отпора. Да, безусловно, парень ревнив, и здесь надо быть предельно осторожным и внимательным. Малейший намёк – и всё! С волками в салочки не играют. И в прятки тоже... не стоит. Но кто же за ним стоит? А похоже... Джен – не индианка, от силы метиска на четверть, условная, недоказанная или цветная. А девочка белая. Приёмыш? Подобрали в заваруху? Или... или в ту же заваруху, спасая, отдали цветным. Слышал о подобных историях. И помогли устроиться в репатрианты. Убрать девочку в Россию от... В сочетании с рубашкой... Нет, лезть в такую комбинацию очень рискованно. И не будем. Зачем чужой риск, когда хватает своего? Но придумано... остроумно и исполнено... элегантно. Интересно было бы узнать автора. Чтобы даже случайно не стать противником. С таким... точно проиграешь.

Ник посмотрел на часы. Сейчас будет Ред-Сити, стоянка сорок минут, и до Стоп-Сити без остановок. Нудный перегон. Поспать тоже, что ли? Делать-то больше нечего. Ник откинулся на спинку кресла, поёрзал плечами, прилаживаясь поудобнее. И закрыл глаза.

Когда Ник стал похрапывать, Эркин совсем успокоился. Теперь-то уж точно ничего не случится. Спящий неопасен.

Сонную тишину в их купе нарушил проводник.

– Ред-Сити, стоим сорок минут.

Ник вздрогнул и сел прямо, потёр лицо ладонями. И широко улыбнулся проснувшимся попутчикам.

– Сорок минут. Можно и пройтись.

– Да, – ответно улыбнулась Женя, – и дождь, вроде, поменьше стал.

Она стала будить Алису. Та, недовольно сопя и хмурия брови – недосмотрела сон про конфеты – одевалась. Эркин с невольной тронувшей его губы улыбкой подождал, пока Женя оденется и выйдет с Алисой, и вышел следом. Последним покинул купе Ник.

На перроне Эркин, уже чувствуя себя уверенно, взглядом проводил Женю и Алису до дверей вокзала и отправился на поиски уборной для цветных.

Дождь почти кончился, вернее был настолько мелким и слабым, что на него можно и не обращать внимания. Уборную для цветных Эркин, как и в Тейлор-Сити, нашёл на задворках, ближе к погрузочному двору. Как и везде, возле неё маялись безденежные и безработные бедолаги. Эркина встретили настороженным и не слишком дружелюбным ворчанием. Но в уборную пропустили. Там было безлюдно и не слишком чисто. Большинство раковин бездействовало, а до многих кранов Эркин побрезговал дотронуться. Стараясь держаться подальше от грязных стен, Эркин подумал, что, если бы не опасность нарваться на полицию, он бы вообще лучше обошёлся бы кустами или подворотней.

Как он и предполагал, на выходе его встретили. Три негра в обтрёпанных рабских куртках стояли в двух шагах от входа так, чтобы обойти их никак не получилось.

– Надолго сюда? – спросил один из них, заступив дорогу идущему ровным шагом Эркину.

Эркин вытащил из кармана сигарету, закурил и, затянувшись, естественным жестом передал её ближайшему сбоку. Сигарету приняли. Подошли и встали рядом, плотным, но не замкнутым кругом остальные.

– Пока поезд стоит, – спокойно ответил Эркин.

– Думаешь в Стоп-Сити работы больше? – хмыкнул загораживающий ему дорогу.

– Мне на ту сторону.

Кто-то присвистнул.

– Круто берёшь, парень.

– Не боишься?

– Беляки все одинаковы.

– Русские только ругаются по-своему, а так-то...

– Одна сволочь.

Эркин переждал этот шум.

– Хуже, чем было, уже не будет.

Убедившись, что он им не соперник, они ещё немного поругали погоду, беляков и низкие заработки и выпустили Эркина из кольца уже вполне дружелюбно.

Подходя к перрону, Эркин посмотрел на часы. Время ещё есть. Ага, вон и Женя с Алисой ходят, гуляют. Как и в Тейлор-Сити, он не стал подходить к ним, а остановился в нескольких шагах от их вагона и, чтобы не стоять просто так, достал сигарету. Женя оглянулась, встретила с ним глазами и улыбнулась. Эркин еле заметно кивнул, показывая, что видит, и остался стоять.

Громкий гнусавый голос от здания вокзала не слишком внятно объявил, что до отправления поезда до на Стоп-Сити осталось пять минут. Эркин погасил сигарету и выбросил окурочок. Дождавшись Женю и Алису, вошёл следом за ними в вагон. Проводник по-прежнему неприязненно косился на него, но молчал. В купе никого не было, и, пользуясь моментом, Эркин быстр спросил у Жени, раздевающей Алису.

– Сколько ему надо дать?

– От пяти до десяти, – поняла его Женя.

Эркин кивнул, помог ей снять пальто, повесил его и тогда уже разделся сам. Дрогнул пол под ногами, и почти сразу в купе вошёл Ник. Весёлый и раскрасневшийся. «Видно, выпил», – подумал Эркин.

Расселись. Ник опять достал свою книгу, Алиса смотрела в окно. Женя переглянулась с Эркином. Обсуждать что-либо, тем более дальнейший путь при Нике не хотелось. Эркин откинулся на спинку кресла и полуприкрыл глаза, показывая, что будет спать. Женя кивнула, посмотрела на занятую окном Алису. Ну вот, последние часы до Рубежина остались. А там – Россия, и они смогут быть вместе. Всегда. Как было этот месяц. И как будет, должно быть. Ну, разве это не глупость, что он не может подойти к ним, встать рядом, взять Алису на руки... Женя вздохнула. И сразу Эркин быстро и внимательно посмотрел на неё. Женя улыбнулась ему, и он снова прикрыл глаза.

Поезд шёл небыстро, но без остановок. Ник дочитал книгу и небрежно сунул её в карман висящего рядом с его креслом пальто. И опять... стоило ему шевельнуться, как его уколол быстрый внимательный взгляд из-под ресниц. «Спит индеец, – усмехнулся Ник, – по-волчьи» Один глаз спит, а другой смотрит. Волк – он и есть волк. Зато исподтишка по-шакальи не нападёт. Ник откинулся на спинку кресла и закрыл глаза: проводник разбудит.

Покачиваясь вместе с вагоном, Эркин спокойно дремал. Начало пути его устраивало. В Рубежине они пройдут визовый и таможенный контроль, обменяют деньги и уже на той стороне получат билеты до Иванькова. И там же паёк на завтра? Но это, как ему объяснили, выписывая маршрутку, смотря по поезду. Если сразу, то в Иванькове и обед, и паёк, а если заночуют в Рубежине, то паёк там. Заночуют... опять в барак, что ли? Надоело, честно говоря. Хотя... это смотря, какой барак. Но выбирать-то им не из чего. Ну, ничего. Иваньково, а дальше... нет, не стоит загадывать. Как говорил Фёдор? Загад не бывает богат. Да, думаешь одно, а получается совсем другое. До Иванькова ясно, а дальше посмотрим. Пайка, в общем, хватает, тот пакет, со сборного, он не тянул, а отошёл подальше, убедился, что один, и смолотил в момент. Зато потом долго был сыт. Эркин улыбнулся, не открывая глаз. Он до сих пор помнит вкус того хлеба и тушёнки. И слова врача. Веры Борисовны. И что бы ему ни говорили, плохо ему там, на той стороне, в России, не будет. Месяц он в лагере был, слова плохого не слышал. Был как

все. Даже не думал раньше, что сможет так с белыми. Да нет, какие ж они белые? Не в цвете же дело. Они... они свои ему. Вот оно...

Эркин вздрогнул и открыл глаза. Проверяя себя, поглядел на часы. Да, час остался, даже чуть меньше. Он подтянулся и сел прямо, потёр лицо ладонями. В купе сумрачно, а где здесь включается свет, он не знает. Как бы Алиса, проснувшись, не испугалась темноты.

Негромко зевнул Ник, откашлялся.

– Подъезжаем? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

Но Эркин ответил:

– Меньше часа осталось, сэр.

Вдохнула, просыпаясь, Женя. Ник щёлкнул выключателем. Под потолком зажглась круглая лампа в матовом колпаке, и за окном сразу стало темно. Завозилась, сползая с кресла, Алиса. Эркин нагнулся подхватить её и увидел своё отражение в оконном стекле. Женя поглядела на свои часики.

– Алиса, хочешь сока?

– Ага, – ответила, просыпаясь, Алиса и уточнила: – С печеньем? Хочу.

Эркин улыбнулся и достал свой мешок. Нику они уже не предлагали. По полкружки сока и по два печенья каждому. Эркин поболтал флягу, прислушиваясь к плеску.

– На донышке осталось, – сказал он Жене.

Женя кивнула.

– Разливай. Допьём уже, а в Рубежине ещё купим.

Они как раз успели доестъ и допить, и Эркин убирал кружки и флягу, когда в их купе заглянул проводник.

– Прибываем, конечная станция.

Ник кивнул, пряча во внутренний карман пиджака записную книжку, которую он просматривал. Женя стала одевать Алису. Поезд замедлял ход, подкатываясь к ярко освещённому перрону.

– Стоп-Сити, леди и джентльмены, – доносился из коридора голос проводника. – Стоп-Сити.

Эркин застегнул куртку, вытащил из кармана и надел шапку. Судя по блестящему перрону, там дождь. Надо доставать вещи, но Ник ещё сидит, а тюк вытаскивать – его заденешь. Поезд остановился.

– Было приятно познакомиться, – встал Ник. – До свидания.

– До свидания, – улыбнулась Женя.

– До свидания, сэр – вежливо ответил Эркин.

И как только Ник вышел из купе, стал вытаскивать вещи, прилаживать на плечи мешок и тюк.

– Эркин, проводнику надо дать, – сказал Женя по-русски.

– Я дам, – сразу ответил Эркин. – Семь кредиток.

– Хорошо, – кивнула Женя.

Они взяли вещи, Женя поставила Алису между собой и Эркином, и пошли к выходу.

Проводник, как и на остановках, стоял у двери, помогая выходящим. Эркина он проигнорировал, но Жене подал руку и Алисе помог перешагнуть из вагона на перрон. Эркин поставил тюк и ящик на перрон – здесь под навесом было не так уж мокро – и уверенно, привычным движением достал бумажник, вынул семь кредиток. Проводник явно растерялся, но его рука словно сама по себе взяла у Эркина деньги и вложила их в карман форменной куртки.

– Спасибо... – проводник в последнюю секунду проглотил неположенное по отношению к цветному обращение.

Эркин кивнул, взвалил на плечи тюк, взял ящик и посмотрел на Женю: знает ли она, куда идти. Женя улыбнулась проводнику.

– Спасибо, до свидания, – и по-русски: – Нам вон туда теперь.

– Вы с Алисой вперёд идите, – по-русски ответил Эркин. – Я за вами.

Женя поправила висящую на плече сумочку и взяла Алису за руку.

– Пошли, зайчик.

Эркин шёл за ними, готовый принять на себя любой толчок сзади, но по мере их приближения к перегораживающему перрон забору толпа стремительно и заметно редела. Все шли в другую сторону, в город, как догадался Эркин, а сюда... неужели они одни на ту сторону?

Кирпичный дом, похожий на лагерную проходную, окно с белой занавеской, дверь с блестящей табличкой... Женя отпустила Алису и открыла дверь. Эркин перевёл внезапно сбившееся дыхание и вошёл следом. Дверь гулко хлопнула за спиной, и офицер с погонами майора сказал:

– Слушаю вас.

Эркин сбросил на пол тук и мешок, поставил ящик, подошёл к барьеру поперёк комнаты и достал из внутреннего кармана пакет с документами.

– Здравствуйте, вот наши документы, мы уезжаем.

– Репатрианты?

– Да, – кивнула Женя.

Она уже положила узел и свой мешок рядом с тюком, взглядом велела Алисе стоять возле вещей и подошла к Эркину.

Офицер положил их документы на стол к двум девушкам, тоже в форме, но погоны лейтенантские, и те сразу стали рассматривать, листать, сверять со списками и записывать в толстые канцелярские книги. Офицер положил на барьер бланки.

– Заполните декларации.

Женя взяла бланки и огляделась в поисках стола. Но его не было.

– Пишите здесь, – разрешил офицер. – И только чернилами.

Женя достала из сумочки ручку и стала заполнять аккуратными печатными буквами пробы. Эркин стоял рядом, боком прислонясь к барьеру, чтобы по возможности видеть и Женю, и очень серьёзную Алису, и вещи, и офицера нельзя из виду упускать.

– Эркин, пересчитай деньги, – сказала, не отрываясь от письма, Женя.

Эркин достал бумажник. Барьер был достаточно широк, чтобы разложить на нём купюры и монеты.

– И у меня в сумочке, в кошельке. Ага, спасибо.

Эркин высыпал к своим деньгам мелочь из кошелька Жени. Ещё раньше, в первом лагере, Женя настояла, что все основные деньги будут у него, а себе тогда оставила немного, сказала: «на текущие расходы». Эркин расправил смятые кредитки, сложил их и монеты стопками и ещё раз пересчитал.

– Сколько? Надо вписать.

– Две тысячи триста семьдесят пять, и ещё мелочи на две кредитки ровно.

– Всего две тысячи триста семьдесят семь, – шёпотом сказала Женя, заполняя графу, и продолжила: – Золото в изделиях... нет, камни драгоценные... нет, оружие...

– У меня нож, – сказал Эркин.

– Покажи, – с равнодушным спокойствием потребовал офицер.

Он стоял рядом с ними, но по ту сторону барьера, ожидая, пока Женя закончит возиться с бланками. Искоса быстро поглядев на нож Эркина, качнул головой.

– Это можно не вносить. Огнестрельное оружие есть? Нет? Заполнили?

Он взял заполненные Женей бланки, быстро их просмотрел, передал девушкам.

– Пройдите налево на досмотр с вещами.

Эркин ловко подхватил оба мешка, тук и ящик, оставив Жене узел. Налево? Да, вон дверь.

Длинная комната с длинным столом и офицер в форме, похожей на военную, но другого цвета. Жестом он показал Эркину, чтобы тот положил вещи на стол. Вошли ещё трое в такой же форме. По человеку на каждый узел или мешок – сообразил Эркин. Неожиданно ловко и быстро они пересмотрели их вещи. Все узлы и пряжки, словно сами собой, развязывались и расстёгивались. И вот уже всё опять в прежнем порядке.

– Проходите сюда.

И только тут Эркин ощутил, что ему нечем дышать, и перевёл дыхание. Ладонь Жени на его запястье. Узел, тюк, ящик, два мешка, ручонка Алисы, вцепившаяся в край его куртки. Следующая комната. Снова барьер. Деньги? Да, вот... Он выгребает из бумажника радужные кредитки и из кармана тускло-жёлтые монетки.

– Распишитесь. Вот здесь.

Эркин посмотрел на Женю. Он же только по-английски умеет. Две буквы. У русских буквы другие, он уже это знает. Расписалась Женя. И вот перед ними деньги. Другие. Совсем другие. Серые. Он не видел раньше таких. Но цифры те же. Тысяча, пятьсот, ещё пятьсот, три сотенных, пятьдесят, две десятки, семь по одному. Это и есть «рубли»? Эркин заложил деньги в бумажник, спрятал его и перешёл вдоль барьера к следующему офицеру со стопкой документов. Удостоверения, метрика, свидетельство о браке, а виза? Визу не возвращают? Почему? За что?

– Виза вам больше не нужна, – офицер, они все сейчас кажутся Эркину на одно лицо, улыбается. – Вы уже в России. Вот ваш маршрутный лист, билеты до Иванькова, а это талоны на паёк. Поезд через два часа. Зал ожидания по коридору прямо. Там в буфете и получите паёк.

Или это уже другой им говорит? Рука Жени... хлопанье дверей за спиной... широкий коридор... зал... жёсткие скамьи... какие-то люди в форме спят, лёжа и сидя... Но вон свободная... прилавок... вон, в углу...

Они сложили вещи на скамью, и Эркин пошёл выкупать паёк. Заспанная круглолицая женщина в белом фартуке взяла у него талоны и выложила три пакета с пайком. Эркин обвёл взглядом прилавок и, не увидев знакомых банок с соком, спросил:

– Чай есть?

– С сахаром гривенник стакан.

Что такое гривенник, Эркин не знал и понёс пайки Жене.

– Вот, заложим в мешок. Женя, гривенник – это много?

– Гривенник? Ой, сейчас вспомню, да, десять копеек. В рубле сто копеек.

– Понял, – кивнул Эркин и достал флягу. – Я сейчас чаю куплю и налью.

– Да, и сейчас возьми попить горячего. И печенье доедим.

Эркин оглядел флягу, повернулся на мгновение к прилавку и снова к Жене.

– Десять стаканов. Семь во флягу и три сейчас, так?

– А семь стаканов влезет? – усомнилась Женя.

– Влезет. Кружка как два стакана, мы вливали четыре кружки, и было под горлышко.

И... там бутерброды есть. Взять?

– Алиса, есть хочешь?

Алиса замотала головой.

– Тогда по одному, – решила Женя. – Только попробовать.

Сидя на скамейке между Алисой и узлом, придерживая ногами тюк, ящик и большой мешок, Женя смотрела, как Эркин разговаривает с буфетчицей, расплачивается, очень аккуратно переливает дымящийся чай из стаканов во флягу, тщательно завинчивает крышку, вешает флягу на плечо и... Женя привстала, но Эркин уже шёл к ним, ловко неся сразу три стакана, прикрытых картонной тарелочкой с тремя бутербродами. Увидев розовые и белые ломтики рыбы на кусочках белого хлеба, Женя ахнула:

– Ты с ума сошёл.

– Они по двадцать пять копеек, – старательно выговорил Эркин и улыбнулся. – Удачу надо отпраздновать, правда? А это очень вкусно.

Женя только покачала головой, но спорить не стала. Конечно, Эркин так нервничал на досмотре, лицо совсем каменным стало... Они переложили вещи, Эркин прямо на скамье расстелил носовой платок, расставил стаканы и тарелку, он и Женя сели с боков, а Алису посадили на пододвинутый к скамье тюк. Эркин достал нож и разрезал каждый бутерброд на три части. Ели медленно, и Женя, не забывая следить за Алисой, наслаждалась и вкусом рыбы, и красивыми движениями Эркина.

– Очень вкусно. Ты молодец, Эркин.

Эркин счастливо улыбался. Он ел и пил, невольно прислушиваясь к собственным ощущениям, ведь это уже Россия, это русский чай и русская еда, в бумажнике у него русские рубли, в кармане куртки звенит мелочь, белая, а не жёлтая. С ума сойти!..

Женя посмотрела на часики, и он сразу заторопился, допил свой чай и отнёс стаканы, получив залоговую стоимость, три копейки за стакан, а стаканов десять, так что сдачи было... и за семь стаканов сразу залог... и ещё за три... нет, потом сосчитает, некогда уже.

– Поезд на Ивановку с первого пути, – гнусаво, но достаточно понятно сказали под потолком, и сразу ожил, зашевелился и загомонил зал.

И снова мешок на спину, тюк на плечи, ящик в руку, второй мешок и узел у Жени, Алиса... В общей толпе они шли к выходу, кажется, что всему залу на этот поезд.

– Женя, билеты у тебя, – напомнил Эркин, плечом отодвигая слишком напиравшего на них парня.

– Да, сейчас посмотрю. Алиса, за узел держись.

Ловко действуя одной рукой, Женя достала билеты и посмотрела на них.

– Четырнадцатый вагон. Плацкартный.

– Это как? – не понял Эркин.

– Сейчас увидим.

Вагоны, в общем-то, походили на те, в которых они ехали. А вот и четырнадцатый. И проводник у входа. Женя протянула ему билеты. Немолодой седоусый мужчина в тёмно-синей форме кивнул.

– Проходите.

Через тамбур они вошли в вагон, сразу напомнивший Эркину барак в Центральном лагере. Держа наготове билеты, Женя шла впереди, выглядывая их места. Ага, вот они. Женя проверила номера и спрятала билеты.

– Вот эти две полки. На Алису места не дали, – и вздохнула сразу и облегчённо, и озабоченно. – Давай укладываться.

Нижняя полка поднималась, открывая вместительный ящик. Заложили туда все вещи, оставив только маленький мешок с продуктами и нужным в дороге. Его Эркин положил на верхнюю полку. Женя с Алисой, значит, внизу, а он сверху. Ладно. Жаль, ни двери, ни занавески, и неизвестно, кто с ними будет...

– Ага, вот здесь, – прогудел за их спинами низкий голос.

Эркин медленно обернулся. Трое в форме без погон. Как их называют? Да, демобилизованные. Наверное, они и есть. В лагере об этом тоже приходилось слышать. Говорили разное. Но тут же выяснилось, что у двоих места в соседнем отсеке, и третий, бросив свой мешок на нижнюю полку, ушёл с обоими туда. Эркин перевёл дыхание и посмотрел на Женю. Она сосредоточенно снимала с Алисы пальто и шапочку. Поезд вдруг дёрнуло так, что Эркин еле удержался на ногах, а мужчина, стоявший в проходе на двух костылях, упал. Ругань, крики, смех... Эркин усадил Женю с Алисой на полку и помог встать упавшему.

– Спасибо, браток. Двадцать второе здесь?

– Да.

Двадцать второе место оказалось верхним, и мужчина огорчённо крикнул. Женя сразу предложила ему поменяться местами.

– Ну вот ещё, – он поглядел на Женю и улыбнулся. – Не такой уж я калека, чтоб до такого... а этот, – он показал на лежащий в углу вещевой мешок, – этот где?

– Рядом, – ответил Эркин.

Мужчина прислушался к пробующим песню голосам и кивнул:

– Ну, с ним я договорюсь.

Он с явно привычной ловкостью взял мешок и забросил его на верхнюю полку, а на его место положил свой такой же и стал устраиваться. Расстегнул и снял шинель, скатал её и положил в изголовье, сел, положив костыли на пол так, чтоб и не мешали, и были под рукой, расправил гимнастёрку под ремнём, звякнув наградами, и подмигнул серьёзно рассматривающей его Алисе.

– Далеко едешь, синеглазая?

Алиса плотнее прижалась к Жене, посмотрела снизу вверх на Эркина и решила всё-таки ответить.

– До Иванькова.

– Не ближний свет, – уважительно сказал мужчина. – Ну, давай знакомиться. Я – Владимир, дядя Володя, а ты кто?

– Я Алиса, – уже охотнее ответила Алиса. – А это мама. И Эрик.

Завязывающийся разговор прервал вошедший проводник. К удивлению Жени, он хозяйски сел рядом с Владимиром и развернул на коленях кожаную сумку с матерчатыми кармашками внутри.

– Давайте билеты.

Он собрал их билеты и разложил по кармашкам.

– В Батыгово разбудишь? – спросил Владимир, отдавая свой билет.

– Сможешь заснуть, разбужу, – усмехнулся проводник. – Постель будете брать? Рубль комплект.

– Будем, – кивнула Женя.

– С билетами разберусь, подойдите ко мне, выдам.

– А чаю, браток, нутро погреть?

– Только поставил, и стаканов нет.

– Чтоб у солдата не нашлось во что налить?! – рассмеялся Владимир.

Улыбнулся и проводник.

– Солдат нигде не пропадёт, это ты верно, – проводник встал и вышел.

– Батыгово далеко? – спросила Женя.

– За одну до Иванькова, – Владимир смотрел на неё с ласковой улыбкой. – Ничего, сестрёнка, доедем.

Женя кивнула.

– Конечно, доедем. Да, а чай у нас есть, – и посмотрела на Эркина.

Эркин встал и взял с верхней полки свой мешок. Пока он развязывал узел, Владимир выложил на стол свои припасы. Такой же пайковый пакет, а ещё кружок твёрдой колбасы, завернутый в тряпку кусок сала, две луковицы, небольшая фляжка и тряпичный узелок с сахаром. Эркин и Женя не смогли скрыть удивления, и Владимир улыбнулся, ставя на столик свою помятую кружку.

– Это мне в госпитале на дорогу выдали. Что по табелю положено, ну, и по хорошему знакомству добавили. Доставай кружки, ужинать будем, – и Жене: – давай, сестрёнка, хозяйничай. А мы для начала... – он многозначительно потряс флягой.

– Водка? – спросила Женя.

– Спирта нет, – Владимир несколько нарочито вздохнул. – Не дали.

– Я не буду, – покачала головой Женя.

– За возвращение надо, сестрёнка. Что мы выжили. Гнули нас, ломали нас, – глаза его стали на мгновение злыми, – что не они нас, а мы их в землю вбили. И домой едем. За это надо.

Он положил на стол длинный с цветной ручкой нож и по-хозяйски уверенно стал разливать водку. Две кружки до половины и третью на доньшке.

– Вот так, сестрёнка.

Спорить с ним было нельзя. Эркин чувствовал это, да и... да и не с чем спорить. Тогда, на королевском ужине они говорили о том же и почти теми же словами. Видно, поняла это и Женя. Она взяла нож и стала нарезать хлеб и сало.

– Ты не эконошь, – улыбнулся Владимир. – Толще режь. А синеглазке чаю, чаем чокнется.

– Разве чаем чокаются? – удивилась Женя.

– Ей ещё можно, – хмыкнул Владимир.

Эркин положил на стол свой пайковый пакет, достал нож. Владимир мотнул головой.

– Оставь. Вам до Иванькова больше ж не дадут, так? – Эркин вынужденно кивнул. – Ну вот. А Вам дитё кормить.

Эркин на мгновение опустил ресницы, молча вскрыл пакет, достал тушёнку и хлеб и стал делать бутерброды. Владимир с весёлым удивлением посмотрел на него, но промолчал. Сделав бутерброды с салом, Женя из фляги налила Алисе чаю.

– Ну, – Владимир взял свою кружку и поглядел на Эркина.

Эркин сел рядом с Женей и тоже взял кружку.

– Ну, за Победу!

– За Победу! – кивнул Эркин.

Четыре кружки со звоном столкнулись над столиком. Эркин, поднося к губам кружку, поймал краем глаза встревоженный взгляд Жени и улыбнулся ей.

Женя только пригубила, но мужчины выпили до дна и молча сосредоточенно накупились на хлеб с салом и луком.

– По второй? – предложил Владимир.

– Мне хватит, – покачал головой Эркин, прикрывая ладонью свою кружку.

– Свою меру знать – великое дело, – кивнул Владимир, убирая флягу.

Эркин кивнул, молча жуя сало. Тёплая волна толчками окутывала его. Женя взяла флягу с чаем, чтобы налить им, но Владимир коротким жестом остановил её и, взяв её кружку с остатком водки, аккуратно и точно перелил поровну себе и Эркину.

– Как раз по глотку.

Эркин взял кружку, чувствуя, что голова остаётся ясной, что сегодня он её удержит.

– За что?

– За кого, браток. За тех, что не дожили, пусть земля им пухом будет, – вздохнул Владимир и строго поправил Эркина: – Когда в память пьют, то не чокаются.

Они выпили, и Женя тут же налила им чаю из фляги. Чай был ещё тёплым, и Владимир улыбнулся.

– На вокзале покупали?

– Ну да, в буфете.

– А я не успел. Не на тот перрон забрёл, так пока дошкандыбал, уже посадку объявили.

Эркин кивнул. Тёплый чай приятно освежил горящий от водки и лука рот. Владимир посмотрел на прильнувшую к Жене Алису и улыбнулся.

– Уморила, синеглазка.

– Весь день в дороге, – ответила Женя, обнимая Алису.

Эркин допил чай и встал.

– Пойду, постель возьму, – и Владимиру: – Принести тебе?

– Спасибо, браток, – Владимир полез в нагрудный карман гимнастёрки. – Сейчас деньги дам. Рубль там?

– Потом, – отмахнулся Эркин, выходя из их отсека.

На выходе очередной толчок поезда шатнул его, так что пришлось ухватиться за стояк. Но пьяным он себя не чувствовал.

Эркин шёл сквозь галдящий, пьющий и поющий вагон, как через праздничный Цветной квартал. Пустые боковые полки и набитые под завязку отсеки, а кое-кто уже спал, завернувшись с головой в шинель или одеяло.

В крохотном, забитом полосатыми толстыми рулонами купе проводника Эркин получил три туго скатанных тюфяка.

– Дотащишь? – усмехнулся проводник.

– Перевязать есть чем? – ответил вопросом Эркин, вытаскивая деньги.

– Оплата по приезду, – проводник протянул ему верёвку.

Поставив три рулона в ряд, Эркин охватил их одной петлёй, закрепил узел, присел на корточки, прижимаясь спиной к ближнему рулону.

– Поддержи чуток.

И встал, поднимая на спине все три тюфяка.

– Ловко, – одобрил проводник, слегка подтолкнув нижний рулон, чтобы тот не выскочил из петли. – Верёвку потом занеси.

– Ага, – ответил из-под ноши Эркин, пускаясь в обратный путь.

Его опять пару раз шатнуло, прикладывая к стоякам, а один раз потянуло, повело прямо на гуляющую компанию. С хохотом и шутками в десяток рук его удержали, поставили на ноги и дружеским толчком направили на путь истинный.

Эркин ввалился в их отсек и был встречен радостным голосом Алисы:

– Эрик пришёл!

– Заждалась, – хмыкнул Владимир.

Эркин свалил свою ношу, распустил узел и сдёрнул петлю. Кинул рулон на свою полку и положил по рулону на нижние.

– Ну, спасибо, браток, – улыбнулся Владимир. – Да, а деньги?

– Сам проводнику отдашь, – Эркин перевёл дыхание и взял свою кружку, куда Женя уже налила ему чаю. – Сказал, оплата по приезду.

Женя стала стелить себе и Алисе, и Эркин сел рядом с Владимиром, а Алиса сразу забралась к нему на колени. Алису очень заинтересовали награды на груди Владимира, и она разглядывала их, строго насупив брови. Владимир заметил это и улыбнулся.

– Что, синеглазая, нравятся?

– Ага-а, – немного врасляжку ответила Алиса и решила уточнить: – Кругленькие – это медали, а звёздочки – ордена, да?

– Правильно.

– Это за храбрость, да?

– Тоже правильно.

– Звёздочка красная с солдатиком, звёздочка жёлтая с башней и две звёздочки белые тоже с башнями, – шёпотом приговаривала Алиса.

Женя быстро развернула и расстелила тюфяк, разложила одеяло и подушку и потянулась к лежащему наверху мешку. Эркин ссадил Алису и встал помочь ей. Женя достала из мешка полотенце и мыло.

– Алиса, пошли в уборную.

– Она в том конце, – показал направление Эркин, узнавший это во время своего путешествия за постелями.

Когда Женя с Алисой вышли из отсека, а Эркин опять сел рядом с Владимиром и взял свою кружку, тот задумчиво кивнул.

– Повезло тебе.

– Я везучий, – кивнул Эркин. – Знаешь, сколько таких как я в Овраги легло. Не дожили...

Он поставил на столик кружку, подобрал с пола верёвку и привычным движением, как когда-то лассо, смотал её на локоть и перевязал.

– Да, – Владимир, кивая, несколько раз подряд качнул головой. – Это так, конечно. Не дожило много.

Где-то рядом пели протяжно и грустно. Мужские голоса тщательно выговаривали слова, не слишком следя за мелодией. И весь вагон словно притих, слушая. Андрей пел так же – вспомнил Эркин. Для него слова были важнее. Эркин тряхнул головой.

– Вспомнил кого?

Владимир спрашивал так, что Эркин ответил.

– Брата. Брата у меня в Хэллоуин убили. Избили, облили бензином и подожгли. Понимаешь, он ещё жив был. Кричал. А они смотрели и смеялись. Понимаешь? И... и Алиса видела это. Её он спас, а сам... он на себя их отманил, отвёл...

Широкая ладонь Владимира легла на его колено.

– Никого... нету у тебя больше?

– Только они. Женя и Алиса.

Владимир кивнул.

– А у меня никого. Все погибли. Вот нашёл родню, дальнюю, дальше уж некуда. Списался и еду. Всё ж не один буду.

– Одному тяжело, – согласился Эркин.

В отсек вошла Женя, ведя за руку умытую Алису.

– Давай ложиться, маленькая.

Владимир подобрал свои костыли и встал.

– Пошли, покурим, – предложил он Эркину.

И снова путь по гудящему, хохочущему и плачущему вагону. Эркин шёл сзади, чтобы при необходимости помочь Владимиру. Но тот, видимо, уже привык к костылям и шёл уверенно.

В тамбуре было заметно холоднее. Владимир прислонился к стене и достал кисет. Эркин вытащил сигареты, предложил жестом. Владимир покачал головой.

– Привык к самокруткам.

Они закурили.

– Племя твоё... тоже?..

– Не знаю, – просто ответил Эркин. – Я не знаю своего племени, – и повторил: – У меня никого больше нет.

– И не нужен? – улыбнулся Владимир.

Эркин пожал плечами и, помедлив, кивнул.

– Да, наверное, так и есть. Одному очень тяжело, я знаю...

Они молча курили. Эркин щелчком выкинул в щель под дверью окурок, передёрнул плечами. Владимир курил, зажимая самокрутку в кулаке, так что даже огонька не видно. Из-под двери толчками бил холодный воздух, грохотали колёса, дрожал под ногами железный пол. Владимир погасил крохотный окурок и выбросил его.

– Ладно, пошли спать.

– Пошли, – не стал спорить Эркин.

Он открыл дверь, пропустил Владимира и вошёл сам. То ли шум стал глуше, то ли он уже притерпелся к нему. У уборной стояла очередь, небольшая, в три человека. Владимиру сразу предложили пройти первым.

– Спасибо, братки, – улыбнулся Владимир.

Разговор сразу стал общим и о войне. Эркин слушал молча. Здесь ему сказать было нечего. А они вспоминали, перебирали названия городов и номера частей... Из уборной вышел молодой, не старше Андрея, парень, застёгивая на ходу воротник гимнастёрки, но не ушёл, сразу ввязавшись в разговор. Народу всё прибывало. И когда очередь дошла до Эркина, было уже не протолкнуться.

Оказавшись в маленькой и достаточно чистой уборной, Эркин повернул на двери ручку и огляделся. Раковина, унитаз, даже зеркало есть. Ну, ладно, не будем задерживать остальных. Но он не сразу понял, что воду спускают ножной педалью, а кран надо подбивать ладонью. Наконец, приведя себя в порядок, Эркин окончательно посмотрелся в зеркало – нет, глаза не пьяные – и открыл дверь.

Народу полно, но Владимира уже не видно. Эркин протолкался к выходу и пошёл к себе. Да, многие уже улеглись, но в некоторых отсеках ещё всю гуляли.

Женя с Алисой уже лежали и, похоже, спали, еда на столике была аккуратно сложена, а Владимир сидел на расстеленной постели и смотрел в окно, хотя в тёмном стекле мог видеть только своё отражение. Слабое, потому что свет в их отсеке уже выключен. Спали и двое на боковых полках напротив их отсека. Постель Эркина тоже была развёрнута. Эркин посмотрел на Женю, подтянулся и залез на свою полку. Стащил сапоги и после секундной заминки опустил их вниз под стол, рядом с черевичками Жени и ботиками Алисы. Смотал портянки и засунул их в сетку на стене, затем расстегнул пояс на джинсах и вытащил рубашку. Раздеваться дальше он не стал. За время жизни в лагере привык спать на простынях, да и не настолько тепло в вагоне. И наконец лёг, вытянулся на спине, натянув до подбородка колючее, чуть тоньше ковбойского, одеяло. И закрыл глаза. Ну, вот теперь действительно всё. Пронзительно закричал за окном гудок. Ну, вот и всё. Он ушёл, прорвался. Теперь уже Женя и Алиса в полной безопасности. Здесь им ничего не грозит. Мелко дрожала под ним полка, стучали колёса, где-то ещё пели, кто-то нудно и непонятно со слезами в голосе на что-то жаловался, а с другой стороны над чем-то смачно ржали. Но он всё равно слышал дыхание Жени и Алисы.

Кряхтя и постанывая, лёг Владимир. Кто-то, гроыхая подкованными сапогами, прошёл мимо их отсека. Вагон успокаивался и засыпал.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Жариков закрыл книгу и откинулся на спинку стула. Время, конечно, позднее, и читано это уже многократно, но... всякий раз, когда так погано на душе, что не хочется жить, он берётся за эту книгу. И раньше это помогало. Но не теперь.

В дверь осторожно постучали. Жариков нахмурился: ему сейчас только этого не хватало, может, постоят и уйдут. Но стук повторился. Жариков обречённо вздохнул.

– Войдите.

И чуть не выругался в голос от удивления. Вошёл Андрей. Вот уж кого не ждал и не хотел видеть. Андрей стоял у двери, понунив голову.

– Ну? – наконец сказал Жариков.

– Иван Дормидонтович, – Андрей прерывисто перевёл дыхание, – я... я пришёл сказать... я не могу больше...

– Чего? – холодно поинтересовался Жариков, откладывая книгу. – Чего ты не можешь?

– Жить так.

В глазах Андрея стояли слёзы. Он явно старался сдержать их, не заплакать.

– Я знаю, за что вы на меня сердитесь, – Андрей всхлипнул. – Я знаю, я виноват. Новенький ни при чём, это я всё придумал. Я хотел... Я хотел, как лучше... Я думал, это Новенькому поможет, ну, бояться перестанет. Он так боялся белых, этого... что ни о чём уже ни думать, ни делать ничего не мог. Он и в палатах поэтому не мог работать. Из-за страха. А этого... это же он Новенького на День Империи избил. Ну, я и подумал... Я виноват, я знаю. Я потом понял, что сам стал, как этот, как... как Большой Док.

До этих слов Жариков слушал относительно спокойно. Слезливые, по-детски лукавые объяснения, что не хотели, не знали, не думали, он за этот год выслушал немало и знал, что, в принципе, все эти слова отражали не раскаяние, а желание избежать наказания. Но вот последняя фраза... уже нечто новое.

Жариков встал и подошёл к Андрею.

– Ты это понял?

Андрей кивнул, отворачиваясь, и зажмурился, сдерживая слёзы.

– Ладно, – Жариков вернулся к столу. – Садись, поговорим.

Осторожно, словно по горячему или скользкому, Андрей подошёл к столу и сел, положив ладони на колени, понуро опустил голову.

Жариков ни о чём его не спрашивал, и он заговорил сам:

– Я не знал, что он сын Большого Дока. Знал, что он Новенького на День Империи мордовал, а на Хэллоуин его арестовали, ну, в тюрьме у него крыша поехала, и его сюда отправили. Я... – Андрей стал перемешивать русские и английские слова, – я думал, он – обычный беляк. А Новенький и так... жил-дрожал, а его увидел... такой ни одну сортировку не пройдёт.

– Что-что?! – перебил его Жариков. – Ты это чего несёшь? Какие ещё сортировки?!

– Нет, Иван Дормидонтович, это... это не то, я понимаю, сейчас их нет, но... я же видел таких, их убивали. И Новенький таким становился. А сейчас... понимаете, он увидел, что беляк боится, его боится. Что он не слабее беляка. Он... он себя человеком почувствовал.

– Увидев страх другого?

– Да. Я понимаю, что вы о нас думаете, но это так.

– Вам тоже это было надо? – спросил Жариков.

Андрей поднял голову и твёрдо посмотрел ему в глаза.

– Мы видели их зависимость от нас. А на Хэллоуин увидели и страх. А кое-кто и в заваруху увидел, и ещё раньше... бывало. Да, это так. И... нет, не только это, – Андрей тряхнул головой. – Не только, нет. Мы же видели, понимали, нас спасали, лечили, но... нас. Попали к добрым хозяевам. Бывает. Редко, но бывает, повезло. Мы... мы оставались, кем были, рабами, спальниками, поганью рабской. Только потом, когда доходило, и тоже... нет, я путаюсь, простите. Я думал, Новенькому поможет.

– И помогло? – прикрывая иронией искренний и чуть ревнивый интерес, спросил Жариков.

– Да, – улыбнулся Андрей. – Он совсем другим стал, вы заметили? Он... он имя себе взял. И не Новенький теперь, а Новиков, Александр Новиков, Алик. И учиться начал всерьёз. Да, – Андрей нахмурился, – ему помогло, но... но я потом понял, это, ну, что я сделал, это тоже...

по-рабски. Я таким же получился. На слабом силу свою показываю. Я же сильнее, ну, беляка этого. И вот получилось, что я... придумал и на человеке... нет, он получился материалом для меня. Я когда это понял... – у Андрея расширились глаза, – я спать теперь не могу, всё думаю. Иван Дормидонтович, что мне теперь делать?

– Ты сам эту кашу заварил, – Жариков и боялся перегнуть палку, и не мог сдержать накопившуюся за эти дни горечь, – сам и расхлёбывай.

– Я не знаю, – вздохнул Андрей. – Может... может, мне пойти к нему, извиниться...

– Думаешь, он примет твои извинения? – спросил с интересом Жариков.

Андрей снова опустил голову.

– Да, вы правы, Иван Дормидонтович, я для него... раб, он меня и слушать не станет, или подумает, что это вы мне приказали.

– Что приказал?

– Ну, прощения попросить, – Андрей невесело улыбнулся. – Нас всегда заставляли прощения просить, на колени вставать, руки им целовать, сапоги... все мы так... в ногах у них навалились. Вы же помните, мы и здесь первое время так же... просили.

Жариков кивнул. Он помнил эти мольбы о пощаде, милостивом прощении. Не все, правда, вели себя так, но... Жариков встал и пощупал чайник. Чуть тёплый, надо подогреть.

– Сейчас чаю попью.

– Спасибо, Иван Дормидонтович, – Андрей потёр лицо ладонями, взъерошил пальцами волосы, вздохнул. – Я не знаю, что мне теперь делать, как мне жить дальше.

– А остальные что говорят? – осторожно спросил Жариков.

– Они не знают, – просто ответил Андрей. Так просто, что Жариков понял: это правда. – А узнали бы, сказали, что молодец, всё правильно, жалко мало врезал. А если ещё узнают, что он сын Большого Дока... – Андрей даже головой pokrutil.

– Как же вы с такой ненавистью к белым работаете в палатах? – спросил, садясь к столу, Жариков.

– Так это же совсем другое, – Андрей искренне удивился его вопросу. – Это же русские. Они защищали нас. Мы это понимаем. И... и не пристают они к нам, – Андрей сделал выразительный жест, от которого Жариков невольно покраснел. – Мы для них не спальники, и не рабы даже. А как они к нам, так и мы к ним. Я уже даже не замечаю давно, что они белые. Будто... будто мы одной расы. Только цвета другого, – и смущённо улыбнулся. – Ахинею несёшь, да?

– Да нет, не такая уж это ахинея, – задумчиво ответил Жариков.

Андрей вздохнул.

– Я вот Чаку завидовал, что он сумел отомстить. За себя, за других. А я... и вот попробовал. И только мне же хуже.

Жариков встал, выключил чайник и стал накрывать на стол. Андрей молча смотрел, как он ставит тарелку с печеньем, чашки, разливает чай...

– Сахар сам клади.

Андрей кивнул, пододвинул к себе чашку, обхватил её ладонями, будто замёрз, и тихо, устало повторил:

Что мне делать, Иван Дормидонтович?

Жариков пожал плечами.

– Не знаю. Я не шучу и не играю с тобой, Андрей. Я действительно не знаю. Ты хочешь поговорить с Шерманом, так?

Андрей вздрогнул, услышав это имя, но сдержался, резко мотнул головой.

– Нет, не хочу. Он... он похож на Большого Дока, я это не понял сразу. Не хочу. Боюсь... сорваться боюсь. Но если надо...

– Кому? Тебе или Шерману?

Андрей зябко передёрнул плечами.

– Как вы скажете, Иван Дормидонтович?

– Не увиливай, – Жариков шутливо погрозил ему пальцем и тут же стал серьёзным. – Это нужно и тебе, и ему. Но по-разному. Знаешь что, Андрей, не спеши. У тебя будет ещё возможность поговорить, – и усмехнулся. – И охрану не придётся отвлекать.

– Джо с Джимом не при чём, – сразу сказал Андрей. – Это всё я.

– Ты, ты, Андрей, – не стал спорить Жариков. – Всё ты.

И не выдержал, улыбнулся. Андрей тут же расплылся в ответной радостной улыбке. Всё, его простили. И поняли. Глядя на его довольное лицо, Жариков вздохнул. Ну, нельзя на него сердиться. Мальчишка. Это не инфантильность, не отставание в развитии, нет. Отсутствие социального опыта, семейного, полная неприменимость имеющегося опыта к жизни, необходимость адаптации... Жариков тряхнул головой и увидел внимательные глаза Андрея.

– Ты что?

– Вы... вы ведь изучаете нас.

Жариков насторожился: опять неожиданность.

– С чего ты взял?

– Вы на нас смотрите... – Андрей запнулся, подбирая слово. – Вы рассматриваете нас, – и заторопился. – Нет, я не в обиде, я понимаю. Иван Дормидонтович, вы ведь знаете, скажите мне, что со мной. Я не могу понять, но вы понимаете. Скажите. Что мне делать? Как мне жить?

– Ты недоволен своей жизнью? – осторожно спросил Жариков.

Андрей пожал плечами.

– Я не знаю другой. Всегда всё решали за меня.

– Остаться работать здесь ты решал сам, – возразил Жариков.

– Я... я боялся. Другого решения. Боялся остаться один.

– А ехать в Россию?

Андрей быстро посмотрел на него и опустил глаза, рассматривая свою чашку с остывающим чаем.

– Да. Это я решил сам. Как остальные, но сам. Но... я не знаю, как объяснить. Тот сержант... я даже не знаю, где он сейчас, он меня и не помнит, наверное, но я ещё тогда подумал, что если все русские как он, то буду жить в России. Хотя нет, вру, это я потом так думал. Нет, путаюсь я, я не пьян, не думайте. Я просто понять не могу. Нет, – Андрей встал. – Не то несу совсем, извините, Иван Дормидонтович, я пойду.

Встал и Жариков.

– Хорошо, спокойной ночи, Андрей, – и улыбнулся. – В другой раз поговорим.

– Ага, – просиял Андрей, – спасибо Иван Дормидонтович, спокойной ночи.

И выскочил за дверь с такой скоростью, будто боялся, что Жариков передумает.

Жариков покачал головой. Смешно, конечно, но... Андрею всего восемнадцать, самое время мучиться такими вопросами. Крису, например, не до этого, у него свои проблемы. Влюблён по уши и уверен, что безответно. А Люся так же твёрдо уверена, что она – урод, и что влюбиться в нее не могут, вот и страдают каждый сам по себе. А Эд ждёт роковой даты, когда ему исполнится двадцать пять, и из кожи вон лезет, доказывая свою полезность... Да у каждого свои проблемы. Есть, разумеется, и общие. Но в этом: «Как жить?» – в этом Андрей достаточно оригинален. М-мыслитель! Шерман два дня был в полной прострации, только сейчас стал как-то адекватно реагировать. Ну... ну, ничего. Больше к нему не полезут. Новенький, как его теперь, да, Алик, сам на это не рискнёт, а до Андрея вроде бы дошло. Надо подготовить остальных, что Шерман – сын Большого Дока. Приедет Северин с официальным заключением, и Шермана надо будет переводить на обычный режим. Выписывать его, разумеется, рано. Там ещё минимум две недели на общем режиме. А скорее всего и больше. Для социальной адаптации и психической стабилизации. Но на общем и только на общем.

Жариков допил свой чай и стал убирать со стола. Но ты смотри, как Андрея забрало: даже чай не выпил. Редкий случай. Обычно парни такого не упускают, съедают всё и всегда. Как все бывшие рабы. И вообще голодавшие.

По коридору прошёл охранник. Рассел слышал, как затихают его шаги, как хлопнула, закрываясь, дальняя дверь. Охрана... Кого и от кого они охраняют? Неприятно вспоминать, какую он закатил тогда истерику, чуть ли не до признания неадекватности. Конечно, сам виноват: не увидел, не распознал блефа, но животный, не рассуждающий страх оказался сильнее разума. Да и... всплыли в памяти всякие разговоры о ненадёжности тормозных рефлекторных дуг. И всё же... всё же, увидев на спортивной площадке эту пару – негра и мулата, узнав их по силуэтам, успокоился. Если парней и наказали, то неопасно для здоровья.

Рассел сел на кровати, нашарил на тумбочке сигареты и закурил. Да, труса он отпраздновал... классически. Но и... да нет, без «но». Спальники действительно умеют убивать бесшумно и бесследно. Смерть во сне. Бывали случаи, бывали. И говорили парни об этом очень просто. Так говорят о привычном. И слышать приходилось не раз. Смерть во сне. Заснул со спальником и не проснулся. Инфаркт, остановка дыхания от... чрезмерного восторга, свержоргазма? Некоторые даже завидовали такой смерти. Умереть в пылу восторга, на пике наслаждения... Идиоты. Оказывается, всё гораздо проще. Ну да, отличное знание анатомии с одной стороны, и полное отсутствие осторожности с другой. И вполне закономерный результат. Даже странно, что такие случаи были сравнительно редки. Или он просто не о всех знает...

...Эдвард резко со злостью ставит на стол стакан, едва не расплёскивая виски.

– Нет, Рассел, я лучше застрелюсь, чем лягу со спальником. Ещё неизвестно, что хуже.

– Ты преувеличиваешь.

– Вот как? – Эдвард насмешливо щурит глаза. – Не строй наивнячка. Такой ты, понимаешь ли, первачок, спальника в Паласе только и видел, – и становится серьёзным. – Ты же не хуже моего их знаешь. Это же звери. Жестокие, мстительные, злопамятные. И спальни не лучше, Рассел, даже хуже, они коварнее.

– И кто их сделал такими?

– Мы, Рассел, – смеётся Эдвард. – Разумеется, мы. Но мы же и расплачиваемся за это. За удовольствие надо платить. За всё надо платить, Рассел. Бесплатного не бывает...

...Рассел глубоко затянулся и медленно выдохнул дым. Эдвард заплатил. Сгорел вместе с Исследовательским Центром. А за что платил? За удовольствие работать, познавать, творить. Да, Эдвард творил. Пяти-шестилетки, будущие спальники и спальни, а пока просто рабы-малолетки обученные простейшим, элементарным навыкам, зверёныши. И Эдвард творил. Скульптор из куска мрамора делает статую, и его прославляют в веках, а здесь из живого, но столь же косного материала делают совершенство, и в награду... смерть под огнём и презрение русских. Вот оно, это совершенство, он его каждый день наблюдает. В окно и когда ему делают уколы. Да, парни сохранили красоту, обаяние, совершенство движений. Если не знать, что они перегорели, что само по себе уже... невероятно до невозможности, то ничем не отличаются от обычного контингента. Внешне не отличаются. А внутренне... а знал ли он внутренний мир спальников? Рассел усмехнулся. Нет, этой задачи никто не ставил, наличие такого мира даже не предполагалось, и, конечно, никем не изучалось. Нет, не так, не совсем так. Считалось, что он – этот мир – есть, но ограничен рефлекторными цепями и реакциями, врождёнными и сформированными...

...Эдвард стоит у стены, отражающей их лабораторию от обработочной камеры.

– Мне иногда страшно, Рассел.

Стена стеклянная, стекло с односторонним покрытием. Для спальников стена непрозрачна, а из лаборатории камера отлично просматривается. Он сидит за пультом, и Эдвард загоразивает ему вид.

– Эд, подвинься.

Эдвард отходит вбок, и он видит камеру. Сейчас на обработке всего двое, начальный курс. Двое голых смуглых мальчишек, семи лет, спят на полу в характерной для спальников позе.

– Убедись, смотреть не на что.

– Пусть дрыхнут, – кивает он. – А чего ты боишься, Эд?

Эдвард молча кивком показывает ему на мальчишек.

– Этих?! – искренне изумляется он.

– Не притворяйся, что не понимаешь, Рассел. Там, – Эдвард касается стекла, – накоплено столько ненависти... когда-нибудь чаша переполнится и изольётся. И нас сожжёт этой лавой.

– Ты что, Библии начитался? – смеётся он.

– Оставь этот вздор попам, Рассел. Божьего гнева не бывает, а вот... этого, – Эдвард снова показывает на стекло. – Да, это невозможно, но это так. Мы обречены. Нельзя безнаказанно делать то, что делаем мы. Мы все ответим за это. Все. Рассел...

– Вижу.

Один из мальчишек во сне тянется руками к гениталиям, и он поворотом тумблера посылает разряд. Несильный, но чувствительный. Стекло звуконепроницаемо, но ему всё отлично видно. Наказанный вскочил с криком, разбудил второго. Второй подходит. Так... если ударит и начнёт драку, то вызов надзирателю, а если... да, хочет утешить. Теперь разряд по нему. Есть, отскочил. Оба ревут. Подействовало? Если повторяют попытку самоудовлетворения, то повторим разряд с усилением. Без приказа запрещено. Формирование рефлекторных запретов, элементарная рефлекторная цепь. Да, подействовало. Опасливо оглядываются на дверь и ложатся. Мальчишек напоили возбуждателем, они ещё не раз попытаются избавиться от возбуждения, но он и Эдвард начеку. На всю жизнь запомнят. Что без приказа любые действия запретны и потому невозможны. На бритых головках аккуратные наклейки с номерами, под наклейками электроды. И всё. Элементарно... Со взрослыми, конечно, сложнее, там приходится не просто формировать цепи и дуги, а замещать ими уже сложившиеся. Но новые методики достаточно перспективны, правда, проблемы с аппаратурой, и пока обкатываются опять же на спальниках, уже подростках, и... нет, об этом сейчас думать не стоит. Работа, конечно, простая, рутинная, но отвлекаться нельзя. Хорошая тренировка для собранности и внимательности...

...Рассел, не глядя, нашарил на тумбочке пепельницу и раздавил окуроч. Эдвард действительно сгорел, но огненную чашу излили на него другие. И ничего с этим поделать нельзя. Смерть необратима. Единственно необратима. Всё остальное, включая, собственное сознание... Доктор говорит, что у него так же поставлены блоки. Очень глубокие и ранние. Возможно. Но думать об этом нельзя. Сразу начинает болеть голова, сильно, до тошноты. «О запрете не размышляй». И не будем. Инстинкт самосохранения превалирует над всеми остальными у всего живого, без различия расы, пола и возраста. Его не обманешь никакой идеологией.

Рассел глубоко вздохнул и лёг, повернулся лицом к стене, зябко натянул на плечи одеяло. Он жив. А пока человек жив, он должен пить, есть, спать по ночам и чем-то заниматься днём. Сейчас ночь, и потому надо спать. Хорошо бы без снов.

Андрей был уверен, что никого не встретит. Кому в ночную смену, так те давно на работе, а остальные дрыхнут. И, увидев в холле сидящего на подоконнике Крису, даже вздрогнул от неожиданности.

– Ты чего? – спросил Андрей.

Крис поднял голову.

– А ты чего шляешься?

Андрей пожал плечами.

– Так просто, – и, помолчав, всё-таки сказал: – Я у доктора Вани был.

Крис кивнул.

– Понятно, – посмотрел на Андрея и усмехнулся. – Философствовал?

– Д-да, – неуверенно ответил Андрей и тут же решительно повторил: – Да. А ты чего здесь сидишь?

– А твоё какое дело? – нехотя огрызнулся Крис.

И вздохнул. Андрей подошёл и сел рядом.

– Ты... ты сделай что-нибудь. Иссохнешь ведь так.

– Пошёл вон, – вяло ответил Крис.

Отругивался он не зло, только «для порядка», и Андрей расценил это как приглашение к разговору. Страдания Криса видели уже все. И сочувствовали. Влюбиться в беляшку... хуже пытки и представить нельзя. Сейчас это уже неопасно. Не так опасно. Но всё равно. А вдобавок ко всему, ведь даже никакого удовольствия ей не дашь. Нечем, перегорели. Руками там, ртом – это, конечно, можно, но, когда помнишь, что больше у тебя ничего нет в запасе... погано.

– Слушай, Кир, да плюнь ты на всё и поговори с ней.

Крис молча покосился на него, вздохнул. И наконец признался:

– Не могу.

– Как это? – Андрей сделал вид, что не понимает. – Ты ж по-русски чисто говоришь, лучше всех.

Крис приподнял руку, чтобы дать щелчка, но, не закончив движения, уронил на колени.

– Дурак ты. О чём я с ней говорить буду? Да и... не могу я, понимаешь. Вижу её, и язык как не мой. Или вот... как судорогой горло схватит, и всё. А не вижу её... Так совсем худо, хоть сам подушкой накройся. А она... она и не смотрит на меня. На что я ей? Спальник перегоревший. Погань рабская. А она...

Андрей подвинулся, чтобы сидеть, упираясь спиной не в холодное стекло, а в косяк.

– Ты ж теперь свободный, ты что?

– Заткнись, дурак. Тело мне освободили, а это... внутри я раб. Все мы рабы, не так, что ли?

Согласиться Андрей не хотел, а возразить ему было нечего. Он вздохнул и, помолчав, утешая, сказал:

– У индейца же, ну, помнишь, что привозили, у него же восстановилось. Подожди.

– Пять лет ждать, – вздохнул Крис. – Я ж загнусь.

– А она? – невинным тоном спросил Андрей, быстро соскакивая с подоконника подальше от Криса.

Но Крис успел поймать его волосы.

– Ах ты, малёк чёртов! – Крис легонько стукнул его затылком о своё колено и отпустил.

Андрей выпрямился, довольно улыбаясь: всё-таки вывел он Криса из тоски.

– Ладно, Кир, я чего-нибудь придумаю.

– Я т-тебе так придумаю, – Крис показал ему кулак и встал. – Ты уж напридумывал, философ. Чего на тебя доктор Ваня злится?

– Он меня уже простил, – ответил Андрей.

– Понятно, что простил, раз ты здесь. А чего это ты в тюремном отсеке начудил?

– Та-ак, – протянул Андрей. – Этот, Алик, трепанул?

– Не трепанул, а похвастался, – поправил его Крис, отряхивая штаны. – Какие вы хитрые да смелые, вдвоём одного беляка не испугались. Так что твои придумки я знаю, и в это ты не лезь. Я – не доктор Ваня, оторву всё так...

– Что доктор Юра не пришьёт, – закончил за него Андрей.

– То-то, – рассмеялся Крис. И продолжил уже серьёзно: – Алику ты помог, правда, молодец. Обошлось, и слава богу. А в это не лезь, прошу. Пока прошу.

– Не буду, – кивнул Андрей. – Но... но что-то же надо делать.

Крис пожал плечами. Вдвоём они не спеша пошли по коридору в свои комнаты. Время и в самом деле позднее, а с утра на работу. Этого с них никто не снимет. Да и... да и если не работать, то как жить?

– Ты где завтра?

– В реанимации. Там лежит один, посижу с ним. А ты?

– Во дворе, – Крис повёл плечами, напрягая и распуская мышцы спины. – Разомнусь немного. Вечером русский?

– Да. И... – Андрей свёл брови, припоминая, – и терапия вроде.

– Выучил?

Андрей не слишком уверенно кивнул. Ему в эти дни было не до учёбы. Крис посмотрел на него и насмешливо хмыкнул:

– По-нят-но.

– А ты? – немедленно ответил Андрей. – Ты сам? Выучил?

Крис только вздохнул. Ему тоже в эти дни ничего в голову не лезло. Вернее, лезло совсем другое, не имеющее отношения ни к терапии, ни к спряжению глаголов. И самое главное – он не знал, что делать. Хорошо доктору Ване советовать: «Поговори с ней», «Пригласи погулять»... поговорить... да ему подойти к ней страшно. Если б она улыбнулась ему хоть раз... да что там, хоть бы посмотрела на него, он бы знал, что делать. Улыбнуться, шевельнуть плечом, бедром, а там... там бы пошло, само собой. А она отворачивается. От всех и от него тоже.

У дверей своей комнаты Андрей остановился.

– Ничего, Кир, всё будет в порядке.

Крис улыбнулся.

– Иди спать, утешитель. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – кивнул Андрей, бесшумно приоткрывая дверь и протискиваясь в щель.

В комнате было темно и по-сонному тихо. Джо и Джим спали. Андрей пробрался к своей кровати и стал раздеваться.

– Андрей, ты? – спросил из темноты Джим.

– Ага, – Андрей открыл шкаф, чтобы повесить брюки.

– Голову тебе оторвать мало, – зевнул Джо. – Шляешься по ночам, будишь людей.

– А что, здесь люди есть? – удивился Андрей и быстро присел.

Запущенная в его голову подушка ударилась о шкаф. Андрей подхватил её и встал.

– Спасибо, на двух спать буду.

Он уже говорил в полный голос.

– Отдай подушку, гад, – попросил Джо.

– Кого просишь, пусть тот и отдаёт, – отпарировал Андрей.

И в ту же секунду был схвачен поперёк туловища, скручен и брошен на кровать. Занятый спором с Джо, он совсем упустил из внимания Джима, и тот бесшумно подобрался к нему. Джо бросился на помощь брату. Они немного побарахтались втроём, тузя друг друга, хохоча и ругаясь на двух языках сразу, пока им не постучали в стенку.

– Фу-у, – Джо прошлёпал к двери и включил свет.

Втроём они уже бесшумно навели порядок, и Андрей в одних трусах с полотенцем побежал в уборную. Трусы теперь все носили, раздеваясь догола уже только ложась спать. Поначалу мешало, но потом, когда привыкли, оказалось даже удобно. В душ Андрей сходил сразу после смены и потому сейчас ограничился обтиранием. Без мыла, чтоб не надо было мазаться. Крема мало осталось, денег до зарплаты нет, а одалживаться без конца тоже нехорошо.

Когда он вернулся, свет ещё горел, но Джо с Джимом спали. Андрей повесил полотенце на спинку, выложил на стул у кровати, чтобы с утра не искать, чистое бельё, выключил свет и лёг.

- А теперь выкладывай, – сказал вдруг Джим.
- Чего? – не понял Андрей.
- Что тебе доктор Ваня сказал.
- И ты ему, – подал голос Джо.
- Он меня простил, – кратко ответил Андрей.
- Не темни.
- Мы же чуем. Ты не из-за этого как чумной ходил.

Андрей вздохнул.

- Не могу я. Сейчас не могу.
- Доктор Ваня запретил?
- Ну-у... он знает.
- Ладно, – решил Джим. – Если что, мы за тебя, помни.
- Ага, спасибо.

Андрей поёрзал, укладываясь поудобнее, натянул до подбородка одеяло.

- Спокойной ночи, Джо-Джим.
- И тебе спокойной, – ответил Джо.
- Спокойной ночи, – затихающим сонным шёпотом откликнулся Джим.

Стало совсем тихо. Андрей привычно закинул руки за голову, закрыл глаза. Хорошо, что он пошёл к Ивану Дормидонтовичу, доктору Ване. Ведь вроде ничего ему не сказали, только выслушали, а легло. Правильно. Выговоришься – легче станет. А слушает доктор Ваня... никому того не расскажешь, что при нём прямо само выскакивает. Доктор Юра, конечно, их спасал, ему тоже всё можно сказать, почти всё... Ладно, обошлось, и ладно. Что этот беляк – сын Большого Дока, надо молчать, а то парни его точно придушат. И будут у доктора Вани ба-альшие неприятности. И вообще... это же только сын, Большой Док и с ним что-то такое сделал, что хуже смерти. Ну, ему-то Иван Дормидонтович поможет. Хорошо, что всё так закончилось. Хорошо...

И заснул он, полностью успокоившись.

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Дождь с мокрым снегом как зарядил с ночи, так и не прекращался. Прыгая через лужу, Чолли поскользнулся и едва не упал. Обложив от души лужу, погоду и всю эту чёртову Империю, он вбежал в барак. Набитый курильщиками тамбур встретил его гомоном и дымом. Обычно Чолли задерживался поболтать и подышать даровым дымом, но сегодня он сразу продрался в свою казарму. Не до того сейчас. Маршрутный лист, заветная маршрутка на руках. И решилось-то всё в момент. Даже не ждал и не думал. С Найси, тьфу, Настей не советовался, ну, да она всегда говорила, что как он решит, так и будет. Он и решил.

Пока шёл по проходу, успокоился и в свой отсек зашёл тихо. Светка и Мишка спали, а Настя, сидя на своей койке, кормила Маленького. Чолли аккуратно, чтобы не задеть её мокрой курткой, разделся и сел рядом. Маленький уже наелся и засыпал, вяло причмокивая.

– Налопался, – улыбнулся Чолли.

– Ага, – ответно улыбнулась Настя.

Она осторожно высвободила сосок и положила Маленького на подушку.

– А я ему имя дала. Мне присоветовали. Павел. А так – Паша. Ты как?

– Хорош, – кивнул Чолли. – Сегодня после молока пойдём, метрики выправим, тебе удостоверение надо поменять и это... свидетельство о браке.

Настя кивнула.

– А чего так спешно?

– Я маршрутку получил, – небрежно, словно это было самым обычным делом, ответил Чолли.

Настя охнула и даже руками всплеснула.

– Ой, а едем-то когда?

– Завтра. С утра новых привезут, и нас до границы подбросят. А там на поезде.

– Ой, Чолли... – Настя смотрела на него испуганными расширенными глазами. Чолли покровительственно улыбнулся ей и, слегка подвинувшись, обнял за плечи.

– Всё будет хорошо. Обещают работу и дом. Представляешь, целый дом. Даже если такой, как был...

– Ох, если бы такой же, – вздохнула Настя, кладя голову ему на плечо.

Чолли только крепче прижал её к себе. Он тоже это помнил. Как он в первый раз ввёл её в дом. Свой дом. Чолли даже снова ощутил запах древесины...

...Он за руку ввёл Найси, да, тогда ещё Найси, в дом и усадил на занимавшую полкомнаты кровать. На другой половине теснились камин, стол и табуретка, оставляя небольшое пространство между камином и кроватью. В камине решётка для кофейника и кастрюль, на столе две миски, две кружки, две ложки, на камине начищенные кофейник и котелок, у двери на полу лоханка для грязной воды и на чурбаке ведро с чистой водой. С другой стороны двери вбит гвоздь для куртки. На кровати набитый соломой тюфяк, такая же подушка и жёсткое колючее, совсем не вытертое одеяло. И над столом полочка, где он держал хлеб, кофе, крупу.

– Это... это всё твоё? – замирающим голосом спросила Найси.

Он кивнул и, разрывая сдавившую горло судорогу, сказал:

– Теперь и твоё. Ты – моя жена. Что моё, то и твоё.

Найси испуганно посмотрела на него и заплакала. Он обнял её, прижал к себе, и они так и сидели, пока она не успокоилась. А потом... Потом он развёл огонь в камине, и Найси поставила на решётку кофейник и котелок с кашей. И это был их первый обед в своём доме...

...Чолли вздохнул, словно просыпаясь. Да, было хорошо. И он ни о чём не жалеет. А как будет? Пусть будет как будет. На конном заводе конюхом, табунщиком, простым рабочим он сможет. Дом с участком. Даже такой маленький, какой был у него, нет, у них, так уже хорошо. А ещё ссуды, о которых говорил тот седой, председатель, да, безвозвратные, беспроцентные... купить дрова, одежду, картошку или крупу... нет, первое время будет, конечно, тяжело, но если разрешат держать свою скотину...

– Корову надо, – сказал он вслух.

– И кур, – согласно вздохнула Настя. – И ещё поросёнка.

– Это уже на тот год, – решительно сказал Чолли. – В этом, дай бог, картошки с крупой чтоб хватило. А с весны... участок обещали. Семена я уж найду.

– Да уж, – Настя теснее прижалась к нему. – Ты только вскопать помоги, а там я уж сама. Ты ж работать будешь.

Чолли кивнул, упираясь подбородком в её макушку.

– Сколько б ни платили, всё будет больше, чем у этой сволочи.

– Не вспоминай о нём, – попросила Настя, – Не надрывай сердца. Не стоит он того, чтобы ты о нём помнил.

Чолли погладил её по плечу и улыбнулся.

– Ладно, так и быть. Буди малышню, слышишь, шумят уже.

Действительно стало шумно: детей будили и одевали на молоко. Чолли отпустил Настю. Она поправила ворот тёмной рабской кофты, закрывая грудь, и встала. Наклонилась над малышами.

– Майки, Свити, – и тут же поправилась: – Мишка, Светка, просыпайтесь.

Пока она будила и одевала малышей, Чолли сидел, прислонившись затылком к кровати стойке, и слушал. Её голос и детский лепет. Но не слова. Что там они болтают и что говорит им Настя, ему неважно. Это его семья. Его жена, его дети. Их он спас. И дальше будет спасать. И на всё пойдёт ради них. Уже одетый Мишка полез к нему на колени, ткнулся кудрявой головкой в его подбородок. Чолли рассмеялся и, поставив Мишку к себе на колени, боднул его головой в живот. Мишка залился довольным смехом.

– Окс, окси! – тут же по-русски: – Бы-ы-ык!

«И когда только успел узнать, шельмец?» – удивился Чолли.

Светка вырывалась, выкручивалась из рук Насти, стремясь к ним. Ей тоже хотелось играть в быка. Чолли пободал и её. Настя надела на босу ногу сапоги и потуже затянула ворот кофты.

– Ну-ка, пошли, а то опять осрамитесь.

Оторвав детей от Чолли, она повела их в уборную. Когда за ней опустилась занавеска, Чолли встал, из-под своего тюфяка в изголовье вытащил сумку с документами, вынул из куртки и вложил в сумку маршрутный лист. Эту маленькую плоскую сумку на шнурке сшила ему Настя уже в городе. Для денег. После того, как у него вытащили из кармана штанов дневной заработок. Вора он поймал и избил, но мальчишка успел скинуть деньги друзьям. И сутки они сидели голодные. Детей, всех троих, Настя грудью кормила, а молока не хватало. Сам он кипятком перебил. Ладно. Было и прошло. Он надел сумку на шею и заправил под рубашку. Затянул завязки на воротах. Позор, конечно, что он до сих пор во всём рабском, но это Морозу можно франтом ходить с его-то заработками и белой женой. И ребёнок там один. Одного и одеть, и прокормить несравнимо легче. А Тим, хоть и тоже зарабатывал, дай бог, но ведь явно ходит в старом. Чолли поправил сумку, чтоб не выпирала под рубашкой. Закряхтел во сне Маленький, и он наклонился к ребёнку, осторожно взял на руки. Па-вел. Похоже на Пол, но, конечно, пусть будет по-русски. Па-ша. Паша. Хорошо звучит, молодец Настя. Он покачал Пашу и сел на койку, по-прежнему держа его на руках. Восемнадцать детей у него было, этот – девятнадцатый. И ещё двоих он спас. И у него будут ещё дети. Настя и он ещё молоды. У них будет много детей.

Вошла Настя, ведя за руки Мишку и Светку, и стала их одевать уже для выхода.

– Столько всего надарили, – смеялась она, – что всего сразу и не наденешь.

Чолли кивнул. Им и в самом деле надарили. Для Мишки, для Светки, для... Паши. Он сначала не хотел брать, но седая женщина, что принесла две голубые распашонки и чепчик с оборочкой, сказала:

– Что с добром дают, на добро и будет, – и добавила: – Придёт час, и ты кому другому поможешь. Чтоб добро дальше пошло.

И он согласился.

Одев детей, Настя уложила крепко спящего Пашу под одеяло: нечего его по дождю таскать. Наелся и пусть спит. И стала одеваться сама.

– Не свалится? – спросил Чолли, вставая и сдёргивая с крючка свою куртку.

– Да нет, он крепко спит.

Настя застегнула свою куртку и повязала выцветший рабский платок уже по-русски, как большинство женщин в лагере.

– Ну, пошли?

– Пошли, – решительно кивнул Чолли.

Выходя из отсека, Настя оглянулась на Чолли и храбро улыбнулась ему. Чолли благодарно кивнул.

По узкому проходу они прошли в тамбур, где смешались с общей толпой. Чолли уже не меньше половины знал в лицо. Но... но завтра они уже уедут.

Во дворе их встретил тот же мокрый снег, но ветер утих, и большие хлопья мягко опускались на землю. Дети весело гомонили и ловили их, выставляя ладошки, но взрослые хмурились. Чавкающая под ногами масса пропитанного водой снега пугала их, напоминая о старой многократно чиненной обуви. С обувью хуже всего. С одеждой ещё исхитриться как-то можно, а с обувкой – полный швах... Многие несли детей на руках.

Чолли тоже взял Мишку и Светку на руки и удивлённо присвистнул. А в ответ на встревоженный взгляд Насти улыбнулся.

– Потяжелели как. Ты их за раз обоих не бери больше.

– Так растут же, – улыбнулась Настя. – На таком-то пайке. Грудь уже не берут больше, всё Паше идёт.

– И правильно, – кивнул Чолли. – Им здесь молока много наливают?

– Во кружка, – показала Настя.

У дверей столовой Чолли спустил детей на землю, Настя взяла их за руки и повела внутрь. А Чолли отошёл к одной из кучек родителей.

– Чолли, – окликнул его Иван, с которым ездили тогда за фруктами, – ты, что ли, завтра до Городни на автобусе?

Знакомые русские слова – завтра, Городня, автобус – позволили Чолли кивнуть.

– Да, – и тщательно выговаривая русские слова: – Ты тоже?

– Ну да. Да ещё и вон Васька. Василий, – Иван позвал высокого костлявого мужчину в синей куртке угнанного. – Ты ж едешь завтра?

– Оно и есть, – подошёл к ним Василий. – До Городни обещали подбросить. А что?

– Ну, вот и гляди, – кивнул Иван. – Считай, пол-автобуса наши. Да ещё одиночек могут добавить.

– Это твою, что ли? – хмыкнул Василий.

Чолли понимающе ухмыльнулся. Иван развёл руками.

– Подловили! Зарегистрировались вчера.

– Ну-у?! – хохотнул Василий. – Двойной магарыч с тебя, значит.

Чолли невольно поёжился. Напоминание о необходимости выставлять отвальную неприятно царапнуло. Но если по Василию судить... не у него одного эта проблема.

– А от Городни?

– Там на поезде.

– Все, что ли, в Ополе?

– Ополе велико. Ты куда?

– На Турово. Туровский конный завод, – старательно выговорил Чолли.

– Что, конюхом?

Чолли кивнул.

– Конюхом, объездчиком... да кем поставят. Сказали просто: работа.

– Что ж, тоже дело.

– А жильё?

– Обещают дом. И участок.

– Ну, совсем хорошо. А ты?

– Я под Марьино. Там хозяйства большие, зерновые. Люди нужны. Так что устроиться можно.

Чолли перевёл дыхание. Их много, все в одном автобусе и потом вместе. Наверное. Уже легче. И об отвалной никто не говорит. Да и кому ему отвальную ставить? По-настоящему, так только Морозу и Тиму. Но Мороз уже где-то в России, а Тим сейчас к пожарке не ходит. Так что к Тиму он прямо в отсек зайдёт попрощаться.

За разговором время прошло незаметно. Из столовой выбегали дети. Чолли встретил Настю и забрал у неё Мишку и Светку.

– С ними и пойдём? – с сомнением спросила Настя.

– Их одних же не оставишь, а сказали, чтоб мы вместе пришли, – ответил Чолли, пере-шагивая через лужу. – Ты краем обойди, не мочи сапоги зазря.

– Ага, ага, – Настя почти бежала за ним: так быстро он шёл.

У дверей административного корпуса они столкнулись с двумя индейцами из той пятёрки. Чолли шёл прямо на них, и они посторонились, уступая ему дорогу. Настя опасливо спряталась от их взглядов за спину мужа. Чолли прошёл, не глядя. Халявщики, ш-шакалы. Которую неделю сидят на дармовом пайке, ждут, какое племя их признает. Да на хрен они кому нужны, ещё думать о них...

Когда за Чолли с Настей закрылась дверь, Копчёный разжал губы.

– Ишь, нос дерёт. Не иначе, как визу получил.

– Плюнь, – Большой Джим обшаривал карманы в поисках сигареты. – Хреновый он индеец. Как и тот... красавчик.

Поиски завершились находкой окурка, что привело Большого Джима в благодушное настроение. Копчёный, увидев окурочек, забыл о Чолли и том красавчике, что подцепил беляшку и укатил в Россию. То всё неважно, а вот находка... Закон требует всё делить поровну, а здесь как раз на две хорошие затяжки. Чёрт, ведь всего досыта, а курева – две пачки на неделю, и хоть ты сдохни, а пачка хорошему курильщику на два дня – самое большое.

Снег прекратился, и тонкий белый покров на глазах темнел, пропитываясь водой. И когда Чолли с Настей вышли из административного корпуса, двор опять был серым, мокрым и сумрачным. Чолли взял детей на руки и уже спокойно – ни дождя, ни ветра нет, укрывать их пока не от чего – они пошли к своему барaku. Мишка и Светка, сидя на его руках, вертели головами, насколько им позволяли окутывающие их платки, рассматривая всё вокруг.

– Я вперёд побегу, – сказала Настя. – А то там Ма... Паша один.

– Беги, – кивнул Чолли. – А мы пройдемся.

И продолжил идти не спеша.

– Машина, – вдруг заявил по-русски Мишка, показывая на выезжавший из-за хозблока к воротам грузовик.

– Верно, сынок, – по-русски ответил Чолли. – Машина.

– Машина, – тут же сказала и Светка и, увидев идущего навстречу коменданта. – Дядя.

– Дядя, – согласился Чолли и чуть крепче прижал детей к себе.

Комендант улыбнулся им и остановился. Остановился и Чолли.

– Автобус после завтрака будет, – комендант говорил медленно, давая успеть понять русские слова. – Тогда и отсек сдашь.

Чолли понял.

– Да, после завтрака. Спасибо.

– Не за что.

Комендант улыбнулся серьёзно глядящим на него малышам и пошёл дальше. А Чолли зашагал к их барaku.

– Дядя ха'оший? – с сомнением в голосе спросил по-русски Мишка.

– Да, – убеждённо ответил Чолли. – Этот хороший.

Кто-то придержал ему дверь, пока он входил.

– Спасибо, – сказал по-русски Чолли.

И по-русски же, тщательно выговаривая ещё явно непривычное слово, ему ответили:

– По-жа-лу-йс-та.

В тамбуре Чолли опустил детей на пол: дым-то поверху, чего им его нюхать.

– Привет, – окликнул его Тим. – Уезжаешь, слышал?

– Привет, – кивнул Чолли. – Завтра, после завтрака.

Они говорили, перемешивая русские и английские слова. Как и большинство вокруг.

– До Рубежина?

– Нет, я же в Ополе. Туда через Городню. До самой границы на автобусе обещали.

– Удачно.

– Н-ну! Как твои?

– Завтра врач придёт, посмотрит, – Тим усмехнулся. – Прыгают, лежать не хотят.

– Значит, здоровы, – авторитетно сказал Чолли.

– Совсем у мужиков ума нет! – вдруг обрушилась на них какая-то женщина. Лицо её показалось Чолли знакомым, но имени он вспомнить не смог. – Что ж ты их на сквозняке, да ещё в дыму держишь?! Вот доверь мужику дитё, а ему лишь бы язык почесать!

Чолли и Тим, внешне не обращая на неё внимания, закончили разговор и разошлись по своим казармам.

Россия

Рубежин – Иваньково

Поезд шёл, останавливался, снова шёл. Сквозь сон Эркин чувствовал эти остановки, слышал чьи-то шаги и голос проводника:

– Ну, куда я вас... и так под завязку... лезьте на третью и чтоб без звука... а литер твой где?... Давай, давай по-тихому, проспись сначала... всё-всё, чтоб я тебя не видел и не слышал, летун... Не видишь, что ли... давай сюда, дочка, здесь поспокойнее...

Слышал, но не просыпался, смутно ощущая, что его это не касается, что ни Жене с Алисой, ни ему это никак не угрожает. А на одной из остановок его почти разбудил какой-то странный шорох, будто кто-то скребётся о стенку вагона. Он даже приоткрыл глаза и приподнял голову, но в вагоне было темно, а шумный храп и чьи-то голоса сразу заглушили этот шорох. Эркин уронил голову на подушку и опять заснул.

Первой проснулась и забарахталась, пытаясь добраться до окна, Алиса. И разбудила Женю.

– Тише, Алиса, – Женя села, протирая глаза. – Перебудишь всех.

– Ну, мам, уже утро, – возразила Алиса и ойкнула: – Ой, мама! Что это?!

Вагон заливал мягкий и очень... светлый свет, не солнечный, а какой-то... белый. Женя повернулась к окну. И увидела белую равнину до горизонта. И белое небо. Снег? Да, ну конечно, это же снег.

– Это снег, Алиса.

– Так много? – удивилась Алиса. – А почему он не тает?

– Потому что зима, – ответила Женя.

Она посмотрела на часы и ахнула. Господи, уже десятый час, уже день. Надо привести себя и Алиску в порядок. А Эркин? Женя встала и посмотрела на верхнюю полку. Эркин лежал на спине, закинув руки за голову, и спал. Женя сразу отвела глаза, зная, как легко будит его её взгляд. Спал и Владимир, лёжа на своей полке, и ещё кто-то на второй верхней.

Алиса сидела и смотрела в окно, а Женя, стараясь не шуметь, сложила одеяло, закатала его вместе с подушкой в тюфяк и поставила получившийся рулон в угол за спиной Алисы.

– Мам, я лучше сяду на него. А то плохо видно.

– Хорошо, – согласилась Женя. – Но сначала умоемся.

Она взяла полотенце, подождала, пока Алиса обуеться, и повела её в уборную.

Вагон спал. Храп, вздохи, сонное бормотание, свисающие с верхних полок угол одеяла или пола шинели... а уже возле двери в тамбур с уборной им встретился проводник.

– Доброе утро, – улыбнулась Женя.

– И вам доброе, – ответно улыбнулся он, встопорщив серо-жёлтые от седины и табака усы. – Чай будете брать?

– Да, спасибо, – кивнула Женя.

– Придёте тогда ко мне. Но кружки свои берите, стаканов нет.

– Хорошо, – согласилась Женя.

В уборной было чисто и совсем не чувствовался запах спиртного. Женя умыла Алису, привела её в порядок и, велев ждать её снаружи и никуда не уходить, занялась собой.

Эркин потянулся во сне и, повернувшись набок, едва не упал. Он открыл глаза и сразу зажмурился: таким белым был заливавший всё свет. Что это? Кафель?! Опять... он даже застыл от этой мысли.

– Что? – насмешливо сказали по-русски. – Голова болит после вчерашнего?

Русская речь успокоила Эркина, и он снова открыл глаза.

Да, это вагон, вон спит Владимир, а кто ж ему сказал?

На верхней полке напротив него круглое и, несмотря на красноватый загар, белое лицо, щедро усыпанное веснушками, короткие светлые, как выцветшие, волосы, круглые светлосиние глаза... но это же женщина! В форме. И шинель вместо одеяла. Эркин поглядел вниз и, увидев, что нижняя полка уже пуста, постель убрана, а Жени с Алисой нет, сел на своей полке, едва не стукнувшись о верхнюю полку, откуда слышалось чьё-то многоголосое посапывание. Застегнуть джинсы и намотать портянки было минутным делом. Перегнувшись, Эркин достал из-под столика свои сапоги, обулся и спрыгнул вниз. Рубашку он ни застёгивать, ни заправлять не стал: всё равно сейчас в уборную пойдёт, обтираться будет. И постель сворачивать не стал, только расправил и уложил ровным слоем одеяло. Женщина по-прежнему наблюдала за ним, но этот взгляд не тревожил. Ему стыдиться нечего. Вошла Женя с Алисой и ахнула, увидев его.

– Ты уже встал? Мы разбудили тебя?

– Нет, я сам проснулся.

– Ага, ты тогда иди, умойся, там сейчас никого народу нет, и завтракать будем. Я чаю сейчас у проводника возьму, горячего, – быстро и радостно говорила Женя.

Эркин кивнул, вытащил из мешка своё полотенце и взял у Жени мыло.

То ли поезд шёл ровнее, то ли он вчера пьяный был, а за ночь проспался, но шатало его гораздо меньше. Он прошёл по заполненному белым светом и, несмотря на многоголосый храп, тихому вагону в уборную. Где с наслаждением скинул рубашку и обтёрся до пояса холодной водой, а потом долго полоскал рот. Нет, пьяным он себя не чувствовал, и не скажешь, что во рту неприятно, вот тогда в Бифпите, они как-то с Андреем выпили, вернее, напились, никак нельзя было отвертеться, нет, ещё раньше, на перегоне, да, когда спустились на основную дорогу и встретились с остальными цветными пастухами, вот тогда они напились, еле до своего костра добрались, и Фредди им ещё сказал, чтоб с головой не заворачивались, а то от собственного перегара задохнутся... И как всегда воспоминание о Фредди заставило его нахмуриться. Он ещё раз умылся, растёр лицо и торс полотенцем, встряхнул несколько раз рубашку и оделся. Застегнув все пуговицы, кроме самой верхней у горла, он заправил её в джинсы и оглядел себя в зеркало. Нормально. Рубашка тёмная, долго не занашивается. И ничего-то ей не делается,

удачно он её тогда в имении прихватил. Кто-то тронул ручку двери, и Эркин понял, что пора уходить. Он открыл дверь и вышел. Да, вовремя он успел, уже трое в очереди и ещё подходят.

Когда он вернулся в свой отсек, на третьих полках ещё спали, во всяком случае, оттуда доносились сопения и похрапывания. Владимир уже проснулся, но ещё лежал под одеялом. На столе дребезжали кружки с дымящимся чаем, а Женя делала бутерброды, выскребая из банки остатки тушёнки.

– С добрым утром, Эрик, – оторвалась от окна Алиса.

– И тебе с добрым, – улыбнулся Эркин, забрасывая полотенце и мыло в сетку над своей полкой. – И всем доброе утро.

– Доброе, – кивнул Владимир. – Конечно, доброе, – и улыбнулся: – по России едем.

Он завозился под одеялом, потом откинул его и сел уже одетым. Только ворот гимнастёрки расстёгнут.

– Разбудила она вас, – виновато улыбнулась Женя.

– Эх, сестрёнка, – Владимир с ласковой укоризной покачал головой, – да от детского смеха проснуться – это, знаешь, какая радость. Ты сала ещё порежь, чего ему лежать, я мигом обернусь.

Он подобрал костыли, встал, неожиданно ловко и быстро застелил свою постель, взял из мешка полотенце, повесил его себе на шею и вышел.

– Эрик, – позвала Алиса, – смотри, сколько снега, и, знаешь, он, ну, совсем-совсем, не тает.

Эркин отобрал у Жени свой нож, с вечера так и лежавший под кирпичом хлеба, и стал резать сало.

– А для Владимира чай есть?

– Да, вон стоит. Алиса, не хватай, горячее.

– Мам, а это что? Ну, вон там.

– Это? – Женя посмотрела в окно. – Это церковь.

Поднял голову и Эркин. Поезд шёл медленно, и он успел увидеть.

– Это... её разрушили, – сказала Женя, почувствовав его удивление.

– Опять война?! – возмутилась Алиса.

– Она самая, – сказал, входя в отсек Владимир. – Была, да вся вышла.

Они расселись как вчера: Владимир к окну, Женя рядом с Алисой, а Эркин рядом с Владимиром. Но только взяли себе по бутерброду, как вошла с дымящейся кружкой в руках светловолосая и веснушчатая женщина в военной форме. Она остановилась, явно отыскивая место для своей кружки на заставленном едой столике. Эркин тут же встал, уступая ей место, а Владимир улыбнулся:

– Садись, сестрёнка, братишкой будешь.

К удивлению Эркина и Жени, это предложение явно обрадовало женщину. Видно, «братишка» означало что-то, чего ни он, ни Женя – Эркин это понял, быстро поглядев на Женю – не знали. В конце концов, всё утряслось. Эркин теперь сидел у окна, Алиса у него на коленях, Женя рядом, а «братишка» – оказалось, её зовут Олей – рядом с Владимиром. У Оли был с собой такой же, в принципе, набор, что и у Владимира, и стол теперь ломился от еды. От водки Оля отказалась, съязвив:

– Мне похмеляться незачем.

– Об чём речь, – хмыкнул Владимир. – Не об опохмелке разговор идёт.

– Если вам лишнее, мы поможем, – сказали вдруг сверху.

Все подняли головы и увидели свесившуюся совсем мальчишескую чумазую мордашку и вихрастые давно не стриженные волосы.

– Ты откуда такой прыткий? – удивился Владимир.

– Из Рогожкина, – весело ответил мальчишка. – А едем до Кулькова. И обратно. Жратву в пузе перевозим.

– А грузоперевозки по льготному тарифу, – засмеялась Оля.

– Приятно с понимающим человеком поговорить. Так как насчёт помощи? Мы вам в момент очистим.

– Сколько вас, трое? – Оля сложила три бутерброда стопкой и протянула наверх. – Хватит?

– С такого-то стола могло и побольше отломиться. Но мы не гордые, спасибо и на этом. Сверху протянулась грязная, по-мальчишески тонкая в запястье рука и взяла бутерброды.

Эркин сидел, опустив глаза. Он не любил и презирал шакалов. Но не спорить же. И в России, может, другие порядки. Он-то не знает. Наверху аппетитно и смачно чавкали.

Подошёл проводник, кивнул им и посмотрел наверх.

– Так, в Олсуфьеве проверка, выметайтесь, пока перегон тихий.

– Ага-ага, спасибо, дяденька, – загомонили наверху. – За нами не пропадёт, не бойсь, мы на добро памятливые.

Трое мальчишек в грязных, зашитых вкось и вкривь, похожих на рабские куртках попрыгали вниз и выбежали. Последний – самый маленький – успел схватить со стола круг колбасы и крикнуть:

– На здоровье, тётеньки!

Владимир покачал головой, а Оля неожиданно грустно сказала:

– Что с них возьмёшь? Война всё.

– Да, – вздохнул Владимир, – всё война, – и ответом на взгляд Эркина: – Ни кола, ни двора, ни родного человека рядом. Всё война взяла. Думаешь, шпана поездная? Оно и так, и не так. Некуда им ни деться, ни приткнуться. И для работы малы, и для приюта велики.

– По устному... договору с двенадцати лет работают, – нехотя сказал Эркин, в последний момент заменив английский «контракт» русским «договором».

– Да кто их, мальцов, наймёт, – вздохнул Владимир. – Да ещё зимой.

Поезд шёл медленно, за окном тянулась белая равнина, но Эркин уже пригляделся и видел вмятины и рвы.

– Воронки? – спросил он Владимира, кивком показывая на окно.

Тот понял и кивнул.

– Воронки, окопы... погуляла здесь война... вволюшку.

Оля внимательно посмотрела на Эркина и спросила:

– Ты где жил, что войны не видел?

– В Алабаме, – ответил Эркин и пояснил: – Туда война не дошла.

Оля улыбнулась, и её лицо стало очень мягким и совсем не насмешливым.

– Странно даже, – и посмотрела на Владимира. – Правда?

Тот, внимательно глядя на Эркина, кивнул.

– Своего, небось, хлебнул?

– Мало не было, – сдержанно ответил Эркин.

– Ладно, – тряхнула головой Оля. – Было да прошло.

Женя, державшая под столом Эркина за руку, перевела дыхание.

Утолив первый голод, пили чай уже не спеша, для удовольствия. Алиса, сунув за щеку конфету, смотрела в окно. Вагон наполнялся шумом, взад и вперёд мимо их отсека проходили люди. Шёл неспешный, совсем уже спокойный разговор. И взгляды Оли не раздражали Эркина. В конце концов, это не опасно, теперь не опасно. Владимир заметил и её взгляды, и непоказное равнодушие Эркина, и его улыбка стала на мгновение сочувственно-грустной.

– Нет, – Оля вертела в руках кружку с остывающим чаем. – Нет, у меня родни навалом, найду, куда приткнуться.

– Приткнуться несложно, а вот жить чтобы, – Владимир вздохнул, – это с кондачка не решишь.

– Да, – кивнул Эркин, – это быстро решать нельзя.

– Не понравилось, так и уехать – не проблема.

– Одному, да, – согласился с Олей Эркин. – А с семьёй надо прочно на место садиться.

– Да уж, с ребёнком на руках не побегаешь, – вздохнула Оля.

– Я так в беженстве намучилась, – кивнула Женя. – Алиска ещё маленькая совсем... господи, вспомнить страшно.

– А ты, сестрёнка, не вспоминай, – посоветовал Владимир. – Помнить хорошее надо.

– Плохое само помнится, – усмехнулся Эркин.

Алиса, занятая окном, казалось, совсем не слушала их. Но Эркин уже заметил, что всякий раз, когда он что-то говорил, Алиса быстро и внимательно оглядывалась на него.

Вагон уже шумел по-вчерашнему. Но белый свет за окном делал этот шум мягче. Окно запотевало, и Алиса протёрла его ладошкой.

– Алиса, – укоризненно сказала Женя.

Алиса посмотрела на свою, ставшую чёрно-серой, руку и обречённо вздохнула.

– Да-а, я так ничего не вижу.

– А тут и смотреть не на то, – утешил её Владимир.

– Да?! – возразила Алиса. – Я столько снега никогда не видела. И он не тает. Вот!

Владимир засмеялся и закурил.

– Это ещё не самый снег. Так, пороша легла.

– Зазимок, – улыбнулась Оля. – Зима впереди.

– Долгая осень нынче, – Владимир отвернулся от окна. – Декабрь в начале, а снегу толкового ещё нет. Что-то не торопится зима.

– В январе наверстает, – отмахнулась Оля.

Поезд стал замедлять ход, и под окном медленно подплыла белая платформа.

– Олсуфьево? – спросила Оля.

– Больше нечему. Браток, – окликнул Владимир проходившего мимо их отсека проводника, – долго стоим?

– Сиди, – бросил тот на бегу. – Проверка.

Эркин сидел спокойно, во всяком случае, внешне. В самом деле, документы у них в порядке, ничего незаконного нет. Беспокоиться не о чем.

– Ваши документы... возьмите... ваши... ваш литер... предписание... возьмите... ваши...

Вагон притих. Ответов не слышно, только казённо-равнодушные голоса проверяющих. Владимир и Оля достали свои документы.

– Женя, пакет у меня в куртке, – ровным голосом сказал Эркин.

Женя кивнула и встала. Сняла с верхнего крючка его куртку и вынула из внутреннего кармана пакет. Когда у их отсека остановились трое военных с большими блестящими знаками патруля на груди, она протянула им весь пакет. Но, оказывается, были нужны только удостоверения и маршрутный лист. У Оли и Владимира так же документы проверили быстро. Вещи не смотрели, обыска не было, ну... ну, ничего страшного, а сердце где-то у горла дрожит. Когда патруль пошёл дальше, Женя улыбнулась Эркину и спросила Владимира:

– А кого они ищут?

Тот пожал плечами, пряча свои документы в нагрудный карман.

– А бог их знает, сестрёнка. В войну дезертиров искали, уклоняющихся, а сейчас...

– И сейчас то же самое, – усмехнулась Оля. – Долавливают, кого раньше упустили, – и насмешливо посмотрела на Эркина.

Эркина это не тронуло. Он ещё в лагере слышал, что пока ты репатриант или беженец, ты без гражданства и об армии речи нет. Он взял со стола бумагу от пайкового пакета, скомкал её и протёр окно, чтобы Алисе не было скучно. Да и самому интересно.

Поезд уже тронулся. Поплыл назад перрон с тёмным истоптанным снегом, домик с белой крышей... заборы из неровно обрезанных кольев и досок... серые низкие домики с белыми крышами, из труб поднимались дымки... деревья, тоже присыпанные снегом... совсем рядом ещё одна колея... мужчины в похожих на рабские куртках и меховых шапках что-то делают, что – не успел разглядеть. Поезд шёл всё быстрее. Вагон начинало потряхивать и раскачивать. Нарастал и шум в вагоне, снова слышались громкие разговоры, смех, обрывки песен.

– Проспались, – улыбнулся Владимир. – Теперь до Новозыбкова без остановок.

– А там? – спросила Женя.

– Там час простоим, – Владимир подмигнул Алисе. – Погуляем по снежку, на рынок сходим.

– И большой рынок? – заинтересовалась Женя.

– К поезду выносят, – ответила Оля. – Я тоже пойду. Надоело в форме ходить.

– А там и вещи есть?

Оля кивнула.

– Там вяжут все, так что варежки там, свитера, или ещё что.

– Новозыбковские вязальщицы славятся, – кивнул Владимир.

Женя задумчиво кивнула, явно что-то прикидывая в уме. Эркин посмотрел на неё и спросил:

– Они, эти вещи, очень дорогие?

– Ручные вещи всегда дороги, – ответил Владимир и улыбнулся. – Но не дороже денег.

Эркин кивнул, что-то решив. Владимир понимающе усмехнулся, но промолчал.

– Дорого, конечно, – вздохнула Оля. – А платок лучше ореньский. Город есть такой, Орень. Уж там вяжут... не из шерсти, из пуха. Лёгкие... как паутинка, а жаркие. А ещё в Печере Кукары, город такой есть, там кружева вяжут...

Женя заинтересованно слушала, расспрашивала, и как-то так получилось, что Оля пересела к Жене, и они затараторили о своём. Владимир подмигнул Эркину, и Эркин улыбнулся в ответ. Да, он знает: женщины любят говорить о нарядах. Женя довольна, так что и ему хорошо. Ореньский платок. Надо запомнить. Конечно, это очень дорого. Но он купит такой платок Жене. Когда-нибудь. Когда устроятся, он заработает денег, поедет в этот город Орень – конечно, поедет, он же свободный человек, может ехать, куда хочет – и купит. А сейчас... посмотрим, конечно, но пока деньги надо приберечь... хотя если что стоящее и нужное...

– О чём задумался, браток? – негромко спросил Владимир.

– Деньги считаю, – ответил захваченный врасплох, Эркин.

– Стоящее занятие, – хмыкнул Владимир и уже по-серьёзному заинтересованно спросил: – Хорошо зарабатывал?

– Как сказать, – Эркин даже брови свёл на мгновение, обдумывая, как ответить. – Так я на мужской подёнке крутился, там заработки плохие были, но летом я пастухом нанимался, на всё лето, пастьба с перегоном, там я хорошо заработал. По-настоящему хорошо. Больше двух тысяч привёз.

– Ого! – искренне восхитился Владимир. – Но и поломаться, небось, пришлось?

Эркин кивнул.

– Да, досталось, конечно. Но заработали. Я с братом ездил.

И помрачнел, вспомнив Андрея.

– У брата... остался кто? – спросил Владимир и, увидев непонимающий взгляд Эркина, пояснил: – Ну, девчонка у него была?

Эркин кивнул.

– Она уехала уже, – и, чтобы Владимир не подумал чего, добавил: – Ей виза раньше пришла.

– Не тяжёлая была? – тихо спросил Владимир.

Эркин, не сразу сообразив, мотнул головой.

– Нет.

– Обошлось, значит, – кивнул Владимир и задумчиво сказал: – А может, и жаль. От человека след на земле – дети его.

Эркин на мгновение опустил ресницы. Он понимал, что его не хотят обидеть, ведь никто здесь не знает, кто такие спальники, не знает, что с ними, с ним, сделали. Понимал, но каждое упоминание о детях больно задевало его, и только воспоминание об Алисе удерживало, помогало пропускать такое мимо ушей, будто к нему это совсем не относится. И потому он только чуть подвинул сидевшую у него коленях Алису, чтобы ей было удобнее, и тогда смог улыбнуться. Алиса быстро внимательно посмотрела на него и прижалась, положив голову на его плечо. Эркин сглотнул подступивший к горлу комок и спросил:

– Спать хочешь?

– Не-а, – покачала головой Алиса. – Я смотрю. Эрик, а это что?

Но ответил Владимир.

– Ёлка это.

– Да-а? – удивилась Алиса. – А они взаправду бывают? Не на картинке?

– Ты ж видишь, – улыбнулся Владимир. – Значит, бывают.

– Ага, – понимающе кивнула Алиса. – Что видишь, то и бывает.

– Ну, молодец, – расхохотался Владимир. – Ну... ну, философ!

Проверяя, нужно ли ей обижаться на незнакомое слово, Алиса посмотрела на Эркина. Эркин тоже не знал этого слова, но тон Владимира исключал обиду, и он рассмеялся вместе с ним.

Алиса, прижимая палец к стеклу, спрашивала то об одном, то о другом. Эркин, а чаще Владимир отвечали ей. Женя с Олей говорили о своём, до Эркина долетали малопонятные обрывки фраз о складках, вставочках и гесках... но голос у Жени весёлый, так что беспокоиться не о чём. И он с не меньшим, чем у Алисы, интересом рассматривал заснеженные деревья, дома и особенно внимательно людей. Все мужчины в меховых шапках, похожих на те, в которых в лагере ходила охрана, как их, ах да, ушанки, да, и у Владимира такая же, может... да, тёплая шапка нужна, он в рабской шапке зимой мёрз, если снег залёживался, а здесь... вон все говорят, что это ещё не зима. Так что же зимой будет? И... и рукавицы нужны, да, что ему нужно, так рукавицы, как их ещё называли? Ва-ре-ж-ки. В лагере говорили: вязаные варежки, а сверху кожаные или брезентовые рукавицы. Ну, верхние он и сам сошьёт, если что, а вязаные купит. Если не слишком дорого, конечно. А женщины в платках, толстых, у Жени шаль тонкая, Жене тоже платок нужен, тёплый. И Алисе... Это что, они все деньги на этом рынке оставят? Нет, так тоже нельзя.

– Эрик, лошадка!

Поезд обгонял рыжую светлогривую лошадь, запряжённую в сани. Разглядеть запряжку Эркин не успел. И опять заснеженные поля или луга, вмятины воронок и окопов. Щебет Алисы, весёлая певучая скороговорка Жени за спиной, ровный шум голосов, к которому он успел привыкнуть в лагере... Эркин вдохнул запах от волос Алисы, очень чистый, очень... он не смог подобрать слово, да и не искал его.

Владимир курил, молча глядя на него и ловко пуская дым вверх, чтобы не беспокоить Алису. Эркин чувствовал этот взгляд, внимательный, но... но без злобы или неприязни, и не беспокоился. Ему вообще было очень спокойно.

Рядом с поездом появилась ещё пара рельсов, и ещё, возникли заборы, невысокие штабеля шпал. «На станцию въезжаем», – догадался Эркин. Да, вон и склады, такие же, как в Джексонвилле. Точно – станция. Поезд всё больше замедлял ход, под окна подплывал заснеженный перрон.

- Новозыбково, – громко сказал кто-то.
- Час стоим, – откликнулись с другого конца вагона. – Айда гулять, мужики!
- Много ты нагуляешь с пустым карманом!
- Сколько есть – всё моё!
- А фронтовику со скидкой!!
- Иди, фронтовик, форму без году неделя таскает и фронтовик.
- Год как война кончилась, верно.
- Давай-давай, застрял он, понимаешь ли...

Под этот весёлый гомон Женя одела Алису, оделась сама, и они все вместе пошли к выходу с Олей и Владимиром. Эркин, на ходу застёгивая куртку и натягивая на голову шапку, шёл за Женей с Алисой. Сзади постукивали костыли Владимира.

Холодный воздух обжёг лицо, защищал, защекотал в носу и горле. Усилием воли Эркин отбросил ненужное воспоминание и улыбнулся, жадно оглядываясь по сторонам. Красное кирпичное здание вокзала с двухскатной заснеженной крышей, длинная вывеска, заснеженные кроны деревьев за вокзалом...

- Пошли, браток, – окликнул его Владимир.

Эркин тряхнул головой и догнал уже ушедших вперёд. Алиса, оборачиваясь, махала ему рукой. Эркин поравнялся с ней и взял за руку. Маленькая ручка Алисы спряталась в его ладони, и по тому, как это было, по тому, что она показалась ему замёрзшей, понял: варежки в первую очередь.

Все вместе они завернули за угол и оказались на рынке. Небольшую площадь тесно наполнили люди. Прямо на снегу стояли корзины и мешки, в которых громоздились яркие пёстрые вещи, и закутанные в платки поверх пальто и толстых стеганых курток, румяные женщины, притоптывая странной, похожей на сапоги обувью, звонко кричали:

– А вот... вот варежки узорчатые, двойные... носки, носки, кому носки... купи шапку, мозги застудишь... варежки, варежки... шапки-петушки, петушки кому, петушки... шарфики, шарфики...

Эркин не сразу понял, что кричали не все, а только те, что с мелочёвкой, владелицы больших платков, жилетов, целых рубашек с глухим воротом или на пуговицах степенно помалкивали. И все беспрестанно что-то кидали в рот и сплёвывали. Рука Алисы выскользнула из его ладони, пока он оглядывался.

Женя с восторгом нырнула в этот водоворот. Эркин еле поспевал за ней, сразу потеряв из виду Владимира. Холода он пока не ощущал, только уши пощипывало и руки, но слегка.

Он нагнал своих у мешка с пёстрыми рубашками. Женя и Оля рассматривали одну, поочерёдно прикладывая к груди. Алиса стояла рядом и по мере сил советовала. Эркин подошёл и взял её за руку. Женя кивнула и строго сказала Алисе:

– Не отходи, потеряешься, – и снова затараторила: – Нет, Оля, тебе бирюзовый пойдёт, вот здесь, чтоб у ворота, как раз под глаза. Это хорошо, но грубит, а с бирюзовым есть?

- Отчего ж не быть?

Закутанная в платок женщина достала из мешка другую рубашку. Оля взяла её, приложила к себе и с надеждой посмотрела на Женю.

- Ну, как?

– Потрясающе! – ахнула Женя и повернулась к Эркину. – Правда, так лучше?
Растерявшийся Эркин неопределённо повёл плечом, а Оля решительно потрянула головой.

– Беру! Сотня?

– Ну да, – улыбнулась женщина. – Носи на здоровье, дочка.

Сотня? Сто рублей?! С ума сойти! Нет, если Женя захочет, то он и слова не скажет. Но, когда отошли от женщины, незаметно перевёл дыхание. Женя с Олей, прижимавшей к себе завёрнутую в чистую портянку рубашку – её называли кофточкой – шли впереди, а он с Алисой за ними. Женя то и дело останавливалась, приценивалась, торговалась и время от времени оборачивалась к нему. Эркин доставал бумажник и платил. Жене и Алисе варенье, яркие, узорчатые. И ему? Ему-то зачем? Чтоб рук не поморозил. Эркин кивнул и, уже расплачиваясь за толстые коричневые варежки двойной вязки, вспомнил, что в ящике у него лежат те брезентовые рукавицы, что им с Андреем тогда дал русский офицер на станции, так что верхние у него есть.

– Теперь носки, – решила Женя.

И они пошли выбирать носки. Алиса радостно размахивала уже натянутыми на руки ярко-синими варежками с вывязанными снежинками и зайчиками. Купили носки. Тоже Алисе – высокие, до колен, с узорами и кисточками, Жене – в яркую весёлую полоску, и Эркину – тёмно-серые с узкой белой полоской по краю, из некрашеной, чтобы от пота не линяла, шерсти. Когда Эркин расплачивался за носки для Жени, стоявший рядом с продававшей их женщиной мужчина в армейской стеганой куртке и меховой ушанке подмигнул ему.

– Такая наша мушкетёрская доля, браток. Бабы франтят, а мы расплачиваемся.

– Много ты платишь! – рассмеялась женщина, принимая у Эркина деньги. – Молчал бы уж. Кабы я не вязала, ты бы...

– Много бы ты навязала, кабы я с овцами всё лето не уродовался, – улыбнулся мужчина.

– Уродовался он! Вот за язык твой длинный тебя изуродуют, это вот да.

Спрятав куда-то под куртку деньги, женщина поправила на мужчине шапку, плотнее надвигая на уши.

Когда они отошли, Эркин тихо сказал:

– Женя, тебе платок нужен. Тёплый.

Он уже хорошо рассмотрел, как отличаются платки женщин от тонкой белой шали Жени. Да, купил бы он тогда в Бифпите такую же, как Андрей, как её, ангору, не пришлось бы сейчас деньги тратить, а он, дурак, пофорсить захотел.

– Да, надо, – озабоченно кивнула Женя. – И тебе шапку надо, в этой холодно. И Алисе.

– Алисе, да, – согласился Эркин. – А мне лучше ушанку.

Взрослых мужчин в вязаных шапках он не видел и оказаться, не как все, не хотел. Женя поглядела на его сосредоточенное лицо и вздохнула.

– Здесь нет ушанок.

– Значит, на другом рынке куплю, – очень спокойно сказал Эркин.

Женя, зная, что скрывается за его спокойствием, кивнула. Да и в самом деле, ушанка ему удобнее, все мужчины в таких, меховых или форменных армейских. А пока они купили Алисе вязаную тёплую шапочку с длинными ушами, которые можно вокруг шеи завязать как шарфик. А Жене платок, белый, даже чуть кремовый, с зубчатой каймой по краям и достаточно плотный. И пошли к выходу. А то ещё – не дай бог – на поезд опоздают.

Эркин, заметив, что ботинки Алисы залеплены снегом, взял её на руки. Женя шла рядом, положив на его локоть ладонь в ярко-красной с птичками варежке, и внимательно разглядывала встречающих. Да, в вязаных шапочках – с гребешком на темени или круглых, плотно охватывающих голову – только мальчишки и... молодые парни. У девушек ещё помпончики или кисточки. А мужчины в ушанках.

Они вышли на платформу и... оказались на новом рынке. Но здесь торговали съестным. Пассажиры из их поезда быстро раскупали горячую картошку в мундире, солёные огурцы и капусту, молоко, сваренные вкрутую яйца, пирожки, сало, вяленую рыбу... Глаза разбегались, а времени уже не было.

– Эгей! – окликнул их Владимир. – Давайте быстро, я на всех взял. Две минуты осталось!

Но они успели войти в вагон, пройти в свой отсек, Женя даже снять с Алисы пальто и шапочку, когда поезд дёрнуло, шатнуло и, наконец, перрон под окном поплыл назад. На столике солдатский котелок с ещё горячей картошкой и миска с огурцами. Снова началась суматоха. Женя с Олей наводили на столе уже обеденный порядок. Алису водили в уборную мыть руки. Бегали к проводнику за чаем. И, всё уладив, сели обедать. Эркин опять у окна, Алиса у него на коленях, Женя рядом, Владимир и Оля – напротив. Ели картошку с тушёной и огурцами, хлеб с салом, пили горячий сладкий чай. И разговор шёл общий, перескакивающий с одного на другое, шумный и весёлый. Как и по всему вагону.

Наевшись, Алиса задремала, привалившись к плечу Эркина. И её уложили на верхнюю полку, благо Эркин не убирал постель. А немного погодя легла и Женя. Забралась к себе Оля.

– Ну что, браток, – Владимир показал глазами на верхнюю полку, – пойдём покурим?

– Пойдём, – согласился Эркин.

Они прошли в холодный продуваемый тамбур.

– Смотрю, – Владимир, ловко приладившись между костылями, скручивал самокрутку, – ты не любитель курева.

Эркин кивнул и улыбнулся.

– В хорошей компании отчего же и нет?

– И с выпивкой так же?

– Ну да, – Эркин, улыбаясь, кивнул ещё раз. – А так... мне незачем. И брат не пил.

И как всегда упоминание об Андрее отозвалось болью. Эркин глубоко затянулся и, и сдерживая себя, так сжал сигарету, что она погасла. Резким движением он выбросил окурочек в щель под наружной дверью.

– Ничего, браток, – Владимир смотрел на него внимательно с понимающей улыбкой. – Ничего, всё обойдётся.

– Обойдётся? – переспросил Эркин.

– А как же. Жизнь не останавливается. Тебе жить, детей своих растить... и брата помнить.

Эркин кивнул и сосем тихо, еле слышно за грохотом колёс, сказал:

– Простить себе не могу. Лучше бы меня...

Владимир покачал головой.

– Не казни себя. Это война, браток, на войне любая пуля... либо ты кого собой закроешь, либо тебя закроют. Тебя бы убило, он бы так же говорил?

– Да, – сразу ответил Эркин. – Конечно, так.

– Ну вот.

Владимир докурил сигарету, и они пошли обратно. Но до своего отсека Эркин добрался один. Владимира окликнули из большой компании, плотно набившейся в один из отсеков. Эркин вместе с Владимиром подсел, вежливо глотнул за Победу из предложенной кружки, заел салом и незаметно ушёл.

В их отсеке стояла сонная тишина. Он осторожно, чтобы не разбудить взглядом, посмотрел, как спят Женя и Алиса, и лёг на нижнюю койку, не разворачивая тюфяка. Ну, вот и всё. Белый свет за окном, стук колёс под полом. Вот и всё... Напряжение, державшее его с того момента, когда он взял в руки жёлтую карточку визы и маршрутный лист, отпускало, уходило вглубь, сменяясь уже другим. Он уже не сомневался, что они благополучно доберутся до Загорья, но какое им там дадут жильё? И работу. Да, была бы работа. В крайнем случае... опять

мужская подёнка. Он видел у домов поленицы, так что напилить и наколоть дров, починить сарай, просто грузчиком... он возьмётся за любую работу. Даже, если надо, имение вспомнит. Город-то он город, но под городом должны быть какие-то имения. Надо будет, так пойдёт скотником, конюхом, просто батраком. Работы он не боится, силы хватит. Правда, зимой батраки не нужны, на это только весной нанимают, но до весны он продержится. Обещали ссуды. Безвозвратная, беспроцентная... хорошо, конечно, но... нет, всё это так, одни разговоры, Грег говорил: «Сотрясение воздуха». Жильё, жильё и работа – вот что важно.

Наверху завозилась, забарахталась Алиса. Эркин встал и помог ей слезть. И улыбнулся Жене.

– Я отведу.

Алиса, посапывая, натянула прямо на чулки ботики. Эркин, подражая виденному не раз у Жени, одёрнул на ней платье, взял за руку, и они пошли в уборную. Алиса шла рядом с ним, крепко держась за его руку, но не от страха. Она ничего не боялась и шла гордо, высоко подняв голову и победно поглядывая по сторонам.

– Ух ты! – восхитился вихрастый парень в неподпоясанной гимнастёрке с двумя рядами орденов, когда Алиса строго посмотрела на него за то, что он не сразу уступил им дорогу. – Ну, генерал!

– А то! – засмеялись в ближайшем отсеке. – У этой муж по струнке ходить будет!

– Не по струнке, а по полу, – поправила их Алиса.

Хохот грохнул с новой силой. Улыбнулся и Эркин, проводя Алису за руку в дверь уборной, потом захлопнул за ней дверь и остался снаружи, предупредив:

– Замок не трогай.

– Ага, – кивнула Алиса. – А ты не уйдёшь?

– Нет. Я здесь подожду.

Возилась Алиса долго и вышла с мокрыми руками и мордашкой. Эркин безнадежно пошарил по карманам в поисках чего-нибудь подходящего и повёл Алису обратно, беззвучно ругая себя за то, что не сообразил захватить полотенце.

– Смирно! – встретил их тот же отсек. – Равняйся! Генерал идёт!

Алиса строго посмотрела на хохочущих мужчин, но не выдержала и тоже засмеялась. Так, под общий смех, они и вернулись к себе.

– Мама пусть спит, – заявила Алиса, когда Эркин вытер ей лицо и руки. – А я в окно смотреть буду.

Эркин помог ей сесть поудобнее и сам сел рядом.

– Боевая она у тебя, – улыбнулся лежащий на своей полке Владимир. Он вернулся в отсек, пока Эркин ждал Алису возле уборной.

Эркин кивнул с удивившей его самого самодовольной улыбкой. Он сидел рядом с Алисой, прислонившись спиной и затылком к стене и вытянув ноги. Неумолчно стучали под полом колёса, смеялись и пели весёлые компании. За окном стремительно летела назад белая ровная земля. И Владимир кивнул в ответ на невысказанный вопрос Эркина.

– Да, здесь войны, считай, уже не было. Отсюда их в первый год ещё выбили, не дали зацепиться.

– Да, – Эркин вгляделся внимательнее. – Воронки есть, а окопов не видно.

– И по лесу видно. Заметил, до самого Олсуфьева и за ним немного, но тоже леса возле дороги не было.

– Д-да, – чуть удивлённо согласился Эркин. – А почему?

– Вырубили. Партизан опасались, и вот вдоль дорог, что железки, что шоссейки на сто метров лес вырубали. Чтоб никто незаметно не подобрался.

Эркин уже по-новому глядел на бегущую за окном равнину. О партизанах он слышал.

– А... здесь? Тоже?

– Нет, сюда они не дошли, – сказал с верхней полки Оля. Она лежала ничком, обхватив руками подушку и глядя в окно. – Попыхтели, сволочи, и откатились. Но бомбили много, – и после недолгого молчания всё-таки спросила: – Слушай, где же ты был, что ничего этого не знаешь?

– Я рабом был, – спокойно ответил Эркин по-английски.

Сразу оторвалась от окна и обернулась к нему Алиса, по-детски округлила рот Оля, вскинул глаза Владимир. Эркин смущённо улыбнулся.

– Я не знаю, как это по-русски сказать.

– И не надо, – кивнул Владимир и улыбнулся Алисе. – Ну что, синеглазка, насмотрелась? Алиса молча подвинулась ближе к Эркину и залезла к нему на колени. Он улыбнулся ей.

– Устала?

– Не-а, – шёпотом ответила Алиса и спросила: – А ты чего по-английски? Мы назад едем, да? Я не хочу.

– Я тоже, – ответил Эркин и пересел вместе с ней вплотную к окну. – Давай смотреть вместе.

– Ага, – согласилась Алиса, строго посмотрела на Олю и уставилась в окно.

Женя, не открывая глаз, перевела дыхание. Слава богу, обошлось. Эркин молодец, отвлёт Алиску. Психолог так и советовала. Не запрещать, а отвлекать, переключать внимание. Может, со временем всё и забудется. В лагере Алиса не боялась английского, болтала напропалую, только перемешивала, ну, как все. Нет, когда осядем на место, надо будет опять ввести «английские» и «русские» дни. И обязательно, ну, хоть полчаса в день читать ей вслух. И начать её учить. И Эркина, конечно, он так сильно переживает, что неграмотный. И сразу по-русски. Русский ему важнее. Конечно, так и надо. И хорошо, что она все книги с собою взяла. А русские уже на месте купит. Женя улыбнулась. Да, конечно, и как бы ни было трудно, подработку она искать не будет. Конечно, будет работать, но надо и дома заниматься. И Алиской. А то беспризорницей растёт. При живых-то родителях.

Совсем незаметно что-то менялось за окном. Эркин вдруг увидел, как посинела белая даль, и не сразу понял, что это сумерки. Уже вечер?

– Митьково, – сказал проводник, проходя мимо их отсека. – Стоим десять минут.

Алиса отвернулась от окна.

– Эрик, мы пойдём гулять?

– Нет, – сразу ответила сверху Женя.

– Мам! – ахнула Алиса. – Ты не спишь?

– Нет, – улыбнулась Женя. – Уже не сплю.

Она села, и Эркин одним ловким гибким движением снял Алису с колен, вывернулся из-за стола, встал и помог Жене спуститься. Поезд как раз остановился, и их прижало друг к другу. Всего на мгновение, но Эркина обдало горячей, будто он залпом полную кружку водки выпил, обжигающей губы и горло волной. Он сглотнул и, с трудом шевеля онемевшими губами, сказал:

– Пойду чаю принесу.

– Чая на остановках нет, – сказала с верхней полки Оля.

Но Эркин уже вышел. Он быстро прошёл, почти пробежал по вагону, рванул дверь тамбура и, едва не столкнувшись с проводником, прыгнул на перрон.

Синее небо, голубоватый снег, жёлтые пятна фонарей. Эркин глубоко вдохнул холодный, зашекотавший горло воздух. Холода он не то что не ощущал, а не замечал. Не до того. На мгновение его тело ощутило тело Жени, её мягкую теплоту. Он не мог ошибиться. Женя... он не противен Жене, она... нет, рано ещё... нельзя об этом... пока нельзя.

Эркин шагнул к какой-то нелепой железной коробке в половину его роста, торчавшей зачем-то на платформе, сгрёб снежную шапку с её верхушки и протёр снегом лицо.

– Эй, – окликнул его проводник, – не пойму, остаться здесь решил?

– Иду!

Эркин одним прыжком вернулся в вагон и весело спросил у проводника.

– Чай есть?

Проводник улыбнулся, встопорщив усы.

– Неси кружки.

– Ага! – радостно кивнул Эркин.

Вагон качало, или это у него ноги заплетались от радости, но возвращался Эркин, хватаясь за стойки. Женя, увидев его мокрое лицо, ахнула:

– Ты выходил?! Эркин, ты с ума сошёл, ты же простудишься! Тебе сейчас надо горячего!

– Ага, – согласился сразу со всем Эркин, сгребая со стола кружки. – Я за чаем.

– Всем чаю, – кивнула Женя. – Донесёшь?

– No problem! – по-прежнему весело ответил Эркин, выходя из отсека.

– Я помогу! – сорвалась с места Алиса.

И вылетела в проход так быстро, что Женя не успела её перехватить.

– Ты лучше не мешай! – крикнула ей вслед Женя.

Владимир рассмеялся и сел.

– Ох, огонь-девка! – и подмигнул Жене. – Ещё наплачешься, как кавалеров гонять придётся.

– До этого ещё дожить надо, – рассмеялась Женя. – Тогда и посмотрим.

Под взрывы хохота, отмечавшие их путь, вернулись Алиса и Эркин. Эркин нёс, ловко ухватив за ручки, пять дымящихся кружек, а Алиса важно шла впереди, расчищая ему дорогу возгласами:

– Осторожно! Дайте пройти! Горячее несём!

Эркин старался не смеяться, чтобы ненароком не расплескать действительно горячий чай, но Женя и Владимир хохотали от души.

– Ну вот, – гордо сказала Алиса, когда Эркин поставил кружки на столик. – И ничего я не помешала, а даже помогла.

Отсмеявшись, Эркин сел в угол, и Алиса заняла своё законное место на его коленях.

Сверху спустилась Оля, но не успели все сесть за стол, как в их отсек заглянул тот самый парень, что первым назвал Алису генералом. В руках у него был большой кулёк из газеты.

– Генералу чай сладкий положен, – весело заявил он. – Держи.

Положил кулёк на стол и ушёл. Женя растерялась, а Владимир только улыбнулся.

– Ну-ка, посмотрим, чем они генерала чествуют, – и уверенно развернул кулёк.

На столик посыпались конфеты, пряники и плитка шоколада. Алиса радостно взвизгнула, но Женя нахмурилась. Насупился и Эркин.

– Когда с добром, на добро и идёт, – пресёк непрозвучавшие возражения Владимир и подмигнул Алисе. – Давай, хозяйка, распоряжайся.

Сосредоточенно хмурия белые брови, Алиса стала делить конфеты и пряники. Конфеты, хоть и разные, но разделились поровну. Пряники Эркин разрезал ножом, и тоже на всех хватило. А шоколад... Алиса горестно вздохнула, бережно держа большую без обёртки плитку, покосилась на Женю, на Эркина, вздохнула ещё раз.

– Разрежь и её, Эрик.

Эркин разделил ножом толстую плитку на пять равных частей, и Алиса раздала шоколад, конфеты и пряники. Всем поровну и себе последней. И стали пить чай. К удивлению Алисы, шоколад оказался несладким.

– Это лётчицкий, – объяснила Оля. – Лётчикам в пайке дают. Он сытный.

За окном было уже совсем темно, в вагоне горел яркий свет и опять... пели, смеялись, плакали, ругались...

– Уф, хорошо как, – Оля допила свою кружку и положила её боком на стол. – Давайте, что ли, и мы споём.

– Водки не пили, так с чего петь? – хмыкнул Владимир. – Или ты с чая захмелела?

А чего ж нет? – засмеялась Оля. – Что мы, хуже других? Ну, подтягивайте.

Она села поудобнее, прислонившись к стене, словно для пения ей была нужна опора, и запела. Владимир улыбнулся.

– Слабая у тебя голова, коль от чая хмелеешь.

И стал подтягивать.

Эту песню Эркин знал. Её пел Андрей ещё на выпасе, и по-русски, и по-английски. И он свободно присоединился к поющим. Тогда эти слова рвали ему душу до подступавших к глазам слёз, но сейчас он пел спокойно. И, к его радостному изумлению, Женя тоже запела. Алиса переводила внимательный взгляд с одного поющего на другого, и наконец её тоненький голосок неожиданно точно вступил в песню.

– Жди меня, и я вернусь, – старательно, явно не думая о мелодии, выговаривала Оля.

Пели, не думая, слышит ли их кто или нет, пели для себя. И закончив одну песню, начали другую. Ещё ни разу Эркин не получал такого удовольствия от пения. Даже... даже на выпасе. Нет, там они тоже пели для себя, но всё равно это было... не так, не совсем так. И впервые пожалел, что нет гитары, было бы совсем здорово.

После третьей песни продолжили чаепитие.

– Хорошо поёшь, браток, – Владимир с улыбкой смотрел на Эркина.

Эркин поймал ласково-гордый взгляд Жени и улыбнулся. Что ответить, он не мог придумать, но улыбки оказалось вполне достаточно. Улыбалась и Оля. И вдруг ахнула:

– Ой, батюшки, до Стёпина совсем ничего осталось!

Она вскочила и быстро, с привычной ловкостью собрала свой мешок. Владимир завернул из остатков снеди кусок сала и полбуханки хлеба, протянул ей.

– Не забудь.

– Да у меня ещё...

– Не спорь со старшими, – строго сказал Владимир, засовывая свёрток в её мешок.

– По званию? – съязвила Оля.

– По возрасту, – хмыкнул Владимир.

В отсек заглянул проводник.

– Готова? А то три минуты стоим.

– Ага.

Оля взяла у него свой билет, засунула в нагрудный карман, надела ушанку, застегнула и затянула ремнём шинель и вдруг порывисто обняла Женю, чмокнув её в щёку, так же быстро поцеловала Владимира, Алису и Эркина. Выпрямилась, щёлкнув каблуками, и козырнула им.

– Счастливо вам.

– И тебе счастливо, сестрёнка.

И Оля убежала. Поезд замедлил ход, остановился и почти сразу снова дёрнулся.

– Вот и Стёпино миновали, – Владимир улыбался, но глаза у него были грустными.

– А дальше? – спросила Женя.

– Ну, Горянино не в счёт, а там Батыгово, Пузыри и Иваньково. И всё, – он подмигнул серьёзно глядящей на него Алисе. – И всё, синеглазая. Я в Батыгове сойду, вы дальше поедете. До Иванькова.

Алиса кивнула и вдруг сказала:

– А ты поезжай с нами.

– Ну, спасибо тебе, синеглазка, – рассмеялся Владимир. – Спасибо за честь, но у меня свой дом есть.

За окном стало уже совсем темно, вагон раскачивала набирающая силу гульба.

– Рано приезжаем, – сказала Женя. – Давай, Алиска, спать ложиться, а то я тебя утром не подниму.

– Ну-у, – протянула Алиса, оглядывая стол в поисках случайной конфеты, но всё вкусное закончилось и спорить было уже не из-за чего. – Ладно. Только я сама в уборную пойду.

– Ещё чего! – сразу поняла её хитрость Женя. – Нет уж, я тебя знаю.

Алиса вздохнула. Она-то рассчитывала по дороге выяснить, всё ли положенное генералу ей дали. В лагере и детьми, и взрослыми много и подробно обсуждалось, как зажиливают пайки, не выдают всего, так что проверить надо обязательно, но при маме такое никак не получится. Владимир улыбнулся ей вслед.

– Ну что, браток, глотнём на прощание. Солдату трезвому, как зимой голому. Неловко.

Эркин кивнул. Он расстелил для Жени с Алисой постель и пересел к Владимиру. Тот достал свою флягу и аккуратно плеснул в кружки.

– Ну вот. За встречу и на прощание, и чтоб мы ещё раз встретились. А это, – он тряхнул флягу так, чтоб булькнуло, и завинтил колпачок. – это я уже дома выпью.

Они сдвинули кружки и выпили одним глотком. Эркин сразу потянулся за хлебом с салом, а Владимир удовлетворённо крикнул, выдохнул и только после этого стал есть.

Вошла Женя, ведя за руку умытую Алису, и, увидев приготовленную постель, обрадовалась.

– Ой, Эркин, спасибо. Алиса, живо спать.

Эркин улыбнулся им и встал.

– Пошли, покурим.

Владимир кивнул.

– Не будем мешать. Пошли.

Вагон гулял, как и вчера, но многие спали или просто лежали на своих полках. В холодном продуваемом тамбуре Эркин, держа незажжённую сигарету, посмотрел на сосредоточенно скручивавшего самокрутку Владимира.

– У нас говорили. Раз выжили, то и проживём.

Владимир закурил и кивнул.

– Спасибо на добром слове, браток. Оно, конечно, с руками и головой устроиться везде можно. Да и не чужая она мне, Лидка, Лидия Алексеева, не совсем чужая, – и невесело усмехнулся. – Её прабабушка моему дедушке сестра сводная. Представляешь?

Эркин степени родства представлял очень смутно. Его познания в этой области исчерпывались родителями, детьми, братьями и сёстрами. И ещё помнил, что Андрей называл Алису племянницей. Но, подыгрывая, он сочувственно покивал. Владимир улыбнулся.

– Ничего, браток, всё утрясётся. Это ты правильно сказал. Раз выжили, то и проживём. Ну, – Владимир погасил и выкинул окурок. – Пошли.

И по пути, как обычно, переключался с гуляющими, отругивался и отшучивался, но Эркин чувствовал, что ему не по себе, что Владимир этой встречи не то что боится, а опасается.

Женя и Алиса уже спали. Эркин кивнул Владимиру, разулся и залез на свою полку. Владимир лёг, не раздеваясь, поверх одеяла. Сверху Эркин видел его лицо. Ну, так всё понятно. Конечно, Владимиру... неловко, он на костылях, ноги, правда, обе есть, но, похоже, одна совсем не действует, калека, а мужик нужен здоровый, так все в лагере говорили. Но это и в самом деле так оно и есть. Нет, если бы с ним что и случилось, Женя бы никогда его не выгнала, но это же Женя...

Незаметно для себя он задремал и проснулся, когда поезд остановился. Но и глаз открыть не успел, как вагон снова дёрнулся. Значит, это – как его? – да, Горянино, а там Батыгово. Эркин разлепил веки. Владимир, стараясь не шуметь, укладывал свой мешок.

– Сало возьми, – сказал Эркин чуть громче камерного.

Владимир мотнул головой.

– Чего с такой мелочью возиться, а синеглазке перекусить утром, – поднял голову и, встретившись с Эркином взглядом, улыбнулся. – У меня ещё кусман в заначке, не голым еду, не бойсь.

Эркин улыбнулся в ответ и спрыгнул вниз, обулся. Он ничего не сказал, но Владимир понял и благодарно кивнул.

– Спасибо, браток.

Он собрал мешок, хлопком по нагрудному карману проверил документы и стал одеваться.

Когда к ним заглянул проводник, Владимир уже стоял в туго подпоясанной шинели и лихо сбитой набок шапке-ушанке, мешок за плечами, и если бы не костыли...

– До Батыгово две минуты.

– Спасибо. Держи, браток, – Владимир вложил в руку проводника три рубля. – С меня за постель, за чай и тебе на чай, а мне на удачу.

– Спасибо, – кивнул проводник и посмотрел на тоже уже одетого Эркина. – Выходишь, что ли?

Эркин молча кивнул, чувствуя, что говорить сейчас ничего не нужно.

– Смотри, всего семь минут стоим.

Проводник взял скатанный в рулон тюфяк Владимира и отступил, давая им дорогу. Владимир быстро шёл по проходу, весело перекликаясь с желавшими удачи и отшучиваясь, но идущий следом Эркин всё ещё чувствовал его напряжение.

В тамбуре проводник догнал их, приготовил дверь и открыл её практически одновременно с остановкой поезда.

– До свиданья, браток.

Владимир сильным уверенным движением выставил на перрон костыли и выбросил себя вперёд. Эркин спрыгнул следом за ним. Облако снежной пыли ударило его в лицо. И почти сразу, он даже дыхания перевести не успел, из слепящего снежного ветра донеслось:

– Володя! Владимир Кортюшин! Володенька!

– Лида! – ответно крикнул Владимир. – Алексеева Лида! Я здесь!

К нему подбежала и с ходу обняла женщина, закутанная в платок поверх странного – Эркин таких раньше не видел – пальто из овечьих шкур.

– Ой, Володенька, ой, наконец-то! – целовала она Владимира. – Ой, мы ж тебя неделю уже встречаем! Ой, Тася, Тася, здесь он, здесь, ой, Володенька, это ж Тася, подружка моя, ой, мы ж тебя ждали так.

– Тася, – вторая женщина, так же вынырнувшая из снежной темноты, церемонно подала руку Владимиру.

Эркин, следивший за всем этим с живым интересом, услышал крик проводника, что минута осталась, и шагнул к Владимиру.

– Удачи тебе!

– Спасибо, браток, – Владимир крепко обнял его и поцеловал. – И тебе удачи во всём, – и оттолкнул от себя. – Беги, отстанешь!

Эркин подбежал к вагону, уже начавшему движение, и ловко запрыгнул в тамбур, оглянулся. Владимир уходил, и две женщины с двух сторон с ним.

– Батыговские девки ловки, – хмыкнул проводник, закрывая дверь. – Только глянешь, а уже оженили. Беги, грейся.

Эркин не чувствовал себя замёрзшим, но, войдя в наполненный живым теплом вагон, понял, насколько там было холодно. А им ехать ещё дальше на север. До Иванькова. Потом на Ижорск. И уже оттуда в Загорье. И будет всё холоднее, и холоднее. А зима только началась. Он-то думал, что носки, варежки, ну, ещё шапка – и всё, остальное у него есть, а теперь... и Жене, и Алисе тоже надо. Сколько же у них на одну одежду уйдёт?

В их отсеке на полке Владимира сидели двое мужчин. Видимо, подсели в Батыгово. И не в военном. Их толстые тёмные пальто с меховыми воротниками висели на крючках. И шапки там же. Тоже меховые, но не ушанки, а просто круглые и чуть сплюсненные с боков. Стол был занят, и мужчины разложили свои бумаги прямо на полке. Когда Эркин вошёл, один из них поднял голову и улыбнулся.

– Здравствуй. Потеснили мы тебя.

– Здравствуйте, – ответно улыбнулся Эркин. – Нет, я на верхней.

Открыла глаза и приподнялась на локте Женя.

– Эркин? Ты выходил?

– Я Владимира проводил, – ответил Эркин, снимая куртку. – Тебе не дуёт от окна? Давай, я куртку подсуну.

– Нет, всё в порядке, – Женя заметила новых попутчиков и улыбнулась им. – Здравствуйте.

– Здравствуйте. Мы разбудили вас?

– Нет, ничего, – Женя ещё раз улыбнулась им и отдельно Эркину. – Ты ложись, поспи ещё.

– Да, сейчас.

Эркин оглядел еду на столике, собрал и переложил так, чтобы освободить часть стола, разулся и залез на свою полку. И даже ещё лечь не успел, как словно провалился. И расстёгивал под одеялом рубашку и джинсы уже во сне, ни о чём не думая и ничего не ощущая. В Иваново они приезжают в шесть сорок. До шести можно спать. Сорока минут им на сборы хватит.

– Этот вариант нерентабелен...

– Да, но Старик упрётся...

– Старику с его технологиями на пенсию пора. Отжившие категории...

– Весьма живучи...

– Элементарно...

– Оптимизация эффективности...

– Проверь по коэффициентам...

– Да, капэдэ приличный, но...

– Отвёрточная сборка, чего ты хочешь...

Доносившиеся откуда-то непонятные, словно и не по-русски говорят, слова не мешали и не тревожили. Эркин спал спокойно, без снов, но готовый проснуться, как только шевельнётся Женя. И опять шорох, как будто кто-то скребётся в вагонную стенку. Но сейчас он вдруг понял: это же снег. Снег... они в России... пусть будет холодно, трудно, но они в безопасности, они в России...

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная поляна» Джонатана Бредли

Большие снежные хлопья важно опускались на мокрую холодную землю и даже не сразу таяли. Фредди с наслаждением вдохнул запах снега, лёгкий, едва уловимый и такой особенный. Нет, всё-таки не плохо и даже хорошо. Год они продержались, и сделано... ну, пусть кто другой на их месте попробовал бы сделать больше.

Роланд, выгнав лошадей в загон, яростно чистит конюшню. От скотной доносится пронзительный голос Дилли, запекает Рыжуху, что сено не жрёт, а под ноги кидает. Гомонит малышня. В Большом Доме стучит топор Сэмми. Тарахтит новый движок, что-то Стеф его на слишком больших оборотах гоняет. Ларри несёт, широко перешагивая через лужи, стопку дубовых панелей в кладовку, а за ним Марк тащит охапку обломков плитингусов, да, капитальное было сооружение, если до сих пор разламываем. Мамми запирает продуктовую кладовку, а Роб стоит рядом в обнимку с мешочком крупы. Чего-то Молли не слышно, нет, подала голос, она всегда, управляясь на птичнике, поёт, если б у неё ещё репертуар был хоть на одну песню побольше, а то одно и то же, Рол, правда, от её пения млеет, но это уже только его проблема. Но что там Стеф с движком вытворяет? Ладно, посмотрим.

Фредди поправил шляпу и решительно пошёл к котельной. Джерри оглянулся ему вслед, но остался сидеть на изгороди конского загон: он не терял надежды подманить какую-нибудь из лошадей и прямо с изгороди прыгнуть ей на спину. Том побежал за Фредди, но потом повернул на кухню: там всё-таки интереснее, чем в конюшне.

В котельной было жарко, пахло соляной и маслом. Стеф в комбинезоне на голое тело кидал уголь в топку и, когда Фредди вошёл, бросил, не оборачиваясь:

– Ага, в самый раз.

Фредди усмехнулся.

– Так ты заманивал меня, что ли?

Стеф захлопнул дверцу, поставил на место лопату и подошёл.

– Нет, просто проверяю, мне звук не нравится. А разговор тоже есть.

– Давай, – кивнул Фредди.

Они сели к маленькому столику у окна. Стеф тяжело выложил на столешницу масляно блестящие с въевшейся в трещины угольной пылью набрякшие руки.

– Вот какое дело. Контракт у всех до Рождества, так?

– Так, – кивнул, сразу насторожившись, Фредди.

– И когда расчёт будет? Двадцать четвёртого?

– А ты когда хочешь? – спросил Фредди.

– Пораньше бы надо. И не мне, а всем.

– Зачем?

– Рождество, а подарки купить не на что. Хэллоуин нам испоганили, неужто и Рождества не будет? – Стеф достал сигарету, но не закурил. – Человеку праздники нужны.

– Чёрт! – Фредди озадаченно сбил шляпу на лоб и почесал в затылке. – Об этом мы и не думали. Это ты здорово сообразил, Стеф. Значит, чтоб было настоящее Рождество?

– Ну, гуся да карпа каждому не выйдет, – засмеялся Стеф, – но ёлку хоть какую, и подарки, и чтоб каждый с деньгами по магазинам прошёлся, выбрал, да купил... Это надо.

Фредди кивнул.

– Ладно. Это всё можно. А до города как? Пешком?

Стеф улыбнулся.

– Зачем пешком? Если пошарить, подумать и руки приложить, фургончик вполне можно сварганить. Две лошади и свободный день. Возможно?

– Делайте фургон, – кивнул Фредди. – Остальное за мной. И на какой день расчёт?

– А на двадцатое. Три дня, чтоб посменно съездить, а там уже и Сочельник.

– И двадцатого лучше тихо сидеть, – задумчиво сказал Фредди.

Стеф кивнул.

– И это. В городе, может, что и будет, а мы там позже окажемся. И приодеться людям надо. А то... год Свободе скоро, а во всём рабском. Ларри рассказывал, как на него в городе лупились, пока он себе джинсы и ковбойку не купил.

– Дело, – Фредди хлопнул рукой по столу и встал. – Хорошая голова у тебя, Стеф.

– Жалко, такому дураку досталась, – рассмеялся, вставая, Стеф. – Это мне моя покойница всё повторяла, и это же я от неё на прощание услышал, когда арестовали меня, – прислушался к движку. – Воеет, гадина. Перебирать надо.

– Завтра и переберём, – кивнул Фредди. – А сейчас выруби, пока в разнос не пошёл.

– Я на конюшне команду? – ядовито спросил Стеф.

– На конюшне у тебя полномочный представитель сидит, – рассмеялся Фредди.

Стеф самодовольно ухмыльнулся.

– Да, о ёлке не бери в голову, – сказал, уже выходя, Фредди.

Снег продолжал идти, земля уже стала белой, только лужи чернели. Да, чёрт, конечно, Стеф прав. Джонни вернётся из города и пусть рассчитает всех. Рождество должно быть. Со Стефом им тоже повезло: не только всю механику на себе тянет. А в город... да, в две смены. В одной Ларри с Роландом, ну и Молли, конечно, и их детвора. А в другой – Стеф и Сэмми со своими. В такой комбинации если и выпьют, то не запьют. Самый в этом слабый Сэмми, но его Стеф удержит. А Ларри с Роландом заводить один другого не станут. Да, Дилли лучше не ездить, а то ещё родит дорогой. Ну, это, правда, не его проблема, тут Мамми приглядит. И с фургоном Стеф здорово придумал.

За этими размышлениями Фредди обошёл двор, и возле кладовок его остановил Ларри.

– Прошу прощения, сэр, но не соблаговолили бы вы зайти сегодня в мастерскую?

– Хорошо, Ларри, – кивнул Фредди. – Через час после ленча. Устроит?

– Разумеется, сэр.

Ларри склонил голову в вежливом полупоклоне, и восхищённо наблюдавший за ним Марк повторил его жест. Когда Фредди отошёл, Ларри посмотрел на сына.

– Марк, ты всё слышал?

Марк кивнул.

– Когда увидишь, что он идёт, ты выйдешь. И пока я не позову, – Ларри улыбнулся, – не заходи. Всё понял?

– Ага! – выдохнул Марк.

И пока они шли в Большой Дом за новой ношей, Ларри тихо объяснял:

– Мне надо поговорить наедине. А если ты выйдешь, когда он уже войдёт, это будет невежливо. Поэтому сделаем так.

– Ага, – радостно согласился Марк. – И мне у мастерской ждать?

– Нет, – улыбнулся Ларри. – Можешь идти играть. А сейчас бери Роба и бегите за почтой.

Марк, взвизгнув, уже рванулся, но тут же вернулся к отцу.

– И... и мне не рассказывать? Ну, про что ты сейчас сказал, да?

– Да, – Ларри поправил ему шапку, – ты всё правильно понял, молодец. А теперь беги.

И засмеялся вслед убегающему Марку. Пусть. Мальчишкам пробежаться по снегу – одно удовольствие. Завелось это недавно, но оказалось удобно. Взрослые от дела не отрываются, мальчишкам несложно и по хозяйству польза. Никто не скажет, что они из милости едят. И под ногами без толку не болтаются.

Ларри вошёл в Большой Дом и окликнул Сэмми.

– Вот эти ещё?

– Ну да, – прогудел Сэмми, – остальные. И в то крыло пойдём. Я уж Билли туда отправил. Так что эти отнеси и туда сразу.

Ларри, крикнув, поднял стопку дубовых панелей. Интересная резьба, но не для этого дерева. Хотя... зависит от интерьера. Конечно, надо с умом в дело пустить. А рисунок очень интересный. Стилизованный плющ. Это – Ларри нахмурился, припоминая – да, правильно, модерн. Можно попробовать на браслете, должно получиться интересно.

Он вышел во двор, движением плеча подправил стопку и широко зашагал к кладовкам. Дверь нужной уже открыта, и придерживает её... да, Том. Правильно, Роб же с Марком за почтой ушёл. Поблагодарив малыша кивком, Ларри поставил принесённые панели в общую стопку и вышел. Том разжал пальцы, и тугая пружина гулко захлопнула дверь. Ларри пошёл обратно, а Том вприпрыжку пообжал к конскому загону.

– Принёс? – встретил его Джерри.

Том вытащил из-под курточки ломоть хлеба, протянул его Джерри и залез на изгородь. Джерри зачмокал, показывая хлеб лошадям. Наконец Бобби неспешно подошёл, вытянул шею и фыркнул, обнюхивая хлеб. Джерри передал ломоть Тому и отодвинулся. Бобби тянулся к хлебу и наконец встал почти боком. Джерри прыгнул. Бобби отнёсся к этому спокойно. Он отобрал у Тома хлеб, повернулся и по-прежнему не спеша пошёл к остальным лошадям, не обращая внимания на всадника. Джерри, зажав в кулачках жёсткие пряди гривы, пытался дёргать за них, как за поводья, но Бобби не замечал его усилий, а дотянуться до его морды, чтобы ухватить за недоуздок, Джерри никак не мог. Ёрзая по широкой спине Бобби, он перебрался ближе к шее. И Бобби словно ждал этого. Он резко опустил голову к земле, и Джерри полетел вниз. Обнюхав лежащего у его ног мальчика, Бобби осторожно отошёл от него.

Джерри встал, шмыгнув носом, но от конюшни смотрит масса Фредди, и Джерри мужественно удержался от рёва, хотя и ушибся.

– Ладно-ладно! – крикнул он вслед Бобби. – Я тебя ещё обуздаю!

Догнать Бобби и дёрнуть в наказание за хвост – Бобби смирный и такое позволяет, проверено уже – не представляло труда, но масса Фредди как-то сказал:

– Гриву упустил, так за хвост не удержишься.

Да и копыта сзади, вдруг взбрыкнёт, попадёт ещё по голове.

– Том, – позвал он брата, – давай ещё хлеба.

– Сам иди, – отозвался Том, благоразумно не слезавший с изгороди. – Мне мамка больше не даст.

– И пойду, – сказал Джерри. – Я его обуздаю!

Роланд хмыкнул за спиной Фредди.

– Настырный чертёнок. Доведёт он Бобби.

– Бобби довести, это сильно постараться надо, – усмехнулся Фредди.

Если он Эндрю три месяца терпел... но уже про себя. Говорить вслух о парнях не хотелось. Да и незачем. Фредди сердито поправил шляпу.

– Холодает, Рол. Давай в темпе.

– Ага, масса Фредди, до ленча сделаю.

Фредди кивнул.

– Я в слесарне, если что.

Роланд расплылся в широкой улыбке.

– Они найдут.

Фредди улыбнулся и кивнул.

Майор, увидев его, подбежал к изгороди. Фредди, не меняя шага, похлопал его по шее. День катился своим обычным порядком. Все знают, что и как им делать, подгонять никого не нужно. После ленча, если Роланд и впрямь управится с конюшней, пусть почистит скотную. У Молли тоже уже брюшко обозначается, скоро и ей станет тяжело мешки с кормом ворошить. Так, тогда... собрать пустые мешки, поставить на это всех мужчин и сделать запас малой фасовки. Тогда не придётся каждый день то Ларри, то Сэмми на подноску и засыпку дёргать.

Перед самым ленчем в слесарню прибежали запыхавшиеся Роб и Марк, принесли почту. Фредди взял у них специально сшитую Мамми для этого сумку.

– За мной.

Мальчишки радостно заулыбались. С тех пор, как они стали приносить почту, раз в неделю Фредди давал им конфет или ещё чего. Фредди достал газету и несколько бумажек, отдал сумку Робу, чтобы отнёс и повесил на специальный гвоздь на кухне, и, когда мальчишки убежали, быстро просмотрел. Так, местные налоги, школьный сбор? Да, пусть заодно Джонни потеревит этот комитет насчёт школы для цветной мелюзги. А это что? Благотворительный рождественский базар, пожертвования по адресу... не уgomонится старая карга, любит быть в центре, всё равно чего. Это всё мелочевка, так... газету тоже на вечер.

Он закончил в слесарне и отнёс почту в их дом, положил на стол Джонни и всё-таки взял газету. Быстро просмотрел. Обычная провинциальная газета, интересная только местным. Объявления о свадьбах и распродажах, пропавших собаках и приبلудившихся тёлках, глобокомысленные рассуждения о погоде и видах на зиму, небрежная скороговорка о событиях за границей округа Краунвилль, ого, уже предрождественская распродажа, да, вовремя Стеф ткнул, ладно, остальное потом...

Когда Фредди пришёл на кухню, все уже поели и разошлись по местам, Мамми мыла миски, а на углу стола, как всегда, для него на салфетке его ленч. То же, что и остальным, но не миски, а тарелки. Фредди вымыл руки у рукомойника и критически посмотрел на полотенце. Мамми суетливо подала ему чистое, быстро сдёрнув и бросив в корзину грязное.

– Ох, масса Фредди, не доглядела.

Фредди повесил полотенце у рукомойника и сел к столу.

– Приятного вам аппетиту, масса Фредди.

Фредди улыбнулся и кивнул:

– Спасибо, Мамми.

Щедро намашенная каша с мясом, свежие дышащие на зубах лепёшки, кофе горячий, свежей варки. Фредди ел с удовольствием, и Мамми, расставляя вымытые кружки и миски, с не меньшим удовольствием следила за ним. И, когда он уже допивал кофе, спросила:

– А что, масса Фредди, может, масла собрать? К Рождеству, скажем?

– Собирай, – кивнул Фредди. – Молока хватает?

– А как же, масса Фредди, и сливки на отстое толстые.

– Хорошо, Мамми, – Фредди встал и надел шляпу. – Спасибо за ленч.

– А и на здоровычко вам, масса Фредди, – проводила его Мамми.

Снегопад не кончался, уже и лужи припорошило. Жалко, что до Рождества стает, снег на Рождество – хорошая примета. Теперь на конюшню, как там Рол управился, лошадей уже в загоне нет. Ага, вот кто нужен.

– Роб! – окликнул он мальчишку и, когда тот подбежал, очень серьёзно сказал: – Собери все старые мешки из-под кормов и скажешь мне, сколько их.

– В кладовке бросовой десять, да на скотной... – сразу начал перечисление Роб. Но Фредди остановил его.

– Собери все в одно место и сложи. Рваные отдельно, целые отдельно.

Бумажный мешок для шестилетки не тяжесть. Ишь, помчался как! Так, теперь конюшня.

Лошади уже стояли в денниках, хрупая сеном. Рол, удовлетворённо оглядывая блестящий пол, вопросительно предложил:

– Надо бы скотную почистить уже, масса Фредди?

– Займись, – кивнул Фредди, проходя в денник к Майору. Что бы ни было, но Майора он убирает и обихаживает сам. Рол уже основное сделал, так что за час он управится.

Управившись с Майором и пройдясь по остальным денникам, Фредди вымыл руки в рукомойнике у выхода. Полотенце, висевшее рядом, было лично Рола, и потому Фредди вытер руки носовым платком.

Проходя по двору, он проломил тонкую корочку льда на луже и отметил, что следы уже почти не темнеют. Да, холодает, Стеф правильно котельную раскопегарил. Заранее. Чтоб все трубы прогреть. Так, Роб всю малышню в дело запряг, бегают, обрывки сносят. И Марк с ними? Значит, разговор серьёзный, раз Ларри сынишку из мастерской выставил. Фредди поправил шляпу и тронул дверь мастерской. Стучать не пришлось – его ждали.

– Добрый день, сэр. Прошу вас.

Ларри вежливо подвёл его к рабочему столу. Ворох блестящих жёстью и осколками стекла брошек, серёг, витых и плетёных браслетов, колечек, брелочков. Кивком показывая на него, Фредди сказал:

– Продавай. Живые деньги будут.

Ларри улыбнулся.

– Да, сэр, но у меня к вам просьба, сэр.

– В чём дело, Ларри?

– Вот, – Ларри протянул ему тусклое кольцо. – Примерьте, прошу вас, сэр.

Фредди взял кольцо и по весу сразу определил: золото. Значит, Ларри взялся за свёрток с ломом. Кольцо пришлось только на мизинец. Ларри вздохнул.

– Прошу прощения, сэр, ошибся в размере. Вас не затруднит дать снять мерку?

Фредди внимательно посмотрел ему в глаза и кивнул. Ларри протянул несколько лёгких жёстяных колечек.

– С печаткой?

– Да, сэр, – и улыбнулся. – И сэру Джонатану.

Быстро примерив несколько колечек, Фредди отобрал два.

– Это и это.

– Спасибо, сэр.

Ларри взял колечки и проверил размеры по ригелю.

– Не перепутаешь?

Ларри улыбнулся, показывая, что понял шутку.

– У меня не так много заказчиков, сэр. И ещё. Две цепочки можно починить, сэр.

– Плетение сложное?

– Да, сэр. Оригинальная работа, сэр.

– Плавь, – вздохнул Фредди.

Вздохнул и Ларри. Но иначе нельзя, он это понимал. Раз в этом свёртке были зубные коронки, то всё надо уничтожить. Очистить огнём.

– Но кольца будут без пробы, сэр.

– Неважно, – махнул рукой Фредди и улыбнулся. – Мы-то знаем.

Ларри кивнул с улыбкой и отложил золотое кольцо в тигель.

– Благодарю, что уделили мне внимание, сэр.

– Не за что, – вежливо ответил Фредди и озабоченно поинтересовался: – Бижутерию прямо здесь продавать думаешь?

– Не хотелось бы, – вздохнул Ларри. – А везти это в город, сэр... – он не договорил и сокрушённо добавил: – Я и цен не знаю.

– И торговаться ты тоже не умеешь, – кивнул Фредди. – Ладно, придумаем. Отбери, что своим дарить будешь, а остальное на продажу. К Рождеству хорошо пойдёт.

Ларри быстро внимательно посмотрел на него.

– А... а Рождество будет, сэр?

– А отчего ж нет? – Фредди перешёл на ковбойский говор: – Гульнём, чтоб небо загорелось.

И Ларри, как когда-то, фыркнул коротким смехом. Фредди удовлетворённо кивнул и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, Ларри задвинул засов и сел за работу. Расплавил кольцо и убрал маленький слиток к остальному золоту. Вынул цепочки. Да, очень тонкая работа, он впервые видит такое плетение. Вторая попроще, вернее, он представляет, как сделано, а эта... Тогда так... Достал лупу, пинцет, подложил под руку бумагу с карандашом и стал разбираться. Асимметричные кольца, создающие симметрию, симметрия асимметричности... очень интересно... работа, разумеется, художественная... золото очень старое... двух одинаковых колец нет... очень сложный ритм... и делалось, конечно, штучно и для того, кто мог это оценить.

Ему пришлось прорисовать весь обрывок, чтобы понять периодичность чередования. И когда он наконец расплавил обе цепочки, за окном было совсем темно. Ларри убрал золото и прорисовку, отдельно то, что Фредди называл бижутерией, а он белибердой. Конечно, если Фредди поможет продать, будет очень хорошо. Слишком хорошо. Какой бы ни взял процент, того, что останется, хватит. Оглядел тщательно убранный мастерскую и, отодвинув засов, открыл дверь.

– Пап, – тёмный комок у двери оказался Марком. – Я тебя жду-жду...

Ларри подхватил его на руки.

– Ты же замёрз, Марк, почему ты не постучал?

– Ты, – Марк всхлипнул, обнимая его за шею, – ты же работал.

Прижимая сына к себе, Ларри выключил свет и запер дверь.

– Ты не обедал?

– Не-а. Я тебя ждал. Уже ужин.

– Ну, бежим.

Крепко прижимая к себе сына, Ларри побежал на кухню.

Их встретили дружным сочувственным гоготом. Мамми навалила им в миски по двойной порции и вздохнула:

– Ну, совсем ты, Ларри, без ума. Ну, мальца-то чего держал?

– Я сам, – попробовал сказать Марк, но из-за набитого рта вышло крайне неубедительно.

А Ларри строго сказал:

– Марк, либо ешь, либо говори, – и улыбнулся. – Так уж получилось.

– Срочная работа, – понимающе кивнул Роланд.

– Да, – не стал вдаваться в подробности Ларри.

В принципе, они не так уж опоздали. Остальные ещё пили кофе, уже по-вечернему неспешно, и Ларри с Марком их быстро догнали. Марк старательно вытер остатком лепёшки свою миску и, привалившись к отцовскому боку, сонно шурился на лампу. Взрослые обстоятельно и благодушно обсудили погоду, что зима круто заворачивает и снег на неделю лёг, не меньше, но при хорошей жратве и одежде беспокоиться не об чем, но до Рождества не долежит, конечно, а жаль, Рождество со снегом хорошо.

– А Новый год?

– Новый Год потом...

– Через неделю, ага?

– Да, точно.

– И целную неделю гулять будем?

– Вот не подпишешь контракта и хоть год гуляй.

Посмеялись, конечно, это же шутка, но... Иди знай, контракт годовой, возьмут и не подпишут, и тогда что? От разговора о контрактах ушли. Ну их, нечего к ночи поминать, а Рождество – праздник светлый, весёлый...

Стеф обвёл сидящих за столом хитро блестящими глазами и улыбнулся.

– Вот рассчитают нас, деньги получим на руки и съездим в город, накупим всего к празднику.

– А ехать-то на чём? – с сомнением спросил Роланд. – Верхом если... Так я ещё сгоняю, ну, Сэмми... Ларри ты как, удержишься?

– Пока Бобби стоит, попробую, – рассмеялся Ларри. – Ну, Стеф, что придумал?

– А тут и придумывать нечего. Фургон сделаем, две лошади впряжку, и всё.

– Голова-а! – ахнул Роланд. – Я ж видел в бросовой кладовке. Три колеса. Точно!

– Четвёртое там же. Сломанное, – подал голос Роб.

– Рама ж ещё нужна. Оси, – загудел Сэмми. – А обшивку где возьмём?

– Каркас и брезентом обтянуть можно, – сказал Ларри, вспоминая иллюстрации в книге о первопоселенцах.

– Брезент есть, – авторитетно подтвердил Роб.

– А разрешат? – сомневаясь, спросила Молли.

– А чего ж нет? – Мамми оглядела кружки, выискивая, кому долить кофе.

– Фургон в хозяйстве лишним не будет, – решительно изрёк Роб.

Роланд рассмеялся и взъерошил сыну волосы. Он уже не переживал из-за того, что его Роб равнодушен к лошадям, Стеф вон спокоен, что ни Том, ни Джерри не хотят с машинами возиться.

Пустились в воспоминания, кто где и что видел нужное для фургона. Фургон сладить – это не лавку на кухню сбить, здесь Сэмми одному не справиться. Но это ж... Это ж, когда делать? Ну, если разрешат заняться фургоном, то Большой Дом пока побоку, Сэмми ж не разорваться, Ларри с ленча снова в своей мастерской засядет – Ларри кивнул – Стефу от котельной, а Ролу от конюшни и скотной тоже надолго не уйти, так что вся работа на Сэмми ляжет. А ему уже на завтра велено, что делать. Это к массе Джонатану идти и перепрашиваться, тут надо думать и думать...

...Вечерний шум на кухне столь же привычен, как остальные шумы имения. Не вслушиваясь специально, Фредди ощущал их как сигнал: всё в порядке, всё, как обычно. Он сидел у камина, вытянув ноги к огню, и рассеянно скользил глазами по газете. Пора бы Джонни и вернуться, ночевать в Краунвилле вроде бы не планировал, хотя... кто знает, что и как может повернуться, всего предугадать невозможно. Фредди перевернул страницу. Всё то же. Стоп... а это что? Он опустил газету и прислушался. Да, топот копыт, точно. Фредди аккуратно положил на пол газету, встал и, подтянув пояс с кобурой, вышел на террасу.

Снег всё ещё лежал, и оттого казалось не так темно. Ещё раз прислушавшись, Фредди пошёл к конюшне. Джонатан уже спешился, выводил Лорда и заводил его в денник.

– Пусть обсыхает.

– На кухню зайдёшь?

– А что, есть срочное?

Фредди хмыкнул.

– Не срочно, но обговорить нужно.

– Масса Джонатан, – влетел в конюшню Роланд. – С приездом, масса Джонатан!

– Спасибо, Рол, – улыбнулся Джонатан.

Выйдя из конюшни, он сразу оказался в обычном кольце. Выслушав всех, Джонатан не отдал никаких распоряжений и отпустил на отдых со словами:

– Всё завтра. Спокойной ночи. Нет, Мамми, спасибо, ужинать не буду. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи... И вам спокойной ночи, масса... Спокойной ночи, сэр...

Джонатан ушёл в душ, Мамми, сопя и вздыхая, уплыла на кухню, за ней ушли остальные. Фредди вернулся в их домик и поставил на решётку в камине кофейник, развёл посильнее огонь. Ну, вряд ли Джонни задержится в душе, не будет он Стефа держать лишнее.

Джонатан пришёл, когда на кофейнике задребезжала крышка.

– Уф, хорошо! Круто как на зиму повернуло, а?

Джонатан прямо-таки излучал благодущие и уверенность. Фредди отошёл к бару, сделал два коктейля и вернулся к камину.

– Держи, Джонни. Как там шериф? Готовится к двадцатому?

Джонатан удивлённо присвистнул.

– Чёрт, совсем из головы вылетело, двадцатого ведь годовщина, так? Думаешь, что-то будет?

– У нас? У нас будет под расчёт, Джонни.

– Интересная мысль, – кивнул Джонатан. – Четыре дня что-то решают?

– Многое. Я тоже не чухался, но меня сегодня Стеф просветил.

– Ну-ну? – Джонатан отхлебнул сразу полстакана, с интересом глядя на Фредди.

– План такой. Собрать из рухляди фургончик – раз. Двадцатого получить под расчёт – два. Три дня на то, чтобы посменно съездить в город за покупками. Двадцать четвёртого – Сочельник. А там уж как положено. Есть резон?

Джонатан задумчиво кивнул.

– Резон есть. Так-так, и что ещё сказал Стеф?

– Что людям нужны праздники, и что через год после освобождения стыдно ходить во всём рабском.

– Тоже резон, – Джонатан отхлебнул ещё раз, но уже поменьше. – Что ж, когда человек умён, то работать с ним в одно удовольствие. Значит, с утра ставим Сэмми на фургон?

– И остальных к нему на подхват.

– Большой Дом может и потерпеть, – кивнул Джонатан. – Крышу мы там особо не раскрывали, самое ценное уже выбрано. Так, что ещё?

– Ларри наделал бижутерии, надо помочь продать, – Фредди усмехнулся. – Процент я не оговорил, но много он не запросит.

– Скинем Роулингу?

– Зачем? Пусть здесь разойдётся, чтоб слава пошла, – Фредди налил себе кофе и долил коньяком. – Знаток и в жести уровень увидит.

– А дальше?

– Предложим свой материал, и в Колумбию Ларри уже с заделом поедет.

– Стратегически мыслишь, – хмыкнул Джонатан.

– От тебя и заразился. Да, Джонни, о ёлках не беспокойся.

Джонатан поперхнулся. От неожиданности.

– Чего?! Каких ещё ёлках?

– Рождественских, – невозмутимо ответил Фредди. – Одну нам, другую на кухню. Ну, и парочку гирлянд к ней. К каждой.

– На кухню понятно, и не парочку гирлянд, а можно и целый набор. И о подарках можно подумать, согласен, вполне уместно. Но нам-то зачем?

– Людям нужны праздники, Джонни, – философским тоном ответил Фредди. – Кофейник сними с огня, раз не пьёшь.

Джонатан подозрительно посмотрел на Фредди, налил себе кофе и погрузился в раздумья.

– Да, Фредди, а почему я не должен о них беспокоиться? Ты уже заказал?

– Нет, – голос и поза Фредди оставались по-прежнему безмятежными. – Перед мэрией как раз две в аккуратных таких кадочках. И ни одного фонаря.

Джонатан замер с открытым ртом и через секунду захохотал так, что облил себя кофе.

– Ты!.. – наконец выдохнул он залихватское ковбойское ругательство. – Ты с ума сошёл!

– Рождество должно быть весёлым! – убеждённо ответил Фредди. – Ты не обжёгся?

Джонатан отсмеялся, вытер глаза и джинсы, налил себе ещё одну чашку, уже тоже пополам с коньяком.

– Это ты про Рождественские угоны, что ли, вспомнил?

– Н-ну! Забыл, как веселились?

– Особенно в отстойнике. Ладно, ёлки завезут, это не проблема. Могут себе и сами купить.

– Я обещал Стефу от нас.

– Тогда, конечно, – сразу кивнул Джонатан. – Так что, ковбой, делаем настоящее Рождество?

– Повторю за Стефом. Хэллоуин нам испоганили, неужто и Рождества не будет?

Джонатан залпом допил кофе и встал.

– Да, и это главный резон. Всё правильно, Фредди, делаем настоящее Рождество. Расчёт я сделаю.

– Деньги у нас на выплату есть?

– Не трухай, ковбой. Счета не тронем.

Фредди тоже допил и встал. Вдвоём они навели порядок в баре.

– Да, Джонни, вот ещё что. Корма надо на мелкую фасовку рассыпать. Роб сегодня с мелюзгой все мешки собрал и отсортировал. Поставить с утра всех мужчин, и до ленча сделают.

– Элементарно, – кивнул Джонатан. – У Молли уже заметно?

Фредди пожал плечами.

– Понятно, – Джонатан усмехнулся. – Согласен. До ленча сделаем и поставим Сэмми на фургон.

– Согласен, – слегка передразнил его Фредди. – Ну, всё, пожалуй, – и, уже выходя из комнаты, сказал торжественным тоном, как клятву дал: – А на Рождество в оттяг повеселимся!

Джонатан вздохнул и стал стелить постель. Веселиться в оттяг, конечно, неплохо, но как бы аризонских шуток всерьёз не приняли. Здесь всё-таки Алабама. А Фредди, похоже, завёлся и собирается веселиться на всю катушку. Джонатан невольно хихикнул, вспомнив, как они тогда в компании ещё с тремя ковбоями перепутали в рождественскую ночь стада, аккуратно перегнав их по кругу. Шуму было... приятно вспомнить. Стадо цело, тёлочки не пропало, но в чужом загоне, а в твоём чужое стадо. Были чёрные мохнатые галлоуэи, а теперь светло-серые гладкие хайленды, а галлоуэев и след простыл. Разобрались быстро, но ржали... полгода. И потом долго вспоминали. Но здесь... здесь не поймут. Джонатан ещё раз вздохнул и лёг. Ему тогда было где-то шестнадцать, и эта ночная скачка, угон без кражи... хорошо было!

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

От утренней лёгкой дрёмы после завтрака Рассела разбудили голоса. Он даже не сразу сообразил, откуда этот многоголосый крик и хохот, столь не свойственный обычным шумам подобных заведений. А подошёл к окну и увидел: ночью, оказывается, выпал снег, и спальники теперь убирали свою площадку, увлечённо перебрасываясь снежными комками. Было странно и даже трогательно видеть взрослых – во всяком случае, физиологически – мужчин за детской игрой. Рассел невольно рассмеялся, наблюдая за шутиливой баталией. Да, ни разу грань между игрой и дракой не нарушилась.

Он настолько увлёкся зрелищем, что не заметил, как за его спиной открылась дверь, и обернулся случайно, потянувшись за сигаретами. И оказался лицом к лицу с вошедшими. Обоих он знал. Доктор Жариков и... Северин, кажется, теперь его зовут именно так, а тогда... стоп, об этом не надо, во всяком случае, сейчас. Северин, как и тогда, в штатском, но... опять же, не надо. «О запретном не размышляй».

– Здравствуйте, Шерман.

– Добрый день, джентльмены.

Они сели за стол, и Северин открыл папку.

– Следствие по вашему делу закончено.

– Приятно слышать, – улыбнулся Рассел. – И уже вынесен приговор?

– Суда не было, следовательно, нет и приговора, – чуть-чуть насмешливо ответил Северин. – Вынесено постановление о прекращении дела и освобождении вас из-под стражи.

Рассел медленно глубоко вдохнул. Этого он никак не ждал. Готовился ко всему, но к свободе... Правда, тут же выяснилось, что свобода несколько... ограничена. Его освобождают из-под стражи, но не выписывают. Ему возвращают его вещи, кроме оружия и литературы, переводят из камеры в палату, подробности режима ему расскажет доктор.

За этим разговором он даже не заметил: кто и когда занёс и положил на кровать его вещи. Костюм, плащ, портфель, отдельно в пакете всякая мелочь из карманов и деньги. Рассел расписался на предложенном ему листе, не читая текста и не пересчитывая денег, бросил ручку и задал удививший его самого вопрос:

– И хватит мне денег на оплату больничных счетов? – и, так как доктор не скрыл удивления, пояснил: – Арестанта содержит государство, а свободный человек платит за себя сам.

Северин холодно улыбнулся.

– Эти вопросы обсудите с доктором, – сложил свои бумаги и встал. – Честь имею.

Щелчок каблуками, чёткий поворот, и они остались вдвоём. Холодная на грани пренебрежения вежливость Северина не обижала, так как была полностью обоснована. Разумеется,

зафиксированный на рабочем столе «клиент» не мог тогда видеть сидящего в углу за аппаратурой, но... Информации у Северина вполне достаточно для однозначных выводов. Тем более, что они правильны и соответствуют истине. И надо отдать должное: держится Северин безупречно. И сейчас, и на тех допросах, где уже сам спрашивал и слушал ответы. Да, уникал – во всём уникал. Но об этом тоже не надо и тем более сейчас. Что там говорит доктор?

– С вашим делом ознакомились в Комитете защиты жертв и бывших узников Империи. Комитет согласен оплатить ваше лечение.

– Что?! – потрясённо переспросил Рассел. – Но я ни в какой комитет не обращался.

– Обратился я, – спокойно сказал Жариков. – Я считаю вас жертвой. И с моими аргументами согласились, – и встал. – Идёмте, Шерман. Я провожу вас в палату.

– Мне... можно переодеться? – глухо спросил Рассел.

– Да, конечно. Я подожду вас в коридоре.

Да, разумеется, он понимает. Ему дают время прийти в себя, но... Роняя вещи, путаясь в рукавах и пуговицах, Рассел переоделся, рассовал по карманам пиджака содержимое пакета. А это что? Справка? Да, справка об освобождении. Её в бумажник, всё-таки документ. Ну вот... он оглядел камеру, да, всё-таки камеру, и вышел в коридор, неся непривычно лёгкий пустой портфель.

Ни Северина, ни конвоира, только доктор. Рассел подошёл к нему.

– Я готов.

– Всё взяли? Идёмте.

Через внутренний переход они перешли, как понял Рассел, в другой корпус. Здесь коридор был намного оживлённее. Больные в тёмно-зелёных пижамах, сёстры, врачи, посетители... И почти все здоровались с доктором. Ещё один переход, а здесь народу заметно меньше, и доктор открывает перед ним дверь.

– Заходите, Шерман. Это ваша палата.

Рассел огляделся и пожал плечами.

– Не вижу принципиальной разницы. Всё то же.

Жариков улыбнулся.

– Дверь не запирается и окно без решёток. Располагайтесь, бельё на кровати. С завтрашнего дня будете ходить в столовую и на процедуры, а сегодня привыкайте к новому месту.

И ушёл.

Рассел снова огляделся. Да, всё то же, и всё по-другому. Ну, что ж, будем устраиваться. Он поставил под вешалку портфель, повесил плащ и подошёл к окну. Милый парковый пейзаж. Снег делает его даже... изысканным. И тихо. Как же здесь тихо. И безлюдно.

Рассел отвернулся от окна, подошёл к кровати. Да, бельё, тёмно-зелёная пижама, даже шлёпанцы стоят наготове. Тумбочка у кровати, стол у стены, два стула, вешалка в углу, а костюм куда? О, даже плечики предусмотрены, именно костюмные. И отдельно для рубашки. А эта дверь куда? Санузел? Да, так и есть. Ну, будем обживать этот мир. Сколько его здесь продержат, неизвестно, а спешить ему... некуда, не к кому и незачем.

На подходе к своему кабинету Жариков увидел Леона и Алика. Оба уже переоделись, но явно ещё не успокоились и были там, в игре. Увидев Жарикова, они заулыбались.

– Здравствуйте, Иван Дормидонтович... Здравствуйте...

– Здравствуйте, – кивнул Жариков. – Как рука, Лёня?

– Полный порядок, – он несколько раз согнул и разогнул руку.

– Он может работать, – робко, но очень старательно сказал Алик по-русски. – Он сильный.

Жариков улыбнулся.

– Молодец, совсем чисто получается, – сказал он по-английски и продолжил по-русски: – Как твои дела?

– Спасибо, – Алик улыбкой извинялся за неуверенный русский. – У меня всё хорошо.

– Рад за вас.

Что ж, приходится признать правоту Андрея, его метод лечения дал блестящий результат. И, разумеется, все парни на его стороне, а Шерман теперь не под охраной. Но и до парней что-то доходит. Дети учатся жить по-взрослому.

Леон и Алик попрощались и убежали, явно не из-за боязни опоздать, а получая удовольствие, даже радость от движения. Жариков негромко рассмеялся им вслед и вошёл в свой кабинет. Через пять минут придёт Чак, надо подготовиться. До чего же жёсток и неуступчив. Рабская покорность, заискивание, приниженность только как маска. А под ней презрение и ненависть. Считается только с силой, презирает всех, кто слабее. Но и это маска, попытка самооправдания собственной жестокости. И только убедившись, что парни могут дать ему отпор, а то и просто сильнее его, изменил к ним отношение. И в то же время явно симпатизирует Андрею, далеко не самому сильному. Неужели из-за того, что Андрей джи? Но и Арчи, и Майкл, и Джо с Джимом, и ещё... Так что это уже личное. Ненавидит Старого Хозяина и его же смертельно боится. Ну, что ж, клин клином вышибают, так? Вот и попробуем сегодня клин. Чак достаточно окреп для решающего действия.

Жариков оглядел приготовленный на маленьком боковом столике инвентарь. Бумага, ручка, пепельница, зажигалка, энциклопедический словарь на английском.

В дверь осторожно постучали.

– Входите, – сказал Жариков по-английски.

Чак вошёл, плотно прикрыв за собой дверь, вежливо улыбнулся.

– Добрый день, сэр.

– Добрый день, Чак. Проходите к столу.

По дороге на своё обычное место Чак покосился на боковой стол и разложенные на нём вещи, но промолчал, ни о чём не спросил. Сел к столу. Напряжён, подобран, как перед прыжком, свежесбрит, все пуговицы аккуратно застёгнуты, волосы расчёсаны.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, сэр, очень хорошо, сэр.

– Болей больше нет?

– Нет, сэр.

Скорость последнего ответа не понравилась Жаринову.

– Вы ходите в тренажёрный зал? На гимнастику?

– Да, сэр, – и с невольной прорвавшейся хвастливой улыбкой: – У меня всё получается, сэр.

– Всё? – весело переспросил Жариков.

Лицо Чака сразу окаменело, улыбка стала жалкой.

– Рассказывайте, – мягко, но исключая отказ, сказал Жариков.

Чак судорожно вздохнул.

– Я... я не могу больше... – и совсем тихо, обречённым шёпотом: – бить не могу.

Жариков молча ждал. И Чак, зная, что всё равно расскажет, так чего тянуть, стал объяснять.

– Пока это «груша» или мешок, я всё могу. Представлю... человека, и сразу... немеет... как опять... паралич, – Чак опустил голову. – Потом проходит.

Этого Жариков не ждал и даже не предполагал. Он попросту растерялся, а Чак, не заметив этого, продолжал:

– Я... я дважды себя проверил. На руках, и ногами попробовал. И упал. Ноги отказали. Ведь... ведь не было же, ноги мне совсем не болели. А бить ими не могу. Мне... мне не жить теперь. Забывают меня.

– Никто вас не тронет, – мягко и очень убедительно сказал Жариков.

– Здесь – да, – кивнул Чак. – Вы запретили им трогать нас. Меня и Гэба. Они слушаются вас, сэр. А потом? В городе у вас власти нет. Прошу прощения, сэр, но это так.

Чак говорил тихо, но с такой силой убеждённости, что Жариков понял: не переубедить. Никаких доказательств Чак попросту не услышит. Потому что не хочет слышать. Надо менять тему. Если тропа явно тупиковая, надо свернуть и поискать другую. Или хотя бы удалиться от опасного места.

– Вы в библиотеке были, Чак?

Чак вздрогнул и поднял голову.

– Да, сэр. Мне разрешили посмотреть книги, сэр.

– Взяли что-нибудь почитать?

– Да, сэр.

Чак отвечал очень осторожно. С одной стороны, доктор, можно сказать, велел ему читать, а с другой стороны... всякое ведь может случиться, у беляка всегда найдётся за что наказать. Книга, конечно, интересная, и парни, увидев, что он хорошо читает, заужавали. Смешно даже. Но...

– Книга интересная?

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

– Вам нравится читать, Чак?

Чак неопределённо улыбнулся, не зная, как отвечать. Следующий вопрос удивил своей бессмысленностью.

– А почему раньше вы не попросили книгу или журнал?

– Приказа не было, сэр, – Чак даже плечами пожал, не понимая, как это можно не знать элементарных вещей.

– Вы делаете всё по приказу, Чак?

Чак сразу насторожился. Что, сейчас опять начнётся, что выполнение преступных приказов – преступление? Надоело уже. И ведь беляк должен понимать это, а притворяется.

– Я раб, сэр. И должен выполнять все приказы хозяина. И любого белого, сэр.

– Любой приказ?

Чак на мгновение стиснул зубы так, что на скулах вздулись желваки.

– Сэр... вы же знаете... я не могу сопротивляться... я – раб...

– Рабство отменено.

– Сэр! – выдохнул он, почти крикнул. – Сэр, вы знаете. Скажут те слова, и я – раб. Хуже раба!

– Хотите освободиться, Чак?

Чак судорожно вздохнул.

– Это... это невозможно, сэр.

– Почему вы так думаете?

– Но... – Чак беспомощно смотрел на него, – но как же иначе, сэр? Это же вечно, на всю жизнь, до смерти, сэр.

– Я повторяю. Вы хотите освободиться?

Чак сидел неподвижно, только дёргались мышцы на шее, да растопыренные пальцы царапали натянутую на коленях тёмно-зелёную байку, будто хотели сжаться в кулак и не могли.

– Что я должен делать? – наконец, с усилием выталкивая слова, спросил Чак.

– Идите к тому столу и садитесь.

Чак, как автомат, выполнил его приказ.

– Пишите. Си... ай... ти... ю... эй... ти... ай... оу... эн... Читайте про себя, что получилось.

Чак вдруг отпрянул от стола, вскочил на ноги, опрокинув стул.

– Нет! Нет, сэр, это запрещено! Нельзя, сэр! Вы же знаете, сэр... Нет... не надо...

– Надо! – жёстко ответил Жариков. – Если вы сейчас не пересилите себя, то уже никогда не сможете. Садитесь и пишите.

Помедлив, Чак поднял стул и снова сел к столу, взял ручку.

– Что писать, сэр?

– Остальные слова.

– Что?! – Чак резко обернулся к нему, забыв добавить положенное обращение.

– Остальные слова, – повторил Жариков. – Всю формулу. Вы её знаете. А я нет. Пишите сами.

Чак смотрел на него широко раскрытыми глазами. Жариков молча взял какую-то книгу, открыл наугад и погрузился в чтение. И наконец услышал тихое поскрипывание пера о бумагу. Чак писал. В кабинете установилась тяжёлая напряжённая тишина. Когда Чак отодвинул стул и встал, Жариков не поднял головы.

– Сэр... – Чак стоял у его стола, протягивая листок. – Вот, я написал, возьмите.

– Нет, – покачал головой, по-прежнему не глядя на него, Жариков. – Мне они не нужны.

– А... как же так, сэр? Это же... Что мне с этим делать, сэр?

– Сожгите, – просто сказал Жариков. – Вон зажигалка, вон пепельница.

Чак медленно осторожно шагнул к столу, и тут же обернулся.

– Сэр... прошу прощения, сэр, вы не хотите прочитать их, сэр?

– Нет.

– Но, сэр, это... это же власть. Надо мной, над Гэбом...

– Мне она не нужна.

Опустив голову, Чак отошёл. Шорох сминаемой в комок бумаги, щелчок зажигалки, потрескивание огня... Жариков поднял голову. Чак стоял и молча смотрел на огонь, на чёрный комок в пепельнице. И, когда бумага догорела, спросил, не оборачиваясь.

– А теперь что, сэр?

Жариков улыбнулся.

– Посмотрите в словаре, что означают эти слова.

Чак изумлённо обернулся к нему.

– Зачем, сэр?

– Чтобы они не имели над вами силы.

Губы Чака дрогнули в усмешке. Он понял. Сел к столу и решительно подвинул к себе словарь. Зашелестел страницами. Жариков снова занялся книгой.

– Готово, сэр, – весело сказал Чак. – Что ещё я должен сделать?

– Напишите эти слова в любом другом порядке.

– По алфавиту, сэр?

– Как хотите.

– Да, – кивнул Чак. – И тоже сжечь?

– Как хотите, – повторил Жариков.

И снова тишина. Та же и всё же другая. Чак исписал ещё два листа, скомкал их и сжёг. Тщательно – кулаком, костяшками – размял, растёр пепел в порошок. И посмотрел на Жарикова.

– Всё, сэр.

– Рад за вас, – искренне улыбнулся Жариков. – Вы уверены, что всё?

– Да, сэр.

– Тогда идите отдыхать. Придётся завтра в это же время.

Чак встал, склонил голову в полупоклоне и пошёл к двери. И уже взявшись за ручку, остановился.

– Сэр, прошу прощения, но... могу я рассказать об этом Гэбу?

– Да, но без подробностей, – Жариков твёрдо смотрел ему в глаза. – И ничего сами с ним не делайте.

– Да, сэр, я понял, сэр. Благодарю вас, – и снова полупоклон. – До свидания, сэр.

– До свидания, Чак, – кивнул Жариков.

И, когда за Чаком закрылась дверь, перевёл дыхание. Получилось! Теперь ещё сутки, много – двое, чтобы Чак сам переварил и осознал случившееся, и его можно будет вводить в адаптационную фазу. Лишь бы с Гэбом не начал экспериментировать. Изолировать на всякий случай? Хотя... Нет, Чак – не Андрей. Альтруизм ему мало свойствен. Рассказать, да, расскажет, похвастается и не больше. Жариков достал карту Чака, свои тетради и приступил к самой нудной, но необходимой составляющей – записям.

Чак быстро прошёл в свою палату. Внутри клокотала, просилась наружу дрожь. Её нельзя показать. Нельзя. Никому. Это слабость, а слабаку жить незачем. Войдя в палату, торопливо содрал с себя пижаму и лёг, накрылся одеялом. С головой. Чтобы остаться одному. Дурак, ах, какой же он дурак, тупарь, скотина безмозглая. До такой чепухи не додуматься. Что это слова, только слова, не больше. А он... да они все. Услышат и всё, зашлись, самих себя по приказу кончат. А всего-то и надо было. Написать их. И сжечь. И всё. Нет у этого больше над ним власти. И... и свободен он, по-настоящему. Трубказуб – млекопитающее, полые зубы, обитает на Южном материке, и смешной такой зверь на рисунке. Глютамин – амид глютаминовой кислоты, чепуха какая-то. Антитеза – противопоставление контрастных понятий, тоже чепуха, совсем непонятно для чего... И с каждым словом так, какое ни возьми. Чего же он боялся, трясся? Ситуация – обычное же слово, а он... Плакал, руки целовал, просил «Не надо!». А это... Нет, этих слов нет, они сгорели, он сам их сжёг и пепел размял, никому не прочитать. Нет этого, а слова... что слова, сказал и забыл...

Он плакал, дрожа, сотрясаясь всем телом, не замечая ни дрожи, ни слёз. Кто-то тронул его за плечо, мягко сдвинул одеяло с головы. Чак моргал, шурился, но слёзы текли неудержимо, мешая видеть. Кто? Доктор Иван? Зачем? Что ему нужно?

– Выпейте, Чак.

Он послушно приподнялся на локте и взял стакан.

– Это снотворное, – объяснил Жариков, не дожидаясь вопроса. – Вам надо как следует выспаться. Пейте.

Чак послушно поднёс стакан к губам. Рука так дрожала, что он бы уронил стакан, но доктор ловко поддерживает ему голову и руку. Горьковатая прохладная вода. Он жадно выпил её и снова лёг.

– Спасибо, сэр. Вы очень добры, сэр.

Кто это говорит? Зачем? Но мир уже исчезает в тёплой приятной темноте, путаются мысли, и чьи-то руки укрывают его, успокаивающе гладят по плечу. Но он уже спит.

– Вырубился, – Арчи выпрямился и поглядел на Жарикова. – Вы... усыпили его, так?

– Да, – Жариков озабоченно улыбнулся. – Ему надо долго спать. Но ты молодец, Арчи, что заметил.

Арчи польщено улыбнулся. Это он вызвал Жарикова по селектору, сказав, что Чак, похоже, не в себе.

– Я слышу, Иван Дор-ми-донт-о-вич, он зубами аж стучит. Смотрю, зову, а он с головой завернулся и не отвечает. Я его за плечо тронул, а он, – Арчи ухмыльнулся, – не брыкается. Даже не послал меня. Ну, я к селектору.

– Молодец, – повторил Жариков. – Ты один дежуришь?

– Да. Гэб тихий, этот ходячий. Мы теперь по одному. Ничего, справляемся.

– И дальше справишься?

– А чего ж нет?

Жариков задумчиво кивнул.

– Всё-таки, давай вызовем ещё одного. Кто сейчас свободен?

– Ну, кто снег убирает, кто в город пошёл, кто с ночной дрыхнет. Найду, Иван Дормидонтович, – с каждым разом у него получалось всё лучше.

– Хорошо. Если что, я у себя.

– Да, конечно.

Жариков ещё раз посмотрел на Чака. Лицо уже спокойно, тело расслаблено. Да, всё-таки реакция.

– Пусть спит. Не буди ни под каким видом.

Арчи понимающе закивал.

– А как же. Всё сделаю.

Они вышли из палаты, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– К Гэбу зайдёте, Иван Дормидонтович?

Жариков кивнул. Арчи ловко открыл перед ним дверь палаты Гэба, оставшись в коридоре. Лежавший навзничь Гэб медленно повернул голову.

– Здравствуйте, Гэб. Как вы себя чувствуете?

– Здравствуйте, сэр. Спасибо, сэр, хорошо.

Он говорил медленно, сохраняя на лице равнодушно отчуждённое выражение. Жариков переставил стул и сел так, чтобы Гэбу было удобнее смотреть на него, вернее, чтобы было неудобно отворачиваться. Если Чака переполняет ненависть к окружающему миру, то Гэба – равнодушие. Мир, люди, независимо от расы, ему глубоко безразличны. Он всё принимает, ни с чем не споря. Что бы ни творилось вокруг, он в своём мире.

– Боли беспокоят?

– Мне ничего не болит, сэр.

Жариков кивнул. Да, это стандартно. Стремление избежать отрицательного ответа, потому что белому не говорят «нет». Вошло в автоматизм.

– До Грина вы скольких хозяев сменили?

– Их было много, сэр, – и по-прежнему вялым, равнодушным тоном: – Меня часто продавали, сэр.

Жариков улыбнулся. В завуалированной форме, но поправил. Что не он хозяев менял, а его продавали. Так что не так уж глубока твоя депрессия, Гэб. И это очень уж даже не плохо.

– Расскажите мне, Гэб.

– Что? Что вы хотите услышать, сэр?

– Всё равно, – улыбнулся Жариков. – Рассказывайте, что хотите.

– О... Грине?

– Как хотите.

– Хорошо, сэр, – Гэб вздохнул и заговорил тем же ровным монотонным голосом, глядя в потолок. – Я был дворовым, сэр. Работал на огороде и в саду. Когда собирали ягоды, нам заклеивали рты. Лейкопластырем. И я нарочно давил ягоды. Они спелые, чуть сильнее сожмёшь, мажутся. Надзиратель ударил меня, и я упал. Прямо на уже собранное и много подавил. И его ногами подсёк. Так что он тоже упал. Меня выпороли. И продали. Грину. Я не знаю, зачем он тогда приехал, но он увидел меня и купил. Он не ломал меня. По-настоящему. Я его сразу признал. А потом... потом меня на тренировке сильно избили, и он не разрешил меня добить. И на Пустырь не отвёз. А мне ведь ноги повредили. Обе. А он меня оставил. Меня лечили, я долго лежал. И уже тогда я дал ему клятву. И, когда ходить начал, он меня в поездки стал брать. С собой. И там на него один полез. С ножом. Я его уделал. Насмерть. А тот белый. Меня в полицию забрали. Били сильно. И он меня опять... выкупил он меня. Я думаю, сэр, он это специально подстроил тогда. С полицией. Чтобы у меня ненависти было больше.

– Вы сейчас так думаете?

– Не знаю, – из-под маски равнодушия вдруг проступило детское бесхитростное удивление. – Нет, наверное. Нет, сэр. Когда он нас продал, и клятву нашу передал, мы все тогда поняли. Его забота была обманом, сэр. Мы были нужны ему. Вот и всё, – Гэб вдруг медленно раздвинул губы в улыбке. – Все так делают, сэр. Вы заботитесь о парнях, и теперь они работают на вас. Всё как всегда, сэр.

Жариков улыбнулся.

– Я не буду разубеждать вас, Гэб. Со временем вы поймёте разницу. Скажите, а как подбиралась десятка? Вы всегда были по десяткам?

– Смотря, сколько заказывали, сэр. До конца десятеро редко когда доходило. Он называл нас выпуском. А так... нас было много, сэр. Кто выживал, того продавали. Нас поставили тогда. Перед ним. И он сказал: «Беру всех». Я запомнил, – Гэб облизал губы.

– Хотите пить, Гэб?

– Да, сэр. Вы очень добры, сэр.

Формула благодарности была лишена даже малейшего признака чувства. Но Жарикова это не удивляло и не трогало. Разумеется, при такой системе... дрессировки любая помощь или забота понимается однозначно. Он дал Гэбу попить.

– Устали? Хотите отдохнуть?

– Как прикажете, сэр?

Жариков встал.

– Отдыхайте, Гэб.

Когда он вышел, Гэб напряжённо прислушался к удаляющимся шагам. Что-то всё-таки случилось. Чак не зашёл похвастаться, подразнить его, что руки работают. А он слышал, как Чак прошёл в свою палату. Потом туда прошёл, быстро прошёл, считай, пробежал беляк. И... и всё, потом беляк сюда заявился. Значит, допрыгался Чак. Или язык, или руки распустил, и его... Сегодня Арчи дежурит, хитрый парень. Рот до ушей, а сказать не захочет, так и не скажет. Ага, вроде идёт. Ну, попробуем.

В палату заглянул Арчи.

– Не надо чего?

Гэб повернул голову, глазами попросил подойти, улыбнулся вошедшему.

– Ну? Болит чего?

– Нет. Что с Чаком?

– А-а, – понимающе протянул Арчи. – Он спит.

Гэб недоверчиво хмыкнул.

– С чего это он?

– Проспится, придёт и сам расскажет, – ответил Арчи, умело поправляя подушку.

– Проспится? – переспросил Гэб. – Это где он напиться сумел?

Арчи недовольно сжал губы.

– Слушай, я сказал. Встанет, придёт и сам тебе всё расскажет. Если захочет.

– Ладно, – не стал спорить Гэб.

И, когда Арчи ушёл, тихо злобно выругался. Точно, допрыгался Чак, и его обработали. Током или ещё чем. И бросили отлёживаться. Чак-то с руками уже, ценность опять заимел, вот и ломают его. Под нового хозяина. Дурак Чак, всё на морде всегда написано. На силу свою всё надеется и не бережётся. Вот его и ломают. А раньше покоришься – меньше колотушек получишь. А Чак... Чака всегда ломали. Дурак.

Гэб вздохнул. Ему остаётся лежать и ждать, когда опять заработают руки. У Чака же заработали. Он-то глупить не будет. Зачем нарываться? Не всё ли равно, кому угождать, все ж беляки одинаковы. Но показывать, что ты это понимаешь, нельзя.

Он медленно перекатил по подушке голову и посмотрел в окно. На чёрных ветвях белые полоски снега. Не стоял ещё, значит, холодно. Зима. Холодный белый свет за окном. Будь

оно всё проклято, надоело ему всё. И ничего, ничего он не может изменить. Ничего. Что ему назначено, то и будет. Назначено белыми. И жизнь, и смерть. Родиться по приказу, жить по приказу и умереть по приказу. Вот и всё. А всё остальное – одни слова. Белый обман. Как снег.

Гэб закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Пока его не трогают. Пока он сам с собой, сам по себе.

Алабама

Колумбия

С наступлением холодов пошли радикулиты, застуженные суставы и мышцы. Лечебный массаж – это уже посложнее. И подороже. Но они справлялись. И деньги копились. Роб уже не так психовал из-за каждой покупки. А покупали они много. Одежда, еда... У них своё дело, им не то что в рабском, в обносках нельзя ходить: клиентов отпугнут. Значит, всё не на толкучке покупать, а в магазинах. Не в центральных, конечно, но на соседних улицах, где попроще, но всё-таки. Их уже знали и продавали им без звука. Да и платили они наличными, в долг не брали. А в Цветном только на тамошней Мейн-стрит, уж там-то... И с продуктами так же. На еде экономить нельзя. Им теперь – как всем на этой улице – каждое утро оставляли на боковом «жилом» крыльце три бутылки молока. И мясо в лавке отпускали хорошее. Крупы покупали чистую, а не сорную смесь. Хорошо!

Найджел тщательно размёл от снега обе дорожки и крылечки. Вот так. На газоне пусть себе лежит, стает – так стает, а дорожки должны быть чистыми. Вот так. И вот так.

– Найдж, готово? – это Мет зовёт. – Есть иди.

– Иду.

Найджел оглядел свою работу и пошёл по дорожке, чтобы не топтать белый газон, к дому. Когда он подходил к боковому крыльцу, его окликнули из-за изгороди:

– Добрый вечер, Найджел.

– Добрый вечер, миссис Энтони, – улыбнулся он в ответ.

– Как холодно сегодня.

– Да, мэм. Настоящая зима, мэм.

И они, ещё раз обменявшись улыбками, разошлись. Миссис Энтони первая из соседей стала здороваться с ними и разговаривать о погоде. Сложив на террасе, которую они использовали как хозяйственную кладовку, лопату и метлу, Найджел вошёл в дом. И, поднимаясь по лестнице, почувствовал, что замёрз.

Роб и Мет уже сидели за столом. Найджел прямо на кухне вымыл под краном руки, вытер кухонным полотенцем и сел на своё место.

– Что так долго? – Метьюз оглядел полные миски.

– Неужто снегу так много? – удивился Роберт.

– Или замёрз, руки не гнулись? – поддержал его Метьюз.

– Ну, так мы теперь в куртке работать не будем. Пофорсить надо.

Найджел молча слушал эти подначки и подколки. Его дразнят форсом, Роба скупостью, Мета – заботой об остальных. Всё нормально, они втроём, они вместе. Всё выдержали, смогли, насмерть друг за друга стояли. И сейчас... что ни случись, он не один. И Роб. И Мет. Их трое.

– Ты не заболел, Найдж?

В голосе Метьюза прозвучала уже настоящая тревога, и Найджел оторвался от каши.

– Нет, а что?

– А не отругиваешься, – ухмыльнулся Роберт.

Найджел улыбнулся.

– Так на правду знаешь, кто обижается? Я ж не такой, на вас не похож.

Роберт, а за ним и Метьюз с удовольствием расхохотались. Рассмеялся и Найджел.

– Ну вот, теперь, как обычно, – отсмеялся Метьюз. – А то сидишь такой тихий...

– Могу и побуянить, – предложил, поддерживая шутку, Найджел.

Они доели кашу и уже не спеша, в удовольствие, приступили ко второй кружке кофе.

– Может, конфет купим? – предложил Метьюз.

– А чем тебя сахар не устраивает? – поинтересовался Роберт. – Или деньги руки жгут?

Лучше уж из посуды чего прикупить.

– А с красивой тарелки и сорная каша вкуснее, – очень серьёзно кивнул Найджел.

– Я т-те появлю, – пообещал Роберт. – Занавески на окнах у нас всюду, по всему этажу...

– Шкаф для одежды нужен. Гардероб, – сразу сказал Метьюз.

– Четыре шкафа, – кивнул Найджел.

– Это куда столько? – сразу насторожился Роберт.

– В холл для верхнего и каждому в комнату.

– Для верхнего у нас вешалка есть.

– Доска с гвоздями?

– Ну, вешалку надо, согласен.

– И гардероб. Так у нас и будет всё на полу в тряпочках лежать?

– Гардероб один можно. Большой. Поставим в холле. Туда костюмы повесим и всё такое.

А бельё...

– Для белья комод можно. С ящиками.

– Тоже одного хватит.

– Ага! Трусы переодеть в холл будем бегать.

– А ты кого застеснялся?

– Найдж прав. Надо, чтоб в спальнях было. Холл заставим, так где тянуться будем?

– Тоже верно, – вынужденно кивнул Роберт. – Но столько сразу не потянем.

– А я ж не говорю, что сразу.

– Слушай, а если, как это, стеллаж сделать?

– Полки на стойках?

– Ну да.

– Не пойдёт. Пылиться всё будет. Нужен шкаф и комод.

– Ага. Для начала к тебе поставим. А потом и нам.

– Для начала хорошую вешалку в холл.

– А стеллажи в кладовку.

– Стеллажи мы и сами можем попробовать...

– Пробовать – это только деньги и материал переводить.

Спорили со вкусом, получая от спора удовольствие. Конечно, когда дом только строился, им бы тогда сразу договориться, чтоб сделали встроенные шкафы в спальнях. Но тогда не сообразили, так что сейчас и думать о таком нечего.

– Большой шкаф по лестнице и не влезет. Вспомни, как доски для топчанов затаскивали.

– Ага, так это ж мы. А стол этот занесли же нам.

– Так он меньше шкафа.

– Если у каждого свой шкаф, так большие тоже не нужны.

– Подумать надо, – закончил спор Роб и встал, собирая кружки.

– Думай, – согласился Найджел. – До Рождества всё дешевле.

– Да, распродажи же сейчас.

– Мебели на распродажах нет, – возразил Роберт.

Он быстро вымыл миски и кружки, расставил их на проволочной сушке над раковиной и вытер руки.

- Ну, а сейчас что?
- Уроки ещё делать, – напомнил Найджел, протирая стол. – Завтра в школу идти.
- Потянемся и за уроки, – решил Роберт. – Найдж, ты дверь запер?
- А то!
- Ну, смотри.

Они вышли в холл, быстро проверили, достаточно ли надёжно шторы закрывают окна. Ткань подбирали плотную и, повесив, специально проверяли, бегали на улицу смотреть: не просвечивают ли. Получилось удачно. И видно, что дом жилой, и разглядеть что-либо невозможно. Так что всё в порядке и никаких тревог. Они разделись и начали тянуться. Холл достаточно просторен для троих. Конечно, не как в русском госпитале, там целый зал, настоящий. Но им и холла хватает. И по одному, и вдвоём, и втроём.

Роберт помнил, что он старше и тяжелее, и работал очень аккуратно, особенно в паре с Найджелом.

Потянувшись вволю, пошли в ванную, смыть пот и усталость. Ванную им сделали просторную, с душем на три рожка и большим зеркалом. Самой ванной они пользовались редко. Оно, конечно, полежать в тёплой воде приятно, но всегда чего-то некогда, и к тому же душ привычней.

- Роб, ванну или душ?
- Про уроки забыл?
- Арифметика завтра. Ты что, не сосчитаешь?
- А с английским как? И ещё эта, география.
- Слушайте, парни, курсы русского открыли!
- Ты сначала по-английски научись. А то написал диктант. Слова без ошибки не было, а на русский замахваешься.

Найджел кивнул. Конечно, братья правы. Им бы с этой школой справиться. Но вот она... она ходит на курсы русского. Сама об этом сказала, он слышал. Но вот ни Робу, ни Мету он не может о ней ни слова. О ней он сам с собой молчит. Слишком это... непривычно. Он же джи, а она улыбается ему и вообще... Нет, когда-нибудь он расскажет братьям, но не сейчас, а потом. И ещё. Школа бесплатная, а курсы платные. На курсы Роб денег не даст. И будет прав. Это уже баловство. Хватит того, что он каждую субботу на танцы ходит. Роб и Мет, правда, тоже, но редко.

Для дома, чтобы вот так посидеть после душа и не нагишом, они купили пижамы. Штаны как рабские, на резинке, а рубашка на пуговицах. Удобно. Беляки в таких спят. Но у них-то тепло, есть простыни, а нагишом спать куда удобнее. А просто посидеть вечером – это то, что надо. А на ноги шлёпанцы. Совсем хорошо.

Уроки они делали на кухне, где каждый мог сесть, разложить свои тетради и книги. Большой письменный стол в холле был их конторой, офисом, как шутил Роберт, а на кухне удобнее. В холле погасили свет, чтобы лишнего не нагорало, и сдвинули занавески. Утром встанешь, выйдешь в светлый холл... Хорошо!

- Найдж, про английский не забудь.
- Я арифметику сначала.
- А потом скажешь, что устал, и опять будешь глазами на уроке хлопать.
- Оставь его, Мет. Охота ему дураком выглядеть – его проблема.
- И то правда.

Найджел промолчал и раскрыл учебник. Ну, почему всё такое простое и понятное, когда говоришь, становится сложным и непонятным, когда пишешь? Кто только всё это напридумывал? Ну, как нарочно намудрил.

Роберт читал географию, придерживая пальцем строку. Метьюз решал арифметику, аккуратно выписывая цифры. Конечно, можно было записаться на первую ступень. Только

читать, немного писать и считать. И всё. За пару месяцев можно уложиться. Ходишь, пока не научишься. Но они пошли на полный трёхлетний курс. Чтобы иметь документ. Сначала ходили по очереди, а теперь завелись, втроём ходят, пропускают, конечно, но только тогда, когда совсем иначе не получается. Они ведь не по найму, где отпахал положенное время и гори там всё синим огнём. Своё дело и времени, и затрат требует. За тебя никто о твоём бизнесе заботиться не будет.

Найджел дописал фразу и стал проверять, сверяя написанное со словарём. Конечно, их здорово выручало то, что считать ещё в питомнике выучились, только с умножением проблемы, а в английском помогала зрительная память. Надо три раза написать слово правильно, ну, если трудное, то строчку, много две, и всё. Больше не путаются. Метьюз закончил решать задачи, отодвинул тетрадь по арифметике.

– Найдж, английский нужен?

– Нет, я со словарём, – ответил Найджел, не поднимая головы.

Метьюз подтянул к себе учебник и стал писать. Роберт, положив обе ладони на раскрытый учебник, поднял к потолку глаза и повторял прочитанное, беззвучно шевеля губами.

В кухне тепло, приятно пахнет кофе. За окнами шумит в деревьях ветер. Зима, холодно, а их это уже не касается. У них есть дом, работа. И самое главное – они не одни, их трое. Они – семья. Они не говорили об этом, не вспоминали, но помнили...

...В тёмной вонючей трубе они сидели долго. Задыхаясь от вони, дрожа от холода, теряя сознание и приходя в себя. И наконец один из них прохрипел:

– Не могу. Выползаем.

Извиваясь, обдираясь о шершавые стенки, вылезли. Грязные, перепачканные... Было уже темно. Распределитель догорал, повсюду валялись трупы. Не сговариваясь, даже ни о чём не спросив друг друга, они молча ушли, убежали. А потом долго брели, сгибаясь под холодным сырым ветром. И один из них упал. Двое подняли его и повели, поддерживая с двух сторон. И даже не поняли, не заметили тогда, что нарушили вбитую с питомника заповедь: не помогать, не трогать другого без приказа. И потом, когда они лежали в каком-то сарае, прижавшись друг к другу, даже не посмотрев: элы или джи... Имена они взяли себе гораздо позже, уже перегорев. А тогда Роберт был просто Чёрным или Большим, Метьюз Серым – обычное прозвище мулатов, а Найджел – Младшим, Мальцом. А вот когда набрали на то пустое, но не разрушенное имение, нашли кладовку и, скинув тонкую изорванную паласную форму, натянули простые рабские штаны и рубахи, подобрали сапоги, куртки, шапки, даже портянки... Да, здесь тоже всё было раскидано, поломано, загажено, но их-то всего трое, так что им хватило. И нашли никем до них не замеченную чуть-чуть только погрызенную с угла мышами буханку рабского хлеба и собрали с пола немного крупы, смогли найти спички и развести в камине, в разгромленной гостиной огонь и сели перед ним, жуя хлеб и крупу и медленно согреваясь. Вот тогда посмотрели друг на друга и увидели. Что Малец джи, а Большой и Серый – элы... И не убили джи, хотя их двое, и они старше. Но Найджел помнил, как, поймав на себе внимательный взгляд Большого, понял, что узран, и обречённо сжался в комок, ожидая удара. И как после долгого, очень долгого молчания Серый сказал:

– Не дрожи, Малец. Мы вместе.

Он поднял глаза и увидел, что Серый протягивает ему руку. И ответным жестом подал свою. И, когда они переплели пальцы, в их рукопожатие вплелись пальцы Большого. И они стали вместе, втроём. И Метьюз помнил, как шатаясь и вскрикивая от боли, Малец выходил из сарая, где они отлёживались в горячке, приносил в пригоршнях снег и стаивал его им в горящие высушенные горячкой рты, ему и Большому. Как потом Малец лежал неподвижно в «чёрном тумане», ко всему безучастный, а они зажимали его с двух сторон, согревая своим теплом. Им повезло. Что в «чёрный туман» по одному уходили и потому смогли отогревать друг друга по очереди. А то бы так и замёрзли...

...Найджел тщательно переписал слова с ошибками и решительно отобрал у Роба учебник географии.

– Ты уже наизусть всё выучил. Давай английский.

Роберт помотал головой, словно просыпаясь.

– Ладно. Мет, закончил?

– Возьми арифметику, – буркнул, не поднимая головы, Метьюз.

Роб кивнул. Когда все делают одно и то же, то так и получается. То помогаем, то мешаем. Но глупо покупать три комплекта учебников, когда учатся в одном классе. Тетради – дело другое. Вот школа хоть и бесплатная, а всё равно расходы. Тетради, учебники, карты, ручки с карандашами, даже одежда, чтобы ходить на занятия. Но и оставаться неграмотными нельзя. Они же не грузчики с товарной станции и не пастухи, им мало уметь расписаться и прочитывать название улицы. Это-то понятно.

– Роб, очнись.

– Я не сплю. Сделал, Мет?

– Сейчас. Держи. Найдж, дай географию.

– Подожди. Я не дочитал. Возьми пока словарь.

– Кофе поставлю. Глотнём ещё на ночь.

– Ага, Мет. Спасибо.

К шуму ветра за стёклами и шелесту страниц прибавилось уютное сопение кофейника. Они читали, писали, передавали друг другу книги. Найджел дописал арифметику и собрал тетради, свои и братьев. Метьюз дочитывал географию. А Найджел с Робертом поставили кружки и разлили кофе. Метьюз захлопнул книгу и встал, собрал книги и тетради в одну стопку.

– Я сейчас.

– Давай, а то стынет.

Тетради и учебники они держали в одном из нижних ящиков письменного стола. Пока помещаются, а дальше видно будет. Потом пили кофе, обсуждая, что завтра в школу пойдут втроём, а... да нет, ничего такого у них пока нет.

– А уголь?

– А чего уголь, уголь есть. До февраля хватит.

Как всегда, перед тем, как лечь спать, Роберт обошёл дом, спустился в подвал, проверил все запоры. Он любил эти минуты, чувство... собственности. Это его дом. Наверху спят его братья. Не будь их, и жить бы было незачем. Он и из «чёрного тумана» встал только потому, что они рядом были. Потому что понял: не встанет он, так они замёрзнут рядом, но не бросят его, не уйдут. И встал. Их шатало от голода, по-настоящему ветром шатало, но они были втроём, заодно. И смогли добыть еду, а потом и работу.

Когда Роберт поднялся наверх, всюду уже было тихо и темно. Не включая света, он прошёл на кухню, быстро проверил краны, плиту. А то мало ли... И уже спокойно пошёл спать.

Найджел услышал, как лёг Роберт, и успокоено вытянулся под одеялом. Всё в порядке, можно спать.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Мерно стучат колёса, привычно дрожит под ногами пол. В вагоне сразу и холодно, и душно. Окна сильно запотели, и только по тому, что из синих они становятся серыми, можно догадаться о наступлении дня. Жёсткие скамьи с высокими – сидишь и лопатками упираешься – спинками перегораживают вагон, оставляя узкий проход посередине. На скамьях тесно, люди сидят вплотную друг к другу. И так ехать три часа. Но другого поезда на Загорье нет. Так объясняли в ижорском Комитете, и, судя по набитому битком поезду, так оно и есть. Но ничего, совсем немного осталось.

Эркин покачивается в такт толчкам и рывкам, не открывая глаз и чутко прислушиваясь к окружающему, готовый в любой момент встать на защиту Жени, Алисы и их вещей. Эти дни от Иванькова до Ижорска достались ему нелегко. В Иваньково они приехали рано, к тому же в воскресенье, а поезд на Ижорск вечером. Вот так и получалось, что две ночи в поезде. Талоны в столовую им дали, вещи они сдали в камеру хранения, но погулять не пришлось: холодно. Женя с Алисой остались в Комитете, а он пошёл искать себе шапку. Воскресенье, магазины не работают, на привокзальной толкучке – Эркин уже запомнил это слово – шапок не было. Красноносый уже пьяный небритый старик предлагал ему за опохмелку свою облезлую развалюху. Но Эркин боялся вшей: подцепить легко, а вывести трудно – и отправился на поиски рынка. Пока нашёл, уши так замёрзли, что пожалел об отказе от покупки в Новозыбкове вязаной. На рынке шапки были. И вязаные, но дороже, чем в Новозыбкове, и ушанки. Эркина пошпыняли немного, что, дескать, плохой он охотник, раз шапку покупает. Но шпыняли необидно и явно только для смеха, он и смолчал. Выбрал ту, что подешевле, но крепкую, малоношеную, осмотрел, проверяя, надел и расплатился. Меха совсем почти не вытерт, только на затылке, где сгиб, маленькая пролысинка, но это мех такой, непрочный, сказали ему, кролик, цигейка лучше. Были там и цигейковые, но намного дороже, да и что это за такой зверь – цигейка – непонятно и потому лучше не рисковать. А к пышным рыжим и серым из лисьего и волчьего меха он и прицениваться не стал. Тут и дураку с первого взгляда всё ясно. Он ещё немного походил, поглазел, запоминая цены. В тёплой шапке и варежках и по снежку пройти неплохо. И обратно шёл было не спеша, пока вдруг не сообразил: Женя-то волнуется, он же сказал, что у вокзала себе шапку посмотрит, а сам-то... и рванул бегом. Прибежал – Жени с Алисой нет. Пометался тогда, совсем голову потерял, а они в читальне комитетской сидели. И потом... не одно, так другое. Суета, путаница, холод и духота. В поезде им дали опять два места, но оказались боковые, а вагон был пьяным и шумным. Когда очередной загулявший уж очень нахально споткнулся, едва не упав на уже лежавшую Женю, Эркин не выдержал. Спрыгнул с полки и взял того за грудки.

– Шатает тебя, да?!

Тот забазарил, что он кровь проливал, а всякие отсиживались, а теперь чего-то там смеют... До серьёзной драки не дошло, но всё равно... Хорошо ещё, что после первой же большой станции – Ставрово, вроде бы – народу стало поменьше, и удалось, договорившись с проводником, перебраться с боковых в отсек к двум пожилым женщинам. Убедившись, что здесь никто Женю не обидит, Эркин залез на верхнюю полку и заснул. Ту-то ночь он не спал, так и

просидел, в ногах у Жени, оберегая от шляющихся мимо взад-вперёд гуляк. Вторая ночь стала чуть поспокойней. Вагон хоть и гулял по-прежнему, но их не беспокоили. А потом проводник привёл в их отсек перепуганную и какую-то взъерошенную девчонку лет семнадцати. Меняться с ней местами Эркин не стал, а уступил свою полку и сел опять в ногах у Жени. Затылком упёрся в стену, ноги вытянул, перегораживая ими проход, и так продремал до утра. И сам не выспался, и Жене было неудобно. А в Ижорске было то же, что и в Иванькове. С вещами в Комитет, отметили маршрутный лист, поели по талону в вокзальной столовой и стали ждать поезда. Ну вот, три часа осталось, или сколько они уже едут?

Эркин вздохнул и осторожно подвинул ноги, меняя позу. Женя сидит у окна, рядом с ней Алиса, а дальше он. И на краешке их скамьи примостился паренёк в ватной куртке – здесь такие называют телогрейкой – облезлой ушанке и разбитых растоптанных валенках. Ровный гул голосов вдруг прорезал надрывный плачущий крик:

– Братцы и сестрички! Помогите калеке! Кто чем может, Христа ради, пожалуйста, братцы, помилосердствуйте!..

Кричали с привычным равнодушием, но Эркин всё-таки приоткрыл глаза. Высокий из-за костылей, одноногий мужчина пробирался по проходу, запрокинув голову с обожжённым лицом и слезящимися щёлками вместо глаз. Перед ним шёл мальчишка, потряхивая шапку с мелочью и что-то неразборчиво подвывая. Сидящий рядом с Эркином парень буркнул:

– Бог подаст.

Но Эркин встретился глазами с Женей и полез в карман. Больше... гривенника, как он и раньше заметил, никто не подавал, и потому бросил мальчишке в шапку пять копеек.

– Дай тебе Бог, чего сам хочешь, – кивнул нищий, проходя за поводырём.

Парень искоса посмотрел на Эркина.

– Грехи откупаешь?

– Чего? – не понял Эркин.

– Нищему подать, как грех откупить, – парень ловко сплюнул в проход. – Не люблю я их. Попрошайки, сволочи.

– Ты его не сволочи, – сразу отозвалась сидящая напротив женщина, круглая от намотанных поверх телогрейки платков. – Он увечный, его пожалеть надо.

– Меня не жалели, и я не жалею, – огрызнулся парень.

– А тебя-то чего жалеть, бугая? – подала голос старуха у окна.

Сухая и какая-то сплюснутая, она сидела, широко расставив ноги, между которыми громоздился большой – до колен ей – узел.

– Заткнись, старая, не встревай.

– Сопли утри, молод ещё мне указывать. А ты, милоч, его не слушай. Нищему подать – душу спасти.

Эркин понял, что последние фразы обращены уже к нему, но ответить не успел.

– Вот сама бы, жлобина, и подавала бы, – прогудел сзади мощный бас, обдав щёку и ухо Эркина горячим перегаром. – А то много вас, халявщиц. Свою душу за чужие деньги спасать.

– Сам-то... – не осталась в долгу старуха, лихо завернув крепкое ругательство.

Женя крепче прижала к себе внимательно наблюдавшую за всем Алису, а вокруг дружно заржали.

Ай да бабка! – восхитился кто-то у другого окна. – С такой любовь закрутить, да в одно удовольствие!

– Я т-те такую любовь щас!.. – взвизгнула старуха.

– Да у них, бугаёв неложных, одно на уме! – дружно поддержали её женщины.

Шум разрастался, уходя от их скамьи хохотом и руганью.

– Эх, бабка-бабка, – парень рядом с Эркином покачал головой. – О душе говоришь, а сама... хоть бы ребёнка постыдилась.

– А чего? – старуха подняла руки, поправляя платок. – Нонешние они сами... – посмотрела на Алису и Женю, улыбнулась. – Ничего. Издалека едете-то?

– Из Алабамы, – ответила Женя.

– Ох ты! – в один голос выдохнули старуха и женщина, сидящая напротив Эркина. – Из угнанных, что ли?

– Да, – кивнула Женя.

– А чего ж не к себе, а к нам?

– Не осталось там никого, – Женя вздохнула. – А на пепелище ехать – только душу травить.

– И то верно, – кивнула старуха и пытливо искоса посмотрела на Эркина. – И совсем, что ли, родни нет?

– Совсем, – ответила Женя.

– Да уж, – вздохнула женщина в платке. – Покрошила война народу... страсть. Сколько их полегло, царство им небесное, – и медленно, плотно вжимая пальцы, перекрестилась.

– А ты, – парень уже открыто смотрел на Эркина, – тоже из этой Алабамы, что ли?

– Да, – разжал губы Эркин.

– Это как же тебя туда занесло? – удивился парень.

– Родился там, – усмехнулся Эркин.

– Угораздило же тебя, касатик, – старуха покачала головой.

– Говорят, плохо вам, ну, индейам, там приходилось, – продолжил разговор парень.

– Плохо, – кивнул Эркин.

Он уже знал, что здесь мало кто представляет себе жизнь рабов. Да что там, если Фредди ничего не знал. И, как всегда, вспомнив о Фредди, недовольно нахмурился. Злился он на себя, что не может с памятью своей совладать, но поняли его по-другому.

– Ну и чего ты лезешь? – укоризненно сказала парню женщина напротив Эркина. – Было б хорошо, так не уехал бы.

– Да уж, – кивнула другая, до сих пор молчавшая, тоже в платке и в толстом тёмном пальто. – От хорошей жизни в наши снега не поедут. Там-то, в Алабаме, тепло и, говорят, зимы не бывает.

– Зима бывает, – улыбнулась Женя. – Но без снега. Выпадет когда, то день, два полежит и стает.

Собеседницы дружно поддержали тему и заговорили уже между собой.

– Это ж сырость одна.

– Да уж, гнилая зима, хуже нет.

– Холодно, да сухо, ещё проживёшь, а гниль эта...

– Мне мой так и писал, гниём, дескать.

– А теперь как?

– А теперь... не просыхает.

Женя молча слушала, по-прежнему прижимая к себе Алису. Господи, скорей бы это кончилось. Лишь бы Эркин не сорвался. Он ведь горячий, взрывной. В поезде тогда так вцепился в того дурака, она даже испугалась, никогда таким Эркина не видела, как бешеный стал. Но это от неустроенности, в Джексонвилле он уверен в себе был, а сейчас нервничает. Скорей бы уж.

Эркин улыбнулся Жене и прикрыл глаза, будто дремлет. Холодно как, а говорят, что зима в этом году тёплая. Куда же он Женю затащил, зачем согласился на Загорье? Перекрутился бы он и в Пограничье, так нет, захотелось подальше, поспокойней, и вот...

Поезд шёл, останавливался, снова шёл, хлопали двери, впуская людей и облака морозного пара, окна всё плотнее затягивала ледяная корочка, под потолком колыхалась сизая пелена табачного дыма, люди уже стояли в проходе и даже между скамьями.

– Ну вот, – сказал кто-то, – последний перегон.

- Да уж, пора бы...
- По графику если...
- Да пошёл ты со своим графиком... Город, город, а как ходили тут «кукушка» с «зябликом», так и ходят.
- Дык война...
- Я ща тебе дыкну! Год победе уже, а всё война, война-а!.. Мозгов у начальства нет, вторую колею протянуть!
- Ладно вам, мужики.
- Не ладно! Мыслимое ли дело три часа тащиться?! А морозы завернут когда...
- Заткнись, а? Как завернут, так и развернутся. Впервой, что ли?

Эркин, слыша, но не вслушиваясь в этот общий говор, осторожно, чтобы не привлечь внимания, напряг и распустил мышцы, готовясь встать и собирать вещи. Вот чёрт, суставы, как после «пузырчатки» застыли. Вокруг многие вставали, снимая с полок над окнами мешки и узлы, перевязанные верёвками обшарпанные чемоданы. Но были и те, кто без вещей. Ну, вот и потянулись в тамбур, прессуясь там в плотную массу. Эркин подождал, пока встали и вышли в центральный проход сидевшие напротив, и встал сам. Вытащил из-под скамейки тюк, узел и ящик, снял с полки мешки. Женя поправила на Алисе вязаную шапочку, обвязала сверху своей белой шалью.

- А дядя Андрей уже здесь? – вдруг спросила Алиса.
- У Эркина дрогнули руки, и он выронил большой мешок.
- С чего это ты его вспомнила? – спросила Женя.
- А он меня так же обвязывал, – ответила Алиса, послушно поворачиваясь под руками Жени.
- Он нас здесь ждёт, да?

– Не здесь, – ответил Эркин, вскидывая на спину мешок. – Женя, готова? Пошли.

Они вышли из вагона последними. Сыпала мелкая белая крупа, снег скрипел под ногами, засыпанный снегом мужчина в чёрной милицейской форме сказал, что Комитет на той стороне вокзальной площади.

- Давай всё на хранение опять сдадим, – предложила Женя. – Чтоб не таскаться с ними.
- Эркин согласился.

Нашли камеру хранения, сдали все вещи, даже маленький мешок с самым расхожим, и пошли в Комитет.

В Загорье Комитет защиты узников и жертв Империи работал в одном помещении с беженским. Большая комната, заставленная письменными столами, стульями, шкафами, открытыми с бумагами, и глухими, а один даже металлический, на подоконниках кипят сразу два электрочайника, женщины в накинутах на плечи платках, двое мужчин в военной форме без погон...

Эркин вошёл первым, не так возглавляя, как закрывая собой Женю и Алису. И встретили их от порога вопросами.

- Репатрианты? Транзит или конечная?
- Конечная, – ответил Эркин, доставая маршрутный лист.
- Сюда, пожалуйста.

У него взяли маршрутный лист, отметили в регистрационной книге и убрали в папку.

- А теперь ко мне, пожалуйста, – позвали их к другому столу. – Здравствуйте, садитесь.

Немолодая женщина с выбивавшимися из узла на затылке рыжевато-седыми прядями прямых волос улыбнулась им. Перед её столом стояли два стула. Женя и Эркин сели, а Алиса осталась стоять, с интересом оглядываясь.

- С чего начнём? С жилья, с работы?

– С работы, – сказал Эркин и на вопросительный взгляд Жени, ведь говорили о жилье, объяснил: – Работы не будет, как жить тогда?

– Правильно, – кивнула женщина. – На вас есть заявка?

– Да, – Женя достала из сумочки пакет с документами и вытащила нужный листок. – Вот. На экспериментальный механический.

– Да, – женщина быстро даже не просмотрела, а схватила одним взглядом текст. – Понятно. Толя, позвони, они подтверждают заявку?

– Номер какой? – спросил один из мужчин, берясь за телефон на своём столе.

– Посмотри, – женщина ловко перебросила ему лист заявки. – А пока посмотрим всё-таки жильё. Вам нужен дом или квартира?

– Квартира, – сразу сказал Женя. – Но... со всеми удобствами. Если можно, конечно.

– Отчего ж нельзя? – улыбнулась женщина. – Есть такая возможность.

– Это «корабль» что ли? – спросили от другого стола.

– Корабль? – с сомнением в голосе переспросила Женя.

– Это дом так прозвали, – успокоила её женщина. – Хороший современный дом, центральное отопление, водопровод, канализация, газ... всё есть. Вам какая нужна? На сколько комнат?

Женя не успела ответить: её перебил звонивший на завод мужчина.

– Заявку они подтверждают, места есть, но зайти надо сегодня же.

– Отдел кадров до шести. Успеете, – кивнула женщина. – Так сколько комнат?

– Четыре, – неуверенно сказала Женя. – Ну, кухня...

– Речь идёт только о жилых комнатах. Вас трое, четыре комнаты в пределах нормы, – остановила её женщина, сняла трубку на своём телефоне и быстро набрала номер. – Ванеев? Здравствуй, это Королёва. Ну и молодец, что узнал. Приехала ещё семья. Направляю их к тебе. Их трое, – она посмотрела на Женю и, когда та кивнула, продолжила: – Нужна четырёхкомнатная. Ну, это ты сам решай с ними. И попусту взад-вперёд не гоняй. Ладно, ладно, знаю я твои и ресурсы, и резервы. И это я знаю. Ладно, Ванеев, пока, – положила трубку и улыбнулась. – Ну вот. Сейчас идите на Цветочную, дом тридцать один. Найдёте коменданта. Леонид Алексеевич Ванеев. Обычно он у себя, в четвёртой. И сегодня же, как решите с жильём, на завод. Как всё оформите, придёте сюда.

– Спасибо, – встала Женя, и сразу встал Эркин. – Спасибо, до свидания.

– До свиданья, – эхом повторила за ней Алиса.

– Спасибо, до свиданья, – попрощался и Эркин.

Когда за ними закрылась дверь, сидевшая в углу Капитолина рассмеялась.

– Ты смотри, какого красавца захомотала! По струночке у неё ходит.

– Она и сама очень даже, – засмеялся Анатолий. – И весьма.

– Ну, кто там кого хомутал, пусть сами и разбираются, – покачала головой Королёва. – Ты, Толя, поаккуратнее. Индейцы шутки плохо понимают.

– А уж этот если двинет, – засмеялся Алексей, – так упадёшь и только на Страшном Суде и встанешь.

Посмеялись и вернулись к работе.

На улице Эркин и Женя перевели дыхание, переглянулись и отправились на поиски дома со странным прозвищем.

Как пройти на Цветочную улицу им объяснил первый же встречный. Идти вроде бы недалеко, но Цветочная там только начиналась и оказалась очень длинной. Снег всё сыпал и сыпал. Эркин взял Алису на руки и пошёл впереди, протаптывая для Жени тропинку. Её черевички, которым она так радовалась, хороши для алабамской зимы, а здесь... На двадцатом доме Цветочная кончилась. Дальше высились заснеженные деревья, и между ними извивалась заносимая снегом тропинка. Эркин растерянно оглянулся на Женю.

– Надсмеялись над нами, да? – вырвалось у него.

– Подожди, сейчас спрошу.

Женя побежала к появившемуся из-за деревьев мужчине.

– Скажите, пожалуйста, где здесь Цветочная тридцать один?

– Это «Беженский корабль», что ли?

– Ну да, – обрадовалась Женя.

– А по тропке не сворачивая, – махнул рукой мужчина, показывая на деревья. – А там за оврагом увидите. Он один такой.

– Спасибо большое.

Женя бегом вернулась к Эркину.

– Ну, пойдём. Эркин, что с тобой?

– Нет, – Эркин мотнул головой, сглотнул колющий, ставший вдруг в горле комок. – Ничего, я в порядке. Пошли.

За Оврагом... Дом за Оврагом... Зачем тут, в России, Овраг? Здесь же не было рабов, здесь всех хоронили в могилах, на кладбище, как говорили в поезде, да, на погосте. Зачем же Овраг?

Ветра среди деревьев совсем не чувствовалось. Алиса, удобно сидя на руках у Эркина, вертела головой, разглядывая белые деревья. У них даже кора была белой!

– Мама, Эрик! Они заколдованы, да?

– Нет, – засмеялась Женя. – Это берёзы.

Стволы сливались со снегом, и потому казалось, что их очень много. И кончились они внезапно. А дальше... Дальше овраг, а за ним тоже белый большой дом, с шестиэтажной башней посередине, от которой расходились два трёхэтажных длинных крыла, так же заканчивающихся башнями.

– Как красиво, – вздохнула Женя. – В самом деле, похоже на корабль, правда?

Эркин недоверчиво кивнул. Красиво оно, конечно, и красиво, но как им через овраг перебраться? Тропинка тянулась по краю обрыва, и они пошли по ней. Шли долго, и дом словно поворачивался перед ними, будто и впрямь плыл. Наконец тропинка нырнула вниз. Эркин критически оглядел спуск и решил:

– Женя, ты подожди здесь, я быстро.

И стал спускаться, вернее, заскользил, взрывая сапогами снег. Алиса восторженно завизжала.

Летом, видимо, по дну оврага протекал ручеек. Из-под снега выступало несколько камней поперёк оврага. Эркин перешёл по ним: ему послышалось журчание под снегом, а промочить ноги совсем не хотелось. И стал подниматься по другому склону. Под снегом прощупывались то ли ступени, то ли камни, и выбрался он легко. Поставил Алису на землю.

– Стой здесь.

– Ты сейчас маму принесёшь? – уточнила Алиса и радостно закричала: – Мама! Сейчас тебя принесут!

Женя засмеялась, но тут же строго крикнула:

– Не говори на морозе, простудишься!

Эркин снова, уже уверенно, спустился в овраг, перешёл по камням, поднялся наверх, протаптывая разрушенные им при первом спуске снежные ступеньки. Женя думала, что он просто поможет ей: подаст руку, поддержит. А он и в самом деле взял её на руки и понёс. Алиса в полном восторге визжала, прыгая на месте, смеялась Женя, улыбался, лучась счастьем, Эркин. Смеялась и женщина, подошедшая к оврагу с той стороны. Тропинка узкая, и она ждала, пока Эркин поднимается со своей ношей. И, когда Эркин выбрался, поставил Женю на ноги, а она, всё ещё смеясь, поцеловала его и поправила ему сбившуюся ушанку, женщина сказала:

– Ну, счастья вам, совет да любовь.

– Спасибо, – улыбнулась ей Женя. – А вы из этого дома?

– Ну да. Все мы тут корабельные, – она стала спускаться и уже снизу крикнула: – Идите, он у себя, в четвёртой.

– Комендант? – уточнила Женя.

– А кто ж ещё.

– Спасибо, – повторила Женя.

Эркин снова взял Алису на руки, оглянулся на Женю и пошёл по тропинке к дому. Двойная переправа разогрела его, а от одного сознания, что он нёс Женю и Женя не отстранялась, у него даже сил прибавилось. Он шёл, слышал за спиной шаги Жени, и белый дом вздымался перед ним всё выше и выше.

Тропинка кончилась. Разметённый снег, светло-серый асфальт вокруг дома. Разметавший снег дворник поздравил с приездом и сказал, что четвёртая квартира в первом подъезде, в крайней башне, это налево и вдоль дома до конца.

Эркин открыл тяжёлую дверь, придержал её, пропуская Женю, и тогда уже вошёл сам. Толстая дверь глухо из-за войлочной прокладки хлопнула за его спиной. Эркин поставил Алису на пол, и она сразу ухватила его и Женю за руки. Пол, выложенный в клетку чёрно-белой плиткой, чист и немного влажен. Внутреннее крыльцо в пять ступенек, четыре двери и лестница наверх. Вот и четвёртый номер. Женя медленно подняла руку и нажала кнопку звонка.

– Входите, – донеслось из-за двери. – Открыто.

Эркин открыл дверь.

Маленький пустой холл и открытая дверь в другую комнату, похожую на обычную канцелярию. За столом напротив двери мужчина в военной форме без погон. Он что-то писал, как-то странно пригнувшись, и только, когда он выпрямился и жестом показал на стулья у стола, Эркин понял, что было странного. Мужчина однорукий.

– Здравствуйте, – сказала Женя. – Мы... Нам в Комитете сказали, что мы должны зайти к вам.

– Мне звонили, – кивнул комендант. – Здравствуйте, садитесь.

Когда они сели, комендант достал из стола большую толстую книгу, на которой Женя успела прочитать наклейку. «Учёт фонда».

– Значит, четырёхкомнатную вам?

– Да, Леонид Алексеевич, – кивнула Женя.

Он быстро, внимательно посмотрел на неё, на Эркина, скользнул взглядом по стоявшей рядом с Эркином Алисе.

– Ну, что ж, как хотите. Надолго думаете к нам?

– Хочется навсегда, – тихо и очень спокойно сказал Эркин.

И снова внимательный взгляд.

– Не любишь кочевья?

Эркин повёл плечом.

– В кочевье дома нет.

– Из оседлых, значит, – кивнул комендант. – С родней не поладил? Или с вождём?

Женя встревоженно посмотрела на Эркина. Тот успокаивающе улыбнулся ей и твёрдо ответил:

– Я не знаю своего племени.

– Бывает, – кивнул комендант. – Ну, четырёхкомнатная есть. Но... ремонт там нужен.

– Большой ремонт? – осторожно спросила Женя.

– Идёмте, сами посмотрите.

Комендант убрал в стол книгу и встал, подошёл к стене, где висел разгороженный на ячейки большой ящик, похожий на тот, что Эркин видел в Бифпите в гостинице, достал связку ключей и повторил:

– Идёмте.

И, не оглядываясь, пошёл вперёд. Он не оделся, значит, что, на улицу они не выйдут? Да, выведя их из квартиры и захлопнув дверь, комендант стал подниматься по лестнице. Эркин с Женей и Алисой молча шли за ним. Поднялись на второй этаж и свернули с площадки в длинный коридор без окон. Лампы под потолком. Двери с номерами. «На гостиницу похоже», – опять подумал Эркин. Но двери не совсем одинаковые. Перед некоторыми лежат цветные коврики, а у этой красивая фигурная ручка... Комендант остановился так резко, что они едва не налетели на него. Эта? Комендант отпирает дверь, толкает её плечом...

Квартира была большая и гулкая. Эркин даже не понял сразу, о каком ремонте говорил комендант. Женя жадно оглядывалась. Комендант водил их по квартире, щёлкая выключателями, открывая и закрывая двери. Холл – его назвали прихожей, кухня, ванная уборная, комната, комната, большая комната, а из неё в ещё одну комнату, обратно в холл, тьфу, в прихожую, а это... это кладовка, она без окон... кухня... Кухня с балконом? Нет, это лоджия. И в большой комнате лоджия... Плита... газовая... Раковина... горячая вода, холодная... Ванная... ванна большая, и душ, и ещё раковина, а уборная отдельно... Женя в распахнутом пальто и сбитом на плечи платке всё смелее засыпала коменданта вопросами, пробовала краны, спускала воду в уборной, бегала к окнам пощупать батареи и рамы: нет ли щелей, не дует ли, а на окнах форточки, можно проветривать, и над окнами уже крючки для карнизов, и всё работает, и... Эркин уже продышался и видел лохмотья изорванных обоев, висящую на одной петле дверь уборной, исцарапанный паркет, а в большой комнате на полу чёрное пятно.

– Костёр разводили? – удивился он вслух. – Зачем?

– Это ты у своих соплеменников спроси, – неожиданно ответил комендант.

У Эркина потяжелело лицо, он прикусил изнутри губу, чтобы смолчать, а комендант продолжал:

– Поселились, понимаешь ли, тоже... С Равнины. Въехало трое, а потом как потянулись за ними... конца-краю не видать. Пожить пожили, снялись и в кочевье ушли. И нету их. И полугодовой платы за квартиру нет, и вон чего натворили. Это уже весь мусор отсюда выгребли. Куча была... будто они его специально с помойки натащали и бросили.

Женя подошла и взяла Эркина под руку. Комендант посмотрел на них и вдруг улыбнулся.

– Ну, вот так. Если хотите, то, пока ремонт, в бараке поживёте.

– Нет, – решительно сказала Женя. – Никаких барачков, мы сами всё сделаем. Возьмём ссуду, закупим. Обои я клеить умею. А дверь, паркет, что там ещё... Эркин?

– Сделаю, – разжал он губы.

– Ну вот, – Женя прижала к себе его локоть. – Мы согласны, да, Эркин?

Он посмотрел на неё и кивнул. Да, похоже, ничего лучше им не дадут, или придётся жить в бараке и ждать. Нет, конечно, он согласен.

– Да, – сказал он. – Согласен.

– Ну, осматривайтесь, – кивнул комендант. – Я пока за бумагами схожу.

И они остались втроём в светлой, залитой белым снежным светом, пустой квартире.

– Эркин, – Женя повернула его к себе, заглянула в лицо. – Эркин, что с тобой?

Эркин вздохнул и помотал головой, будто просыпаясь.

– Нет, ничего, Женя. Всё в порядке. Женя, это... это наш дом, да?

– Ну, да, ну, конечно. Господи, Эркин, – она поцеловала его в щёку и потащила на кухню. – Ты посмотри только! Газовая плита! Это ж с ума сойти! – и ахнула: – Алиса! Не смей!

– Ты же крутила! – возмутилась Алиса.

И тут же получила шлепок. Не больно через пальто, но очень обидно. Пока она раздумывала, стоит ли реветь, Женя заставила Эркина достать зажигалку, и они теперь зажигали и выключали газ. Что тоже оказалось достаточно интересно, тем более, что и пламя было совсем странное – не красное, а голубое. А когда они, уже втроём, изучали горелку в духовке, пришёл комендант.

Бумагами, за которыми он ходил, были та самая книга учёта фонда, ещё одна регистрационная, куда он, ловко пристроившись на подоконнике в кухне, вписал их данные из удостоверений, расчётная книжка платы за квартиру и ещё какие-то ведомости. Женя везде расписалась, взяла книжку.

– Спасибо. Значит, мы прямо сейчас можем въехать?

– Конечно. Держите ключи.

Женя бережно, будто они стеклянные, приняла на ладонь связку из трёх пар ключей.

– Спасибо, большое спасибо. А... а скажите, на завод как лучше пройти? Ну, после оврага куда свернуть?

– А зачем через овраг?

Комендант стал объяснять дорогу на завод. Эркин слушал внимательно, сведя брови к переносице. Он ни о чём не спрашивал, говорила только Женя. Алиса стояла рядом, крепко держась обеими руками за его ладонь и строго глядя на коменданта.

Когда комендант, терпеливо ответив на все вопросы Жени, отдав ей газовый ключ и показав, как перекрывать и открывать газ и воду, забрал свои книги, ведомости и ушёл, Алиса подала голос:

– Мам, мне жарко. И я в уборную хочу.

– Сейчас-сейчас, – откликнулась Женя. – Сейчас всё сделаем.

Она стала раздевать Алису, а Эркин вышел в прихожую. Осторожно потрогал замки на входной двери. Два замка, верхний и нижний. В Джексонвилле были такие же, почти такие же. Он мягко повернул квадратный шпенёк, выдвигая засов. И на нижнем замке.

– Эркин, – позвала его Женя.

Он сразу обернулся к ней.

– Да, Женя, что?

– Эркин, надо поест. И на завод ещё, и на вокзал.

– Я сейчас в магазин схожу, – сразу решил Эркин. – Куплю чего-нибудь.

– Да-да, – закивала Женя. – Купи молока, хлеба и чего-нибудь для бутербродов.

– Я мигом.

Эркин поправил шапку, застегнул куртку и вышел. И только захлопнув дверь, вспомнил о ключах. Вся связка у Жени. Ну, ничего, он постучит. По коридору он прошёл направо, спустился по лестнице и вышел уже у центральной башни. Так, теперь налево, вдоль другого крыла и... так это дорога на завод, а ещё левее, вон он, зелёный домик с вывеской. И тропинка к нему утоптана. Комендант говорил, что с часу до двух перерыв, а сейчас... Эркин посмотрел на часы и побежал.

В магазин он вбежал за пять минут до закрытия. Толстая женщина в меховой шапочке и белом халате поверх пальто недовольно нахмурилась.

– Приспичило тебе?! До двух подождать не можешь! – и сердито грохнула на прилавок водочную бутылку. – Три сорок семь с тебя. И выметайся. Обед у нас.

– Водка? – удивился Эркин. – Зачем? Мне не надо.

За спиной женщины открылась маленькая дверь и выглянула другая женщина, тоже в халате поверх пальто и вязаной шапочке.

– Чего там, Маня?

– Смотри, Нюр, водка ему не нужна. А коньяка мы не держим. Так чего тебе?

Эркин сдержанно улыбнулся ей.

– Молока.

– Ого! – Нюра тоже подошла к прилавку. – И всё?

– Нет, ещё хлеба. И, – Эркин обвёл взглядом прилавки и полки на стене, – и вот это, – он забыл, как это называется по-русски.

– Колбасы-то?

Они положили перед ним буханку хлеба, короткую толстую палку колбасы, бутылку с молоком.

– Ещё две, – попросил Эркин.

– Это ж, сколько вас, питухов таких? – засмеялась Маня, щёлкая костяшками счётов. – Два девяносто шесть с тебя.

Эркин полез за бумажником, достал и положил на прилавок трёхрублёвую бумажку, и ответил:

– Трое. Я, жена и дочь.

– Приехали только, что ли? – спросила Нюра.

– Да, – кивнул Эркин, забирая и засовывая в карман мелочь, собрал в охапку покупки, улыбнулся на прощание и вышел.

За его спиной щёлкнул замок. Магазин закрылся.

Эркин шёл, прижимая к груди покупки. Маня и Нюра. Что ж, ему и Жене в этот магазин часто ходить. Магазин хороший, всё есть. Те трое индейцев, видно, такую память по себе оставили, что по ним, сволочам, и о нём теперь судят. Ну, ладно, лишь бы Женю не трогали, а ему наплевать. Снег по-прежнему сыпал, но ветра не было. И белый дом наплывал на него, вздымая центральную башню. Вот и его подъезд... И только поднявшись на второй этаж, Эркин с ужасом понял, что не посмотрел на номер на двери. Он остановился, судорожно соображая, что делать. Крикнуть, позвать Женю? Нет, ещё напугает, и вообще. Что же делать? Так, а мимо этой ручки он проходил. Когда? Это когда комендант их вёл. Эркин повернулся и пошёл обратно, внимательно разглядывая двери. Так, и этот коврик он видел. А здесь... здесь комендант остановился и... и либо эта, либо следующая. Ну, если не туда, то извинюсь.

Эркин плотнее прижал к себе покупки и постучал носком сапога. И... и услышал за дверью голос Жени.

– Эркин, ты?

– Да-да, это я! – выдохнул он.

Щёлкнул замок, и перед ним открылась дверь. Женя, уже без пальто и платка, в своём тёмно-синем платье, улыбнулась ему.

– Ну, что же ты встал? Входи.

Из-за Жени вынырнула Алиса, тоже в одном платье, радостно взвизгнула:

– Э-эрик! Мама, Эрик пришёл!

Эркин перешагнул порог, спиной прихлопнул дверь, и Женя стала выбирать из его охапки покупки.

– Молоко, хлеб, а это что? Колбаса? Ой, ты молодец, Эркин, раздевайся и иди на кухню. Сейчас поедим.

Эркин огляделся. От прежних жильцов осталось несколько кривых гвоздей, небрежно вбитых в стену у двери. На них и висели пальто Жени и Алисы. Эркин расстегнул и снял куртку, повесил на свободный гвоздь, пристроил ушанку, зацепив её за узел, стягивающий уши, повёл плечами, с наслаждением ощущая тепло. Да, в квартире тепло, и это тепло уже... живое. Он бы и разулся, но пол уж очень грязный. Уборки здесь... ну, это совсем не страшно.

– Эркин, – позвала его Женя из кухни.

– Иду.

И, войдя в кухню, удивлённо заморгал: что с плитой?

– Представляешь, Эркин, она с крышкой. Я её смотрю, а крышка как бухнет, я даже испугалась вначале. А так, как удобно, – рассказывала Женя, разворачивая колбасу. – Эркин, дай нож, я нарежу, и мой руки. Только осторожно, я горячую воду пустила, чтоб молоко согреть. Представляешь, в ванной пробка, она и сюда подходит, или лучше в ванной вымой. Алиса, не хватай, сейчас молоко согреется. Жалко, все вещи на вокзале, пить прямо из горлышка придётся.

Женя говорила быстро и весело. И под этот говор Эркин сходил в ванную, вымыл под краном в раковине руки, старательно не посмотрев на душ – тело так и чесалось, но это он вечером, перед сном. И, вытирая руки носовым платком, вернулся на кухню. На белой блестящей крышке уже стояли согревшиеся бутылки с молоком, а на обёртке от колбасы лежали бутерброды.

Только откусив хлеб с колбасой, Эркин почувствовал, как проголодался. Розовая колбаса с белыми пятнышками жира, ноздреватый тёмно-коричневый хлеб с чёрной корочкой, прохладное молоко... Он ел молча, наслаждаясь каждым куском и глотком. Молока он давно, очень давно не пил. В лагере молоко давали только детям.

Алисе пить из горлышка очень понравилось, хотя она и сразу облилась.

– Ну, ладно, – не стала сердиться Женя. – Вечером всё принесём, переодену и отстираю. Только не размазывай. Эркин, сейчас на завод пойдём.

– Да, – Эркин посмотрел на часы. – Оттуда на вокзал за вещами и в Комитет. Помнишь, говорили?

– Да, конечно. Алиса, ешь аккуратно, не заглатывай.

– Женя, – Эркин встревоженно посмотрел на окно. – Снег идёт.

– Да, – сразу поняла его Женя. – Конечно, Алиса останется дома.

– Что?! – возмутилась Алиса. – Я с вами! Мы вместе!

– Нет, – твёрдо сказала Женя. – Там холодно и снег.

– Ну и что?

– А-ли-са!

Когда мама говорила таким тоном, спорить уже было бесполезно. Алиса вздохнула и покорилась. Женя сделала ещё два бутерброда и стала мыть бутылки.

– Алиса, захочешь есть, возмёшь себе сама. Дотянешься или... нет, молоко я поставлю вниз, здесь ещё полбутылки. А эти на окно. Вот так.

Эркин с удовольствием смотрел на прежнюю хлопотливую Женю, делающую сразу несколько дел. Всё как раньше. Но и Алиса вспомнила. Она уже не спорила, а только молча смотрела на них, очень серьёзно и внимательно.

– Ну вот, – Женя, уже одетая, нагнулась и обняла Алису. – Будь умной девочкой. Плиту и краны не трогай. И замки. Будут стучать, никому не открывай. Всё поняла? Ну, умница, – она чмокнула Алису в щёку и выпрямилась. – Эркин, ключи у меня, запрём снаружи.

– Вы на работу, да? – дрогнувшим голосом спросила Алиса.

– Да, маленькая.

Эркин уже открыл дверь, пропустил Женю вперёд и вышел следом, улыбнувшись Алисе на прощание. И запирая снаружи дверь, они не услышали тихого убеждённого Алисы:

– Вас же там опять убивать будут.

Но за дверью уже тихо. Она осталась одна. Совсем одна. Даже Спотти с ней нет. И Линды. И мисс Розы. И даже Дрыгалки. А Тедди ещё тогда разрезали. И не стали брать с собой, так там и бросили. Алиса вздохнула и вернулась в кухню. Окно большое, и за окном как маленький дворик. А подоконник неудобный, не залезть. А в других комнатах? Алиса снова вздохнула и отправилась в путешествие по квартире.

Снег продолжал идти, но по-прежнему слабый и мелкий. Женя взяла Эркина под руку, и он уже уверенно повёл её вдоль дома и мимо магазинчика.

– Вот туда я ходил. Там Маня и Нюра.

– Ага, – кивнула Женя. – Ты не заметил, посуда там есть?

– Н-нет, – неуверенно ответил Эркин. – Вроде, нет.

– Тогда в городе купим. Чайник, кастрюлю и сковородку, – перечисляла Женя. – И ещё веник, ведро, совок, чтобы уже сегодня подмести. Ведь спать на полу придётся.

Эркин кивнул.

– Да, конечно. Мы ведь с завода на вокзал пойдём, увидим магазин и купим, – он говорил бодро, хотя на языке вертелось: «Если возьмут на завод».

Дорога разметена, идти удобно, но Эркин с тревогой поглядывал на черевички Жени.

– Тебе не холодно?

– Нет, что ты.

Здесь им не пришлось идти через лес или парк, как на Цветочной. Дома начались быстро, настоящая улица, дома в два-три этажа, на первых этажах магазины или ещё что. Эркин не понимал этих вывесок, да особо и не приглядывался. Идти легко, ощущение мороза на лице даже приятно. Дом у них уже есть. Тёплый, просторный, как Женя хотела. Женя счастливо оглядывалась по сторонам. Эркин шагал широко, и, разумеется, идти с ним ногу она не могла, но он так ловко ведёт её, что ей удобно и легко. Как хорошо! И город... милый, и... и это уже завод, да?

– Эркин, смотри, уже забор.

– Да, теперь налево и вдоль забора, – ответил Эркин.

Они несколько раз по дороге уточняли маршрут у прохожих и шли уверенно. Но вот и выдвинувшаяся на тротуар коробка проходной, широкие ступени, дверь. Женя открыла её, и они вошли.

Пожилой вахтёр с красной повязкой на рукаве сразу у дверей за невысокой стойкой.

– В отдел кадров? Налево, третья дверь.

– Спасибо, – улыбнулась Женя.

Эркин молча кивнул. Женя пошла вперёд, и ему сразу стало некуда девать руки. Он сдёрнул с головы шапку, попробовал по привычке сунуть её в карман куртки, но ушанка туда не влезла, и он неловко зажал её под мышкой.

Отдел кадров оказался небольшой комнатой, похожей на Комитет или лагерную канцелярию. Только всего три стола. За одним маленький шуплый мужчина в очках, за другим девушка в вязаной кофте и тоже в очках, а третий стол у двери, пустой.

– Здравствуйте, – храбро улыбнулась Женя. – Мы из Комитета. По заявке.

– Здравствуйте, – ответил мужчина каким-то натужным скрипучим голосом. – Давайте заявку.

Женя поглядела на Эркина. Он молча достал пакет с их «дорожными» документами и протянул его мужчине. Тот недоумевающе посмотрел на пакет.

– Ты что, неграмотный? – Эркин кивнул. – Так, понятно.

Мужчина быстро просмотрел содержимое пакета, вынул заявку и открыл большую книгу, похожую на ту, что Эркин видел у коменданта, отметил там что-то, достал из ящика и протянул Жене две желтовато-серые картонки.

– Заполняйте пока. Вон там, чернилами.

– Спасибо.

Женя взяла картонки и улыбнулась Эркину. Вдвоём они отошли к пустому столу у двери и сели. Эркин расстегнул куртку, Женя расстегнула пальто, сбросила на плечи платок и достала из сумочки пакет с остальными документами. Придвинула поближе к себе чернильницу с двумя ручками, придирчиво оглядела ручки, выбрала одну и стала писать.

Сидя рядом, Эркин молча следил, как Женя пишет. Как этот сказал ему, что он неграмотный, даже не с насмешкой, с презрением, будто... не знает, что рабу этого не позволялось ни под каким видом, а если и не знает, то, что из того? Да, неграмотный, так он работу грузчика просит, а грузчику грамота ни к чему. Ладно. Пусть только возьмут. А там... Вот они обустроятся чуть-чуть, и Женя его научит. Читать. И писать. Женя в колледже училась, так что...

– Ну вот, – Женя отложила ручку, быстро просмотрела написанное, убрала документы в сумочку и встала.

Встал и Эркин. Вернулись к столу очкастого, и Женя отдала ему карточки. Тот тоже просмотрел их, кивнул, положил перед собой и взялся за телефон.

– Алло, Лыткарин? К тебе направляю. Мороз Евгения Дмитриевна. Да, машинистка, может чертёжницей. Нет, там кончала. Да, от Комитета. Хорошо. Конечно, – положил трубку, сделал пометку на карточке и поднял глаза на Женю. – Выйдете в понедельник, в полдевятого, в машбюро. Заводоуправление, второй этаж. Спросите Лыткарина, Лазаря Тимофеевича, он вам всё покажет.

Женя счастливо кивнула. Очкастый отодвинул её карточку и снова стал звонить.

– Алло, Семён? Да, я. Медведев у тебя? Разыщи его. Так, жду. Ну да. А ты как думал? Медведев? Кончил уже? Вот поэтому и зайди. Так, ладно. А это уже без разницы. Порядок общий. Ладно, – положил трубку и посмотрел уже на Эркина. – Придётся подождать. Сейчас зайдите оба в соседний кабинет, там у нас моментальная фотография. В двух экземплярах сделайте. И сюда.

Эркин молча кивнул. Рука Жени легла на его запястье и мягко потянула за собой. Они вышли в коридор, и Эркин вытер рукавом куртки ставший мокрым лоб.

– Ничего, Эркин, – тихо сказала Женя. – Всё будет хорошо.

– Да, – не сказал, а как-то выдохнул он. – Женя, если нужны фотографии, значит, нас берут, да?

– Ну, конечно, милый. Пошли.

Моментальная фотография оказалась маленькой тесной будочкой. Ещё в кабинете были стулья у стены и зеркало над ними. Женя, внимательно изучив висящий на стенке будочки рядом с дверцей текст, сказала:

– Всё ясно, – и решительно сбросила на стул пальто и платок.

Глядя на неё, снял куртку и Эркин.

– Значит, так, – Женя, глядя в зеркало, поправляла волосы. – Заходишь, закрываешь за собой дверь, садишься и ждёшь. А она всё сама делает. Не ёрзаешь и вообще, – она прыснула, – не шевелишься. Потом там зажжётся свет, и получишь фотографию. Встанешь, снова сядешь и всё по новой. Понял? – Эркин не слишком уверенно кивнул. – Давай, я тебе волосы приглажу, вот так. И не сиди хмурым, улыбайся. Давай, Эркин, я пока волосы переколю. Удачи!

Эркин кивнул, заставил себя улыбнуться и вошёл в будочку, за спиной щёлкнул замок.

В первый момент ему неприятно вспомнился шкаф-карцер в питомнике, но... но нет, это совсем другое. Он сел на маленькое откидное сиденье, под ним что-то щёлкнуло, вспыхнул свет, ещё щелчок, лампы погасли, осталась только одна, над дверцей, что и в начале. Жужжание и прямо перед ним выдвинулся маленький ящичек. Эркин достал из него квадратик фотографии, встал снова сел. И всё повторилось.

Когда он вышел, бережно неся на ладони две свои фотографии, Женя уже переколола узел и даже губы подкрасила.

– Ты очень хорошо получился, – одобрила она снимки. – А теперь я.

Положила на стул сумочку и шагнула в будку. Эркин сел на соседний стул, перевёл дыхание. Пока... пока что ему не сказали: «Нет», – но... но это пока. Женю берут, это точно, а его... но если б не брали, то не послали бы за фотографиями, так что... Из будочки вышла Женя, отдала ему свои фотографии и стала одеваться.

– Ну, как я вышла?

– Очень хорошо, – ответил Эркин и встал.

Женя взяла у него снимки, он оделся, и они вернулись в отдел кадров. У них взяли фотографии, и девушка в очках наклеила их на карточки и пропуска.

– Держите. Это пропуска, а это, – очкастый протянул им по жестяному кружку с выдавленными цифрами и пробитыми отверстиями.

– Табельные номера? – обрадованно спросила Женя.

– Да, – улыбнулся очкастый. – Ваша проходная номер три. А...

Дверь распахнулась, и в кабинет вошёл высокий мужчина в белом овчинном полушубке и мохнатой рыжей ушанке.

– Ну, и зачем звал, Антоныч?

– Здравствуй, Медведев, ты говорил, что зашиваешься без людей. Вот тебе в бригаду. Голубые глаза с холодной насмешкой прошлись по Эркину.

– Ага. И надолго?

– Хочу навсегда, – как и коменданту, ответил Эркин.

– Так, посмотрим. Работал уже грузчиком?

– Да.

– И где?

– На станции.

– А чего ушёл?

– Так получилось, – глухо ответил Эркин.

Судя по недоверчивому тону и вопросам, здесь об индейцах тоже... по той тройке судили. Хреново.

– Ну, ладно, – кивнул Медведев. – Людей всё равно не хватает. Когда приехал, сегодня?

– Да, – кивнул Эркин.

– Ладно. День на устройство. Выйдешь в четверг. Смена с семи. Первый рабочий двор, запомнил? – и уже не глядя на Эркина. – Ладно, Антоныч. Посмотрим, что ты к моему берегу прибил. Бывай.

Когда за ним закрылась дверь, Антоныч, будто ничего и не было, продолжил:

– Твоя проходная номер два. Придешь без четверти семь.

Эркин кивал, внимательно слушая. Антоныч объяснил им, где находятся проходные, они спрятали пропуска и табельные номера, попрощались и вышли.

На улице Женя посмотрела на Эркина и улыбнулась.

– Ну вот. И работа есть. Теперь всё будет хорошо.

Эркин ответно улыбнулся.

– Да, теперь всё будет хорошо. Теперь в Комитет? Да, Женя?

– Да, – Женя огляделась по сторонам и удивлённо засмеялась. – Смотри, уже вечер. Это мы столько здесь были?

Действительно, воздух вокруг наливался синевой, даже снег казался голубоватым. Эркин посмотрел на часы.

– Женя, ещё четырёх нет.

– Всё равно, – Женя потянула его за рукав. – Идём скорей. Сейчас спросим, где вокзал.

– Ага, – кивнул Эркин. – Подожди, Женя, сейчас я соображу. Ага, пошли.

Народу вокруг заметно прибавилось, светились витрины и окна, и уже медленно загорались уличные фонари. Они шли рядом, Эркин вёл Женю под руку и... и никто ничего, ни одного злого или пренебрежительного «белого» взгляда. Да... да ради одного этого он на всё согласен. Ну, ничего, он докажет, что может и умеет работать. Сила есть, а смолчать и стерпеть он сможет, двадцать пять лет этому учился, смог выжить там, значит, и здесь сможет. Бригадир – это как главный в ватаге, ему тоже абы кто в ватаге не нужен. И Арч, и Одноухий свои ватаги сбивали крепко, этот... Медведев не дурнее же их. И снег совсем не мешает, и не так уж холодно, как кажется.

– Ой, – удивилась Женя, – смотри, Эркин, уже вокзал. А вон и Комитет. Сначала туда, ладно?

– Конечно, – согласился Эркин.

Алиса проснулась и села, протирая глаза. Где это она?

– Мама, – позвала она, – Эрик. Вы где?

Ей ответила тишина. Она была одна, совсем-совсем одна.

Алиса уже вспомнила, что это их новая квартира, и что ей сначала здесь даже понравилось. Но мама и Эрик ушли, а её оставили. Ушли на работу. Как... как тогда. И совсем темно уже. Уже ночь, а их нет. Алиса встала и отряхнула платье. А то мама увидит, что она спала на полу, и рассердится. А ведь она себя хорошо вела, ничего не трогала. Ходила, смотрела в окна, потом немного побегала, потом... потом заснула. Ну, она же одна. И ей уже страшно. Если мама с Эриком сейчас не придут, ей будет страшно.

Она вышла в прихожую, но там было совсем темно. Алиса подошла к двери, осторожно тронула ручку. И услышала шаги. Кто-то большой и наверняка очень страшный топотал за дверью. И остановился. Это не Эрик. И не мама. Если он войдёт...

Алиса попятилась и бегом вернулась в кухню. А... а она сейчас спрячется, и этот большой и страшный её не найдёт. Ей рассказывали, как надо прятаться и сидеть тихо-тихо. Она огляделась в поисках такого убежища. Макса от патрулей в шкафу прятали, а Данилку и Раиску в сундуке. А Катка под нарами сидела. И другие... кто где. И под кроватями, и в ямах. И она сейчас спрячется. А... где же шкаф? И сундука нет. И нар. И ей что, спрятаться нигде?! И тут она увидела шкаф. Как раз такой, что в нём её уже точно никто не найдёт.

Где-то снова простучали шаги, с улицы донеслись громкие голоса. Опять Хэллоуин идёт?! Алиса решительно открыла дверцу под раковиной, залезла внутрь и притянула дверь за какую-то железяку. Что-то щёлкнуло, и дверца плотно закрылась. Вот так! И пусть Хэллоуин теперь её ищет, ни... – мамы нет, так что можно – ни хрена он не найдёт! Она его обманула! Алиса поёрзала, устраиваясь поудобнее, и закрыла глаза. Когда спишь, то ничего не страшно. Рядом что-то уютно сипело и булькало. Она прислонилась головой к стене и заснула.

Из Комитета Эркин вышел в несколько ошарашенном состоянии. Одно дело слушать о ссудах, а потом гадать, сколько дадут, и обсуждать, как бы такие деньжищи потратить с пользой. И совсем другое – получить на руки толстую пачку денег. Такую толстую, что ни в бумажник, ни во внутренний карман не влезала, и пришлось, как тогда в имении, получив под расчёт, делать свёрток, правда, не из портянки, а из носового платка и прятать под рубашку за пазуху. А бумажник, чтоб на груди не так сильно выпирал свёрток, пришлось переложить в задний карман джинсов. Что и неудобно, и опасно: воры-карманники всюду водятся. И вот так просто-запросто. Отметили в разных книгах место постоянного проживания и место работы, открыли металлический шкаф-сейф – сразу вспомнил название Эркин и даже успел мельком удивиться, что открыто стоит, а не загорожен другим шкафом или баром, ну да, и в лагере он такие видел, просто их никогда при нём не открывали – и достали пачки, Женя потом долго расписывалась в нескольких книгах и на отдельных листах.

На улице было уже совсем темно. Проверяя себя, Эркин посмотрел на часы. Всего-то и пяти ещё нет, а темно уже как. Прямо ночь.

– Теперь в магазин, – решительно сказала Женя. – Ведро, метла, совок... У нас же ничего нет. И спать сегодня на полу придётся. Идём, я хозяйственный вон там видела. Заберём вещи и домой. Об остальном завтра будем думать. Ну же, Эркин, очнись.

– Да, – Эркин тряхнул головой, едва не уронив ушанку. – Так, Женя. Давай, деньги из бумажника ты сейчас к себе положишь, чтобы не доставать лишний раз.

– Конечно, – согласилась Женя.

Эркин огляделся, проверяя, нет ли рядом кого слишком любопытного, достал бумажник и отдал Жене пятисотенную.

– Много, Эркин.

– В магазине разменяем, – решил Эркин.

Женя спрятала деньги в сумочку и взяла его под руку.

– Пошли?

– Пошли.

В хозяйственном оказались посуда и всякие хитрые приспособления для кухни. Женя поахала, повздыхала и решительно сказала:

– Нет, и вещи, и посуду мы не донесём. Это всё потом, да, Эркин?

Эркин согласился, как согласился бы с любым решением Жени. Конечно, она права. У них же есть миски и кружки, и на первое время им вполне хватит.

– Пойдём, вещи заберем, и домой, – продолжила Женя. – Может, по дороге ещё магазин увидим.

Эркин кивнул.

– Только не по Цветочной пойдём, Женя. С вещами через овраг, – к его мимолётному удивлению, по-русски это слово выговаривалось очень легко и не царапало напоминанием, – неудобно.

– Ну, конечно, – согласилась Женя.

Они вернулись на вокзал. В камере хранения получили вещи, и Женя выяснила у кладовщицы, что этот хозяйственный, где они побывали, это для тех, у кого уже всё есть, а на обзавод если, так надо через пути на ту сторону в Старый Город, там Филиппыч магазин держит, и всё-то там есть, и постельное, и кухонное, со стороны поглядеть, так сараюшка, а внутрь войдёшь, так и глаза разбежались. В завершение разговора Женя узнала, что в любой овощной зайдёшь, и тебе за рубль мешок продадут, а ещё лучше купить картошки или там луку сразу мешок и с мешком, а рынок тоже по ту сторону, в Старом Городе, а это ж Новый, тут магазины только, а на рынке всё и дешевле, и здоровее, веник на рынке покупать надо, в магазине только щётки, а щётка чистоты не даёт. Молча слушавший Эркин при этих словах усмехнулся. Щётка ещё какую чистоту даёт, уж он-то знает.

В камеру хранения вошла компания людей, навьюченных корзинами и мешками, и лекцию пришлось прекратить. Они поблагодарили кладовщицу и вышли. На улице Эркин помог Жене надеть на обе ляжки маленький мешок, сам так же надел большой, взвалил на спину поверх мешка тюк и взял ящик. Женя взяла узел, и они пошли. Домой.

К удивлению Эркина, ночное Загорье было светлее Джексонвилла. Фонари, что ли, ярче? Да это же от снега – сообразил он.

Шли долго. Не от тяжести, а просто Женя выглядывала магазины. И забегала то в один, то в другой. Эркин ждал на улице. Из одного магазина сияющая Женя вынесла пустой мешок.

– То, что надо, Эркин, давай его ко мне зожим.

Она повернулась к нему спиной, и Эркин, не снимая с неё мешка, распустил завязки на горловине, затолкал туда поупку и затунул узел.

– Тебе не тяжело?

– Ну, что ты, разве это тяжесть! – засмеялась Женя.

И они пошли дальше. И наконец из очередного забега Женя вернулась совсем счастливая, неся в одной руке ведро, в котором громыхал совок, и щётку наперевес в другой.

– Всё, теперь только домой. Всё остальное завтра.

Эркин кивнул, помог Жене подхватить узел, взвалил на спину тюк и взял свой ящик. Теперь пошли быстрее. Снег прекратился, ветра не было, яркие фонари, народ на улицах... Опять пару раз пришлось остановиться и спросить дорогу, но Эркин уже представлял, где их дом, и спрашивал, проверяя себя. Вот уже впереди показалась громада с рядами светящихся окон. Их дом.

– Как хорошо, – вздохнула Женя.

– Ты устала? – сразу встревожился Эркин.

– Нет, что ты. Просто смотри, как красиво. Жаль, мы своих окон не знаем.

– Жаль, – согласился Эркин.

Тюк пригнул ему голову книзу, и он на окна не смотрел. Здесь, у дома, с ними стали здороваться и поздравлять с приездом. А уже возле подъезда мужчина в милицейской форме козырнул им. Женя, счастливо улыбаясь, поблагодарила его, как и всех.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице на второй этаж. И здесь было гораздо оживлённее, чем днём. Хлопали двери, бегали чьи-то дети, и женщина из приоткрытой двери звала: – Петька! А ну домой живо!

Ну, конечно, всё правильно – поняла Женя. Днём все на работе, а сейчас уже вечер. И Алиса так же будет бегать и играть в коридоре. На улице холодно и темно, а здесь... а вот и их дверь. Семьдесят седьмой номер. Женя поставила на пол ведро и узел и стала искать в сумочке ключи.

– С приездом, – кивнул им проходивший мимо мужчина.

– Спасибо, – улыбнулась Женя.

Она уже вставила ключ в скважину и проворачивала его, с наслаждением слушая щелчки. Один, второй. Теперь нижний замок. Как хорошо, что ключи разные, ни на взгляд, ни на ощупь не спутаешь. От верхнего жёлтый плоский, а от нижнего белый длинный и круглый. Так, тоже два оборота. Ну вот. Женя убрала ключи, оглянулась на молча стоящего рядом Эркина и толкнула дверь. Их встретила тёмная тишина.

– Алиса, – позвала, входя, Женя. – Вот и мы! Заходи, Эркин, сейчас... Выключатель у двери, да? Алиса?

Эркин свалил тюк на пол и огляделся. Выключатель... а, вот же! Он нажал на чуть шершавую кнопку и, когда под потолком вспыхнула висящая на кручёном проводе лампочка, закрыл дверь.

– Алиса! – снова позвала Женя и посмотрела на Эркина. – Заснула она, что ли? Сейчас посмотрю.

И убежала в кухню. Эркин снял мешок, положил его рядом с ящиком и стал расстёгивать куртку. Из кухни прибежала Женя.

– В кухне её нет. Эркин...

Эркин растерянно посмотрел на Женю.

– Как нет? А где... в дальней комнате?

– Ой! – Женя метнулась в другую дверь. – Ой, зажги свет, Эркин. Эркин, её нет!

В первый момент Эркин растерялся. Уйти Алиса не могла, увести её... некому и незачем. Чего-то испугалась и спряталась? Он рванул дверь в кладовку. Здесь света не было, валялся и громоздился всякий мусор, обрезки досок, куски фанеры, ещё что-то... но прятаться здесь негде. Он добросовестно обшарил кладовку и вышел в прихожую, где ему на грудь бросилась Женя.

– Эркин её нигде нет! Что это, Эркин?

Уже вдвоём они заново обошли всю квартиру, все комнаты, кухню, ванную, уборную... Алисы не было. В расширенных глазах Жени стояли слёзы.

– Эркин, я с ума сойду, если что... если случилось... Я жить не буду, подожди, я сейчас к соседям схожу, может они что... видели, слышали...

Женя метнулась в прихожую, а он стоял посреди кухни, растерянно оглядываясь. И тут он услышал, вернее, ему почудилось... Раковина обшита с боков фанерой, так что получился как шкафчик, а спереди дверца, и вот там... туда он не заглядывал.

– Женя! – его голос остановил её у двери. – Она здесь!

Когда Женя влетела на в кухню, он уже сидел на полу, обнимая прильнувшую к нему Алису. Увидев лицо Жени, Алиса заревела. Ревя, размазывая по щекам слёзы и грязь, Алиса рассказывала, как ей было страшно, и она спряталась, а ещё кто-то страшный за дверью ходил и топал. Женя обнимала её и Эркина и тоже плакала, одновременно утешая, успокаивая и ругая Алису. И Эркин вдруг ощутил, что сам тоже плачет.

– Господи, как ты нас напугала, – Женя наконец всхлипнула в последний раз и встала. – Ну всё, всё в порядке, зайчик мой. Сейчас ужинать будем. Ты не ела совсем?

– Не-а, – Алиса слезла с колен Эркина, уже совсем спокойная.

Женя посмотрела на неё и ахнула.

– Господи, а перемазалась-то как!

Эркин встал и отряхнул джинсы.

– Я схожу, ещё молока куплю. И... и ещё чего посмотрю.

– Да, – Женя вытерла лицо. – Я пока хоть подмету здесь. И Алису умою.

– Да, – Эркин рукавом вытер лицо и вернулся в прихожую.

Второпях он бросил куртку прямо на пол, и пальто Жени тоже на полу. Он поднял пальто, встряхнул и повесил. И платок... платок в рукав. Поднял свою куртку, привычно проверил внутренний карман, достал из джинсов и переложил на обычное место бумажник, достал из-за пазухи свёрток с деньгами. Это лучше с собой не таскать, мало ли что.

– Женя, – позвал он и, когда она вышла в прихожую, протянул свёрток. – Возьми, убери куда-нибудь.

– Конечно-конечно, – закивала Женя. – Да, подожди, где-то в мешке сумка, та, помнишь, я сейчас соображу...

– Ладно, – улыбнулся Эркин. – И так донесу. Хлеба...

– Хлеб ещё есть, и колбаса. Молока... две бутылки, больше не надо.

– Хорошо.

Эркин надел куртку и нахлобучил ушанку.

– Ну, я пошёл, я быстро.

В прихожую вышла Алиса и, подозрительно глядя на Эркина, спросила:

– Ты опять на работу?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Я в магазин.

– Ну, ладно, – с сомнением в голосе протянула Алиса. – Мам, а ты?

– А мы сейчас будем убирать, – сказала Женя.

Эркин вышел, плотно, но без стука закрыв за собой дверь.

Детей в коридоре уже не было, и людей стало заметно меньше. Из-за некоторых дверей тянуло восхитительно вкусными запахами. Коврики у дверей... Они тоже такой купят. Чтобы не заходить в грязном. И... и всё купят. С такими-то деньгами! Он сбежал по лестнице и вышел на улицу.

Ветра совсем нет, и снова пошёл снег. Как когда-то Эркин выпятил нижнюю губу и пойман на неё снежинку. Совсем другой, совсем особенный... русский вкус.

В магазине его встретили как старого знакомого.

– Умеешь ты под закрытие приходить, – улыбнулась Маня. – А на этот раз что?

– Две бутылки молока, – начал Эркин.

– Это ж куда столько? – удивилась Нюра.

– Чая ж нет, – объяснил Эркин, оглядывая полки.

– Как это нет?! – возмутилась Маня. – Да у нас вон любого. И цветочный есть, и фруктовый.

– Чайник ещё не купили, – внёс ясность Эркин. – Ещё печенья вон того. И... – Алиса перепугалась сильно, и Женя. – И конфет.

– А себе что, не возьмёшь ничего? – сочувственно спросила Нюра. – С дороги-то. Да и согреться надо.

Эркин не сразу понял, о чём она, а, поняв, улыбнулся.

– Нет, спасибо.

– Ну, как знаешь, – покачала она головой.

– Да, небось, с дороги ещё осталось, – сказала Маня. – Конфеты эти? Нюра, взвесь.

- А на утро-то взял? – снова спросила Нюра, насыпая в кулёк и взвешивая конфеты.
- А чего? – вместо Эркина ответила Маня. – Утром и придёт тогда, свежего возьмёт.
- Да, – кивнул Эркин и достал деньги. – Сколько с меня.
- Пять ноль шесть, дорогие конфеты взял.
- Приезд празднуем, – отшутился Эркин.

Он чувствовал себя уже совсем свободно и, расплатившись, стал распахивать по карманам печенье и конфеты. В магазин вошли двое краснолицых мужчин в ушанках и толстых тёмных куртках. Увидев их, Нюра сразу положила на прилавок банку рыбных консервов, а Маня поставила бутылку водки.

- Во! – расплылись оба в блаженных улыбках. – Вот где нас понимают!

Эркин взял своё молоко и вышел. Таких везде полно, но его это не касается. Каждый живёт, как хочет, ну, и как получается.

Когда перед ним встала громада дома, Эркин, прижимая к груди бутылки с молоком, повёл взглядом по второму этажу левого от башни крыла, совсем ни на что не рассчитывая, просто так. И вдруг увидел Женю. Он даже остановился и заморгал. Но нет, не мог он перепутать, это Женя. И... и, значит, это их комнаты. Занавесок нет, вот и видно всё... да, вид, конечно... жуткий, как после своры квартира. Ну, ничего, он всё сделает. Купят они обои, Женя сказала, что умеет клеить, покажет ему, а уж он не подведёт. И занавески нужны. Ну, не такие плотные, как в Джексонвилле, здесь прятаться незачем, вон как у других. И видно, что живут, что свет горит, и ничего толком не разберёшь. Так что... так что, возвращаясь с работы, он будет видеть свои окна. И Алиса будет видеть его, и Женя. Эркин, высвободив одну руку, толкнул дверь и вошёл в тёплый светлый подъезд, взбежал по лестнице на второй этаж и, открыв ещё одну дверь, вошёл в свой коридор. И улыбнулся, вспомнив дневной страх. Надо же, как смешно получилось, чуть в чужую квартиру не впёрся. А его – семьдесят седьмая. И стучать не надо, вон же звонок. Он нажал чёрную кнопку возле косяка и тихо засмеялся, услышав за дверью переливчатую трель, топоток Алисы и шаги Жени.

- Кто там? – спросила Женя. – Эркин, ты?

- Да, я.

Щелкнул верхний замок, открылась дверь, и он вошёл в свой дом. Женя уже не в платье, а в халатике, как в Джексонвилле, без чулок, в тапочках на босу ногу. И Алиса в другом платье и тоже в тапочках.

– Так тепло в квартире, – Женя забрала у него покупки. – Конфеты, печенье, как хорошо. Ты тоже переобуйся, я твои шлёпанцы достала. Я сейчас пол в кухню домою, поедим и остальным займёмся.

Женя убежала с покупками на кухню, а Эркин стал раздеваться. Снял и повесил куртку, шапку, скинул сапоги и поставил их рядом с черевичками Жени и ботиками Алисы, смотал, балансируя на одной ноге, портянки и надел шлёпанцы. Ну... ну, вот он и дома.

– Эркин, ты портянки в ванной прямо в ванну брось, – крикнула из кухни Женя. – Я потом ванну буду мыть и постираю заодно.

В ванне лежали чулки Жени и Алисы, платье Алисы, ещё что-то. Эркин бросил туда портянки, вымыл руки под краном в раковине. Горячая вода была в самом деле горячей. А полотенце... Ага, вот Женя его прямо на ручку двери повесила, ну да, больше же некуда. Он вытер руки и пошёл на кухню.

Женя уже домывала пол. Он молча отобрал у неё тряпку и закончил работу.

– Ага, спасибо, – кивнула Женя. – Ты воду в уборную вылей и ведро ополосни. И руки. И ужинать будем.

Эркин проделал все операции в указанном порядке и вернулся на кухню.

Ели опять стоя. Алиса хотела залезть на подоконник, но Женя не разрешила.

- Холодно там сидеть.

– Мам, тогда на пол.

– А на полу сыро.

– Ладно, – согласилась Алиса. – Мам, я больше молока не хочу.

– Я тебе и так полкружки налила. И больше же ничего нет.

Эркин дождался бутерброд и залпом допил свою кружку.

– Женя, спасибо.

– Ещё?

– Нет, сыт. Женя, ящик где?

– А где всё. Я рядом комнату подмела и занесла туда всё. Чтоб на ходу не лежало. А что?

– Дверь в уборную поправить надо, – ответил Эркин.

Он об этом всё время думал. Не дело так. В комнатах двери – это одно, а уборная... не рабы же они, чтоб всё напоказ. На выпасе, в Мышеловке стеснялись – не стеснялись, но старались, чтоб не на виду. Так что это в первую очередь надо сделать. Конечно, он – не Андрей, у того бы в пять минут всё было бы сделано. Но как-то ему пришлось вместе с Андреем навешивать дверь, так что... справится.

Женя как в поисках Алисы включила свет по всей квартире, так и оставила. Эркин взял ящик с инструментами, подошёл к перекошенной двери и... и едва не выругался в голос. Шурупы, на которых держалась петля, были «с мясом» вырваны из косяка. Тут вбивай – не вбивай, держаться не будет. Что же делать? А! В кладовке, пока искал Алису, ему попадались разные деревяшки. Плохо, что там света нет. И... он поглядел на свои джинсы и пошёл переодеваться. Нашёл свои рабские штаны, снял джинсы и натянул эти, и рубашку... рубашку тоже в грязное, неделю не менял, а пока... да всё равно. Не холодно, а ему работать, тенниска в момент разлезется. И часы... Он снял часы и положил на подоконник рядом с часиками Жени.

– Эркин, джинсы тоже в грязное кинь, – крикнула, пробегая мимо с ведром, Женя.

Эркин выдернул из джинсов ремень, проверил карманы на джинсах и рубашке и отнёс их в ванную. Так, теперь... в кладовку.

– Алиса, – позвал он. – Помогите мне.

Алиса, уже забыв обо всех своих страхах, упоённо носилась по такой большой и просторной квартире. Услышав Эркина, она с восторгом кинулась к нему.

– Ага! А чего?

– Подержи дверь, чтоб не закрывалась.

Алиса подпёрла собой дверь кладовки, и Эркин полез туда, загромычал. Попадалось всё не то. Конечно, при необходимости он и это пустит в дело, но, чёрт, раз те разводили костёр, то это всё натаскали как топливо. Болваны, конечно, но надо искать полено. Да, тогда они тоже меняли часть косяка, и он помнил, что и как делал Андрей. Но там был брусочек. Ладно, нашлось бы полено, а уж обтесать, довести до кондиции, как говорил Андрей, он сможет.

Вместо полена нашёлся какой-то чурбак, и Эркин вылез из кладовки с серыми от пыли волосами. Алиса отпустила дверь, и она, к её полному удовольствию, гулко хлопнула. Ей захотелось это повторить, но мама – и как она всё видит? – крикнула из комнаты:

– Алиса, не балуйся!

А Эркин раскрыл свой ящик, который Алиса ещё ни разу не видела, что было безусловно интереснее хлопающей двери.

Сверху в ящике лежала рукоятка ножа. Эркин ещё в промежуточном лагере переложил её туда из кармана рубашки, чтобы не потерять. И решил, приделать кольцо и носить с собой на шнурке. Будто Андрей с ним. Носят же остальные, некоторые – он видел – даже в бане с крестом или другим амулетом. А пока... прости, Андрей, что твоё без спросу взял, ты его берёг, себе под руку подгонял, ничего дороже инструмента у тебя не было, но ты бы ведь сам стал бы помогать, ты бы делал эту квартиру с нами, вместе, не будь в обиде на меня, Андрей, твои инструментом работаю, как тебя вспоминаю...

Начав уже пристально, по делу рассматривать дверь, Эркин понял, что нужно снимать нижнюю петлю, и заменять оба раздолбанных прежними жильцами участка косяка. Заменить весь косяк он не может: нет подходящего бруса, а оставлять уборную без двери тоже нельзя. Алиса вертелась рядом, и потому выругать живших здесь он не мог, во всяком случае, вслух. Он счистил закрывавшую шурупы краску, нашёл подходящую отвёртку и взялся за работу.

Подошла Женя и стала помогать ему: держала дверь, чтобы та на него не рухнула, когда он снимет последний шуруп. Эркин снизу вверх посмотрел на Женю и улыбнулся. Она кивнула, поняв, что он вспомнил клетку и как тогда Женя возилась с дверью.

– Я одного не понимаю, – вдруг сказал Эркин, вытаскивая последний шуруп и вставая, чтобы перехватить и отставить в сторону дверь. – Как ты тогда меня узнала?

– Сердце ёкнуло, – очень серьёзно ответила Женя.

И Эркин кивнул. Конечно, только глазами узнать его, измождённого, избитого, с расчёванной щекой и заплывшим глазом, было невозможно. Он сам себя долгое время, глядя в зеркало, не узнавал. Но...

– Женя, а... а если бы меня там не было, ну, в клетке, ты бы... сделала это?

– Ну, конечно, – Женя явно удивилась его вопросу.

И тут прозвенел звонок.

Эркин застыл с полуоткрытым ртом, потом медленно опустил на пол дверь, достал из ящика маленький, но – он помнил – очень острый топор и пошёл к входной двери. Коротким жестом он отослал Женю и Алису на кухню и, только убедившись, что они ушли, спросил:

– Кто там?

– Сосед ваш, из семьдесят пятой, – ответил мужской голос.

Помедлив, Эркин одной левой открыл замок и отступил на шаг, чтобы иметь пространство для замаха.

– Открыто!

Вошедшему было уже за сорок. Мятые штаны, застиранная рубашка, на ногах шлёпанцы, короткие светлые волосы отливают сединой, клешнястые ладони... Так же внимательно мужчина оглядел стоящего перед ним полуголого индейца с топором в руке и улыбнулся.

– Будем знакомы, сосед, если надолго к нам.

– Навсегда, – твёрдо ответил Эркин и, переложив топор в левую руку, ответил на рукопожатие.

– Я Ахромков Виктор, а тебя как звать-величать?

– Эркин Мороз, – ответил Эркин, ответно стискивая жёсткую от мозолей ладонь собеседника. – Значит, рядом живёшь?

– За стенкой, – кивнул Виктор. – Соседа знать в первую голову надо. Жену поменяешь, а соседа – нет.

– Это почему? – вышла из кухни Женя. – Здравствуйте.

– И вам здравствовать. А почему нет? Так жену сам себе выбираешь, а соседа тебе бог посылает. А с ним не поспоришь.

Рассмеялись все. И Виктор уже совсем по-свойски показал на лежащую на полу дверь.

– Мастеришь?

– На одном гвозде висела, – Эркин показал на косяк. – Вот, латать сейчас буду.

– Тут не латать, а менять надо.

– Бруса-то нет, – Эркин усмехнулся. – Не приготовили для меня. Чурбак вот нашёл, и то спасибо.

– А завтра дня не будет?

Эркин упрямо покачал головой.

– С раскрытой уборной жить, что ли?

Виктор, всё с бóльшим интересом глядя на него, кивнул:

– Оно тоже так. Ну, давай вместе, что ли. Женщина в мужской работе только помеха. Эркин поймал одобрительный взгляд Жени и согласился.

За работой выяснилось, что Виктор в Загорье с осени, работает в типографии. Название его работы было непонятно Эркину, и он ограничился тем, что сказал о себе, что, дескать, грузчиком на заводе. Ящик привёл Виктора в полный восторг.

– Ты смотри, с каким умом сделано. Что ж ты в грузчики пошёл, раз такой мастер.

– Я – мастер? – удивился Эркин.

– По инструменту класс сразу виден.

– Это брата, – вздохнул Эркин. – Он был мастер, его инструмент. А я... неквалифицированная рабочая сила, – вспомнил он сказанное ему в лагерном отделе занятости.

Виктор усмехнулся и очень естественно спросил:

– А брат где?

И столь же естественно ответил Эркин.

– Убили его в Хэллоуин.

Виктор понимающе кивнул.

Вдвоём они вырубили размочаленные участки, выпилили из чурбака подходящие по размеру латки, загладили их с наружной стороны. Глядя, как Эркин вымеряет всё пальцами и ладонью, хотя в ящике были и круглая рулетка, и складной ярд, Виктор негромко спросил:

– Грамоту... совсем не знаешь?

– Цифры различаю, – честно ответил Эркин. – И считать умею.

Эркин приложил к косяку выпиленный кусок и стал зачищать паз.

– У брата клей хороший был, – объяснил он скептически разглядывавшему его работу Виктору. – За час намертво схватит. И шурупы на клей посажу.

– Ну, что же, если, как говоришь, то потом зачистить, загладить и косяк менять не придётся, – согласился Виктор.

В ящике у Андрея было несколько пузырьков и тюбиков с клеем. Нужный запах Эркин помнил.

– Ага, этот.

Они промазали клеем пазы и латки, и вбили их молотками. Выступившие на стыках капли Эркин затёр стружкой. Вдвоём подняли и приставили дверь, и Эркин через петли наметил места для шурупов.

– Так, – кивнул Виктор. – А теперь, пока схватит, давай эти подправим.

Они подтянули шурупы на двери, Эркин гвоздём пробил дырки для шурупов на латках, натолкал туда смоченных в клее щепок, затем приставили дверь и ввинтили шурупы.

– Готово, отпускай. Час её шевелить не надо, и всё.

– Тогда, Мороз, давай подопрём чем, чтоб не тянула.

Алиса тут же предложила свои услуги, но её заменили остатками чурбака. Женя стала угощать Виктора молоком, но он отказался.

– Нет, спасибо, я ж на минутку только зашёл.

И тут в дверь опять позвонили. На этот раз открыла Женя. Пришла жена Виктора, Клавдия. Она немного поговорила с Женей об окрестных магазинах и сказала Виктору, что людям с дороги отдохнуть надо.

Когда соседи ушли, Женя тихо засмеялась.

– Вот у нас и первые гости были.

Эркин улыбнулся.

– Да. Ты... довольна?

– Ну, конечно. А я обе комнаты вымыла. Господи, Эркин, неужели это всё наше?!

И тут же засмеялась уже по-другому, совсем свободно и звонко. Так что Эркин не смог не засмеяться в ответ.

– Ага, я тоже поверить не могу. Так, – он огляделся по сторонам. – Давай я здесь сейчас уберу. Да, Женя, а спать сегодня...

– Ничего, – сразу поняла его Женя. – Сегодня на полу, а завтра с утра пойдём и всё купим. Эркин кивнул и стал собирать инструменты.

– Женя, щётка где, я подмету.

И вдруг Женя стала хохотать. Она так смеялась, что Эркин сначала удивился, а потом испугался.

– Женя, что с тобой?

– Эркин, – хохотала Женя, – мы же мусорного ведра не купили, ну, для мусора, я из кухни и комнат всё сюда вымела, а теперь его куда?

Наконец Эркин понял и тоже рассмеялся.

– Да, как это, лопухнулись мы, да? Женя, а в это ведро? И я сейчас вынесу.

– Куда? – поинтересовалась Женя. – Ты видел, где здесь помойка?

– Нет, – вынужденно согласился Эркин. – Не видел. Ну, в угол пока всё смету, а утром тогда и вынесу.

– Хорошо, – кивнула Женя, – а метла в большой комнате. Её тогда тоже завтра уберу.

Эркин сходил за щёткой и подмёл прихожую, размышляя: так щётка это или метла? Женя говорит то так, то этак. Собрал мусор в кучу подальше от обуви, осторожно попробовал дверь уборной, убедился, что схватило намертво, отнёс остатки чурбака в кладовку – мало ли для чего ещё понадобятся – и пошёл в ванную, где Женя разглядывала извивающуюся по стене блестящую трубу.

– Эркин, – обернулась она, – я поняла. Это сушка. Ты пощупай, она горячая, правда, удобно? Я тогда всё это, – она показала на сваленные в ванне вещи, – постираю и развешу.

– Завтра, – решительно сказал Эркин. – Нам же есть, что одеть, Женя, ты устала, надо поспать.

– Надеть, – машинально поправила его Женя. – Да. Надо бы Алиску вымыть, но на полу спать, как бы не простудилась. А ты, – она посмотрела на Эркина, – ты будешь мыться, да?

Он провёл рукой по волосам и показал ей грязную ладонь.

– Ой, ну, конечно-конечно, – заторопилась Женя. – Я сейчас тебе мыла принесу. И полотенце. И рубашку.

Женя выбежала, а Эркин подошёл к душе. Оглядел. Надо мыться очень осторожно, иначе он всё зальёт. Вообще-то здорово, конечно. Площадка с невысоким – чуть выше щиколотки, бортиком – и дыркой стока посередине, и душ... Он что, снимается? Ну да, шланг гибкий. Здорово, можно себя обмывать. А до ванны дотянется? О, у ванны свой такой же. Совсем здорово!

В разгар его исследований пришла Женя.

– Вот, я на сушку повешу, наденешь тёплое, и носки обязательно.

Эркин показал ей свои открытия, и Женя восхитилась.

– Как хорошо! Я даже сразу не сообразила. Эркин, а эта труба зачем? Круговой душ?

Эркин провёл рукой по изогнутой полукругом трубке над душевой площадкой.

– Нет, дырок нет, и высоко она... – и ахнул: – Женя, это же для занавески! Ну, чтоб вокруг не брызгать.

– Вот хорошо! Завтра же купим, я как раз в том магазине у вокзала видела, так и называется: занавес для душа. Там и для ванны был. И тогда свободно руки там зайти помыть или что, – и решительно закончила: – Оба возьмём.

– Дорогие они? – осторожно спросил Эркин.

– Деньги у нас есть, – сразу ответила Женя. – Нам их и дали на обзаведение. Так, а сейчас... О! Я сейчас простыню принесу, и повесим как занавеску.

Женя выбежала из ванной, а Эркин уже внимательно осмотрел трубку. Так, высота нормальная, выше душевого рожка, еле-еле вытянутыми руками достаёт, держится... слабо. Почему? А, так она вынимается, что ли? Нет, просто висели на ней, видно, укреплять надо. Это сложно, этого он сам не сможет. Надо будет у Виктора спросить, как тот делал.

Женя принесла сразу две простыни и прищепки. Вдвоём они соорудили занавес, перекинув верхний край через трубку и закрепив прищепками. Потом Женя перешагнула через бортик, задёрнула занавес, покрутилась внутри и вышла.

– Чудесно! Я тогда тоже помоюсь. И Алиску хоть оботру. Только голову мыть не буду. И, Эркин, ты сначала поддон ополосни, я же туда прямо в обуви заходила. Я сейчас тогда грубого мыла принесу.

Эркин кивнул и, сдвинув занавески, взялся за работу.

Женя принесла кусок коричневого мыла и, к его изумлению, жёсткую щётку для мытья посуды. Особой грязи тут не было, и сток оказался не забитым. Вымыв площадку – Женя упорно называла её поддоном, Эркин положил на бортик мыльницу с хорошим мылом и мочалку, расправил занавес и стал раздеваться.

– Трусы сразу в грязное кидай, – сказала, выходя, Женя.

Рабские штаны он встряхнул и повесил на сушку рядом с рубашкой, трусы кинул в ванну и прямо из шлёпанцев перешагнул через бортик. Ещё раз поправил занавески, чтоб не было щелей, и осторожно пустил воду. Ох, и даже напор есть. Ну... ну, живём! Неделю не мылся, голова, и тело зудят, как в имении, а теперь... Он снова и снова намыливался, растирал себя мочалкой, отфыркивался от попадающей в нос и рот воды. И не мог остановиться.

Он бы, может, всю ночь так простоял, если бы не ласково-насмешливый голос Жени:

– Ты не утонул?

– Не-а, – выдохнул он. – Я сейчас.

И, с сожалением, выключил воду. Белая ткань намочила и тяжело провисала. Тронув её, Эркин почувствовал, что сейчас либо ткань оборвётся, либо трубка обломится. Он осторожно втянул занавески внутрь и стал отжимать, не снимая. Вот так, и вот так, и вот так... Расправил смятую ткань и перешагнул через бортик в шлёпанцы. Вытерся и повесил полотенце обратно на сушку, растеребил, растрепал волосы и стал одеваться. Рубашка, трусы, штаны, носки – всё тёплое, приятное. Ну... ну совсем другая жизнь.

Когда он пришёл на кухню, где Женя соорудила им на полу постель, она засмеялась.

– Эркин, ты аж светишься весь.

– Ага, – согласился он. – Я их отжал, ну, простыни, что занавески, и оставил.

– Ну, конечно, – кивнула Женя. – Сейчас я Алиску в порядок приведу. А ты ложись. Алиса, пойдём.

Они ушли, а он всё ещё оторопело смотрел на сооружённое Женей. Это ж... это ж получается... они все вместе спать будут? И тут же сообразил, как. Ну, правильно. Алису в серёдке, чтобы не замёрзла. Вон Женя всё в ход пустила, даже пальто, даже его куртку. Он несколько раз глубоко вздохнул и подошёл к окну. И увидел себя, своё отражение в чёрном стекле. Хотя... нет. Всё же фонари горят, и снег белый. Если посмотреть вниз, людей нет никого. Так поздно уж? Неужели они приехали? Неужели дорога кончилась? Есть жильё, есть работа, есть деньги на обзаведение. Всё у него есть. Нет, он теперь с места не стронется. Не даст себя стронуть.

Женя внесла в кухню Алису. Эркин увидел их в окно, как в зеркале, и обернулся, шагнул к ним и забрал Алису.

– Тебе же тяжело, Женя. Почему ты меня не позвала?

– Ничего-ничего, я сейчас.

Алиса обхватила его за шею, прижалась.

– Тебе не холодно?

– Не-а, – шёпотом выдохнула Алиса.

Глаза у неё закрывались, и Эркин ощущал, как она сонно обмякает, тяжелеет в его руках. Прав Чолли. Ребёнок на руках... ничего нет дороже. Он осторожно сел на постель, по-прежнему держа Алису, и сидел с ней так, уже ни о чём не думая, пока не вошла Женя.

– Заснула? Сейчас уложим.

Эркин удивленно смотрел на неё: такой он Женю ещё не видел.

– Ты что? – не поняла она и тут же засмеялась. – А! Это мой спортивный костюм. Ещё с колледжа остался. Тебе не будет холодно в одной рубашке?

Эркин молча покачал головой. Женя, встав на колени, откинула своё пальто.

– Клади её, Эркин. Ну вот. Теперь я с этого боку, и ты ложись. Вот так. Тебе удобно?

– Да, – тихо ответил Эркин.

– Ой, а свет-то...

Женя вскочила и выбежала из кухни. Он слышал, как она пробежала по квартире, щёлкая выключателями.

– Ну, вот.

Женя вошла в кухню, закрыла дверь и выключила свет. И уже в темноте легла.

Мам, ты? – сонно спросила Алиса.

– Да, маленькая, спи.

– А Эрик где?

– Здесь я, – ответил Эркин.

– Это хорошо-о, – выдохнула Алиса.

Женя тихо засмеялась, и Эркин сразу улыбнулся её смеху. Рука Жени коснулась его плеча, щеки, укрывая, натягивая на него полу пальто.

– Тебе удобно?

– Да, Женя, да.

– Спокойной ночи, Эркин.

– Спокойной ночи, – ответил он уже во сне.

Сквозь сон, опасаясь, что Жене холодно – всё-таки её пальто недостаточно, чтобы укрыть всех троих, он протянул руку и мягко положил её на плечо Жени, обнял её за спину и притянул к себе, чуть-чуть, чтобы не зажать Алису. И Женя не отстранилась, не сбросила его руку. Эркин счастливо вздохнул, окончательно засыпая.

Дыхание Алисы щекотало ему шею, что-то булькало и урчало в трубах, где-то очень далеко проехала машина, но всё это было ночной спокойной тишиной. Его тело ещё помнило вагонную тряску и готовилось спружинить при толчке, но и это не мешало. Он дома, это его дом, его семья.

И Женя наслаждалась тишиной и спокойствием. Конечно, она беспокоилась за Алису, но ничего, всего одна ночь – не страшно. А потом они купят постели, квартира тёплая, даже на полу при хорошем тюфяке или перине будет удобно. А деньги у них есть. Безвозвратная ссуда. На каждого и на семью в целом. Столько у неё никогда не было. Надо будет как следует всё продумать, чтобы не растратить по мелочам. Столько всего нужно, а хочется... ещё больше. Сейчас посуда. Прежде всего – посуда. Чайник... даже два, для кипятка и заварочный... кастрюли... тоже две, нет, три... сковородка... ну, и тарелки, чашки, хорошо бы прямо сервизом, даже два сервиза: столовый и чайный, и... ой, ну, всё сразу нужно.

Она спала и во сне покупала и покупала, расставляла мебель, вешала шторы... Понимала, что это сон, но его так приятно смотреть. И рядом Алиса, Эркин, они в безопасности, живы, здоровы. Господи, какое счастье, что Джексонвилл, Империя, весь тот ужас кончились! И сильная тёплая рука Эркина на её плече...

Чувство времени никогда не подводило Эркина, но сегодня... сегодня что-то не то. Пора бы быть утру, а вокруг темно. Эркин осторожно приподнялся на локте, прислушиваясь. Да,

шум на улице. Конечно, ничего такого быть не может, но... но лучше посмотреть. Мягким гибким движением он убрал руку и встал, не потревожив Женю и Алису. Подошёл к окну. И увидел тёмное, почти чёрное небо, светящиеся шары фонарей у дома и дальше цепочкой по улице, белый снег внизу и чёрные фигуры, спешащих куда-то от дома людей. А магазин? Нет, магазина не видно. Но куда это все они? На работу? Тогда, значит, утро. Но ещё слишком темно.

Вздохнула и заворочалась Алиса. Повернувшись спиной к окну, Эркин – света с улицы хватало – с улыбкой смотрел, как она раскидывается, занимая его место. А Женя спит. Ну, и пусть спит. Время-то... где он часы оставил? А! Вспомнил. Бесшумно ступая, вернее скользя по полу, он, не обуываясь, чтобы стуком шлёпанцев не разбудить Женю, вышел. В квартире стояла живая сонная тишина.

В комнате рядом с кухней на полу разложены вещи, которые Женя не использовала на сооружение постелей. Эркин подошёл к окну и увидел на подоконнике маленькие на узком ремешке часики Жени и рядом свои. Стрелки и цифры молочно светились. Странно. На часах семь тридцать, и телом он ощущает, что уже утро, а темно, как ночью. Семь тридцать. Завтра в это время... ему уже всюю работать, смена-то с семи. Как бы не проспать. Жалко, не заметил вчера, сколько они шли от дома до завода, но часа ему должно хватить. Значит, из дома выйти без четверти шесть. Однако... ну, ничего. Ляжет спать с часами на руке...

Он не додумал. Потому что сзади на его плечи легли ладони Жени, и её голос спросил:

– Ты что, Эркин? Что-то случилось?

– Нет, – ответил он, не оборачиваясь, чтобы не прервать блаженное ощущение прикосновения Жени. – Просто время посмотреть. Сейчас полвосьмого, Женя.

– Да-а? – удивилась Женя. – А темно-то как. Но ты прав. Конечно, надо вставать. А то не успеем всего.

Она погладила его по плечам и отошла. Эркин перевёл дыхание, на мгновение прижался лбом к оконному стеклу и, оттолкнувшись с силой от подоконника, вышел. Да, надо начинать утро. Здесь не надо идти ни за дровами, ни за водой, но дел от этого не меньше.

Женя не хотела будить Алису и не стала включать в кухне свет, но Алиса, конечно, проснулась. А вставать не хотела, кувыряясь и валяясь по постели, пока Женя не рассердилась:

– Или спи, или вставай. Ты мне всё пальто измяла.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – А Эрик где?

– Здесь, конечно.

Эркин, на ходу застёгивая на запястье часовой браслет, вошёл в кухню и включил свет. Он уже умылся и переоделся в старые джинсы.

– Схожу в магазин. Возьму молока и хлеба.

– Опять молоко?! – спросила Алиса.

– Да, – твёрдо ответила Женя. – У нас пока нет чайника. Да, Эркин, Клавдия про пустые бутылки говорила, захвати их, ладно? Я их помыла уже.

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Сумку я нашёл. Сейчас принесу.

– Я сложу, пока ты одеваешься, – кивнула Женя.

Эркин принёс сумку, и Женя, придирчиво осмотрев пустые бутылки и сложив их в сумку, вышла в прихожую. Эркин уже застёгивал куртку.

– Пальто я повесил. А то мнётся.

– Ой, когда ты успел? – удивилась Женя.

Эркин улыбнулся и ответил усвоенной в лагере фразой:

– Долго ли умеючи.

Он уже взялся за ручку двери, когда Женя остановила его.

– Подожди, а ключи?

Она сбегала в комнату за своей сумочкой и вернулась, звеня связкой.

– Смотри, три пары. Тебе, мне и запасная. Правда, удобно?

Эркин кивнул и принял на ладонь два ключа – жёлтый плоский и белый длинный – бережно сунул в кармашек джинсов. И вдруг, наклонившись, коснулся губами щеки Жени и тут же выскочил за дверь. Женя тихо засмеялась и посмотрела на стоявшую рядом Алису.

– Ну, давай наводить порядок.

– Давай, – согласилась Алиса.

В принципе, она была на всё согласна, лишь бы мама не уходила. За месяц в лагере она совсем отвыкла оставаться дома. И потому без звука умылась и переоделась, помогла маме убрать из кухни их постель в комнату к остальным вещам.

И тут в дверь позвонили. «Эркин так быстро вернулся?» – удивилась Женя. Или забыл что? И, не спрашивая, открыла дверь.

За дверью никого не было. Стояли четыре кухонных табуретки, и на одной из них лежала открытка. Женя взяла её. Яркое изображение накрытого стола с самоваром, чашками и пирогом. Вытесненная золотом надпись: «С новосельем!». И всё. Ни кому, ни от кого. Коридор был пуст. Женя громко сказала в пустоту:

– Большое спасибо, – и занесла табуретки в прихожую.

– Что это? – удивилась Алиса. – Чьё это?

– Теперь наше, – счастливо улыбалась Женя. – Это нам подарили.

– Подарок – это хорошо! – одобрила Алиса.

Табуретки были самые простые, из светлого некрашеного дерева, но достаточно большие и устойчивые. Открытку Женя поставила на подоконник. Ну вот, одну табуретку она накроет салфеткой и будет стол. Но это потом, а сейчас – стирка. Вымыть ванну грубым мылом и замочить бельё. И выстирать Эркину джинсы и рубашку, чтобы завтра ему на работу в приличном виде.

– Алиса, ты будешь помогать, или игрушки тебе достать?

– Я сама достану, – после недолгого размышления заявила Алиса и отправилась разыскивать свой рюкзачок.

Женя вынула всё сваленное в ванну и положила рядом прямо на пол, затем обмыла ванну горячей водой из гибкого душа, взяла щётку и грубое мыло и стала оттирать ванну. Она так ушла в это занятие, что не заметила, как пришёл Эркин, и, только когда он мягко, но решительно отобрал у неё щётку, ахнула:

– Ой, ты уже пришёл?!

– И даже чай поставил, – засмеялся Эркин.

– Чай?! – изумилась Женя. – В чём?

– А в кружках. Когда закипит, заварим.

– Эркин, ты гений! – Женя чмокнула его в щёку и вылетела из ванной с криком: – Алиса, не лезь к плите!

Засунув обожжённый палец в рот, Алиса погрузилась в раздумья. Что мама видит спиной, она давно знала. Но через стену?..!

Эркин постоял, приходя в себя от счастья – Женя его поцеловала! – и стал дотирать ванну. О чае он подумал по дороге в магазин и потому купил, кроме молока и хлеба, ещё пакет сахара и пачку чая. А молоко тоже можно в кружке подогреть. Хлеб был не только свежий, а даже ещё горячий. И Маня посоветовала ему взять калач – булочку в форме сумки. Он взял две. Жене и Алисе. А печенье и конфеты у них с вечера ещё остались, а что на обед... Обед варить надо, вот для обеда всё и надо купить.

– Эркин, готово, – позвала его Женя.

– И у меня готово, – откликнулся Эркин, обдавая из душа горячей водой, почти кипятком, намыленную ванну.

Ополоснув руки в раковине, он вышел в кухню. Одна из табуреток была накрыта салфеткой, и на ней стояли миски с творогом, на плите дымились кружки с чаем, а на подоконнике рядом с открыткой красовались стаканчики и тарелки из набора для пикника.

– Вот, – торжественно сказала Женя. – Сейчас поедим творога с молоком, а потом чай. Эркин, садись, ты молодец, что купил творога.

Они сидели и ели из мисок творог, Алисе Женя его даже сахаром посыпала, с молоком и чёрным горячим хлебом. Потом пили чай с калачами.

– Это калач? – переспросила Женя и рассмеялась: – Знаешь, я слышала о калачах, но что они такие, что так вкусно, не знала. Алиса, не хватай, он ещё горячий. Значит, так. Сейчас я замочу бельё, и пойдём.

Эркин кивнул.

– Стол нужен.

– Да, – согласилась Женя. – Стол в первую очередь. И постели. Перины, подушки, одеяла. И посуду. И на обед чего-нибудь.

Эркин улыбнулся.

– За раз всего не дотащим.

– Так не раз и сходим, – весело отмахнулась Женя и вскочила на ноги. – Алиса допивай!

Алиса покосилась на неё и уткнулась в кружку. Она чувствовала, что её не собираются брать с собой за покупками, и не знала, что делать. Зареветь или... но мама уже убежала в ванную, а Эрик моет кружки и миски. Алиса вздохнула.

– Эрик, а ещё конфету можно? – и решила усилить. – Я тогда не буду с вами проситься.

Задыхаясь от смеха, Эркин молча кивнул. Алиса чинно взяла конфету и опустила её в кармашек платья. А оказавшаяся тут же мама – когда она только успела? – укоризненно покачала головой, но отбирать конфету не стала.

– Эркин, бельё я всё замочила. Ой, ведь уже светло совсем.

Женя щёлкнула выключателем, и кухню залил холодный, серо-белый свет из окна. Эркин опустил крышку у плиты и отключил газ. Женя расставила на подоконнике их продукты и посуду.

– Эркин, сколько денег возьмём? Я думаю... тысячу? Или больше?

Эркин медленно кивнул.

– Давай... больше. Мало ли что.

– Хорошо, – согласилась Женя.

Пока они одевались, Алиса молча следила за ними. И только, когда Женя, уже одетая, поцеловала её в щёку, потребовала:

– А теперь Эрик!

А когда он выполнил её требование, строго сказала:

– Только вы поскорее возвращайтесь.

– Как получится, – не менее строго ответила Женя.

В коридоре уже Эркин тщательно запер дверь на оба замка, на два оборота каждый, и улыбнулся Жене.

– Пошли?

Женя кивнула и взяла его под руку.

Коридор, лестница, подъезд, заснеженный город.

– К этому, Филиппычу? – спросил Эркин, когда они миновали магазин.

– Да, – кивнула Женя. – Не думаю, чтобы у него было очень дорого. Нам же надо ещё на ремонт деньги оставить. И на одежду.

– Да, тебе нужно пальто тёплое. И валенки. И...

– Много чего нужно, – вздохнула Женя.

День был как вчера. Небо в тучах, мелкий редкий снежок, и почти без ветра. Снег приятно поскрипывал под ногами, у рта при разговоре клубился пар.

– Сейчас постели.

– Да. Перину или тюфяк. Нам и Алисе. Ещё два одеяла, хорошо бы ватные, стёганные. И три подушки. А кровати тогда потом. И на кухню стол. Табуретки у нас есть, – Женя негромко счастливо рассмеялась. – И знаешь, хорошо бы на кухню ещё шкафчик для посуды. Но это будет тяжело.

– Я уже думал, – Эркин придержал поскользнувшуюся Женю, – если купим стол, положим его кверху ножками, всё остальное на него, увяжем, как следует, и повезём. Как санки.

– И обдерём крышку, – Женя вздохнула. – Лучше уж санки купить.

– Ладно, – сразу согласился Эркин. – Переход через пути вон там. И дальше вдоль путей. Правильно?

– Ага.

Прохожих было немного, но Женя внимательно разглядывала, как они одеты. Хотя тёмные толстые пальто и вязанные платки женщин ей уже примелькались. Нет, она одета не хуже других. Вот только черевички, конечно, не по погоде. И тут же поправила себя: не по сезону. Надо купить валенки. И Эркину. И Алисе. Алисе нужно тёплое пальто. И рейтузы. Иначе она не сможет гулять. А Эркину... Многие мужчины носят, да, правильно, полушубки. Если бы удалось такой купить, было бы здорово. И ещё ему нужно тёплое бельё. Как... как у папы было. Он, правда, редко его надевал. Или нет... Она не помнит. Но это неважно. Эркину работать на улице, в одних джинсах он простудится.

Эркин искоса поглядывал на оживлённое лицо Жени и ни о чём не спрашивал. Конечно, и Жене, и Алисе нужна тёплая одежда. И обувь. Валенки, да, правильно, валенки. Если удастся, то сегодня же. Вот, если у Филиппыча будут валенки, то сразу и купим.

– Ты о чём думаешь, Эркин?

– Тебе холодно в черевичках, – сразу ответил Эркин. – Нужны валенки, Женя. И тебе, и Алисе.

– А тебе?

– У меня сапоги. Мне тепло, Женя, правда.

Женя улыбнулась.

– Не выдумывай. Если там есть валенки, то сразу и купим.

Эркин засмеялся.

– Я это же думал.

– Ну вот! – торжествуя заключила Женя.

Но у Филиппыча валенок не было. Зато наличествовало очень много всякого другого и очень нужного. Сам Филиппыч, кряжистый старик с лохматой бородой – Эркин впервые такое увидел – встретил их ухмылкой.

– За обзаведением, молодые, так?

– Так, – весело кивнула Женя. – Здравствуйте.

– И вам здравствовать, да детей растить, – ответил Филиппыч. – Ну, смотрите, да высматривайте.

Посмотреть и вправду было на что. Магазин Филиппыча оказался так плотно набит товаром, что Эркин сразу вспомнил фургон Роулинга, так же невзрачный снаружи, и улыбнулся воспоминанию. Здесь тоже... и новое, и не очень, и подороже, и подешевле.

Стол нашли быстро. Эркин придирчиво оглядел его. Исцарапан, конечно, но это не страшно, можно и шкуркой загладить, да даже просто покрасить, и будет как новый. Он так и сказал Жене. Женя кивнула.

– Да, до ремонта, конечно, а потом...

– А потом ко мне и привезёте, – хохотнул Филиппыч.

Стол был крепок и дешёв. Всего три рубля. Но к нему нужны табуретки, их малы. А табуретки новые, даже будто свежим деревом пахнут. И всех размеров: от высоких, что почти вровень со столом, до совсем маленьких. Но тут Женя увидела четыре стула. Тоже новенькие, блестящие от жёлто-прозрачного лака, с красивыми фигурными спинками и ножками. Стулья оказались по двадцать пять, но Женя так восхищалась ими, что у Эркина язык, конечно, не повернулся, а Филиппыч сказал:

– Можно и стол такой заказать.

– А сколько ждать? – спросил Эркин.

– Да с месяц, а, может, и больше.

– Тогда стол берём этот, – сказал Эркин. – А стулья...

– Все четыре, – решительно сказала Женя. – И две табуретки, вот эти, они тоже нужны.

И... ой, а как же мы их доведём?

– Далеко везти? – спросил Филиппыч.

– На Цветочную, – улыбнулся Эркин. – В «Беженский Корабль».

– Миня! – крикнул Филиппыч и властно приказал вынырнувшему из-за стопки вёдер мальчишке лет двенадцати: – Скажи Терентию, что работа есть. Пусть розвальни подгонит, – и уже Эркину с Женей объяснил: – Извозом зарабатывает. И доведёт, и внести поможет.

– И за сколько? – спокойно спросил Эркин.

– Десятая доля с общего. Ну, и на чай ему сколько не жалко.

– Тогда всё, что нужно, сразу и возьмём, – обрадовалась Женя.

Филиппыч не скрыл довольной ухмылки. Вошёл мужчина в полушубке и весело спросил:

– Ну, и где груз?

Терентий – догадался Эркин, и веселье его тоже понятно. Работа подвалила!

И пока Женя ходила по магазину, выбирая и отбирая, Эркин и Терентий вытаскивали на улицу и укладывали на сани стол, стулья, табуретки, две свёрнутые рулоном перины, два ватных стёганных одеяла, три подушки, кухонный стол-шкафчик, ведро и плетёную корзину, ещё ведро, таз, три кастрюли, сковородку и чайник...

– Однако размахалась твоя, – хмыкнул Терентий, засовывая вниз тяжёлый чугунный утюг.

Эркин осторожно уложил в ведро свёрток с чашками. Стопка тарелок уже улеглась в другом ведре.

– Ничего, – ответил Эркин универсальным, как он убедился ещё в лагере, словом.

– Оно так, – кивнул Терентий.

– Всё, – крикнула из дверей Женя.

И Эркин пошёл к ней, доставая на ходу бумажник. В глубине магазина стоял странный стол. Эркин таких ещё не видел, и Женя, заметив его удивление, шепнула ему, что называется такое конторкой. Филиппыч извлёк счёты и защёлкал костяшками. Насчитал четыреста шестьдесят семь рублей. Эркин, молча следивший за счётом, кивнул. Кивнул и Терентий, слушавший, не менее внимательно.

– Ну, совет вам да любовь, – сказал Филиппыч, принимая от Эркина пятисотенную и отсчитывая сдачу. – И от меня вам на счастье и в премию, чтоб дорогу ко мне не забывали и другим показывали.

И вручил Жене металлический поднос, расписанный яркими цветами по чёрному полю.

– Ой! Спасибо! – ахнула Женя.

Так, в обнимку с этим подносом, её и усадили в сани, посреди вещей. Эркин сел впереди, рядом с Терентием. Тот чмокнул, шевельнув вожжами, и его рыжий светлогривый мохноногий конь стронул с места.

– Прямоком на Цветочную не поедет, – объяснил Терентий. – По асфальту полозья сотру, и конь станет. А кружок дадим, так враз примчит.

Старый город состоял из одноэтажных, окружённых садами домов. Над трубами крутились, прижимаясь к крышам дымки, окна в деревянных резных и раскрашенных рамках... «Если где и искать мужскую подёнку, – подумал Эркин, – то здесь». Если вдруг с завода выгнут. Терентий рассказывал, что живут здесь с огорода, ремесла и скотины, а как в войну завод поставили, то кое-кто и на завод пошёл.

– А ты?

– А я свободу люблю, – хохотнул Терентий. – Мне начальники ещё в армии надоели. Я сам... и хозяин, и начальник, и над бабой командир, – и озорно подмигнул Эркину.

Эркин охотно рассмеялся.

Миновав Старый город, выехали в поле, и конь пошёл ровной размашистой рысью.

– Места у нас хорошие, – рассказывал Терентий. – Земля не ах, но рожь вызревает. А уж огороды... всё, что душе угодно. Ну, и сады... А уж молоко у нас самолучшее.

– Трава хорошая, – понимающе поддержал тему Эркин.

– Во-во, – кивнул Терентий. – Ну, а зимой извозом подрабатываю. И хватает, и... у тебя-то как, большая семья?

– Трое нас. Мы вот и дочка.

– Ну, ваше дело молодое, – Терентий направил коня на боковую узкую дорогу. – Вы себе ещё живо настругаете.

И подмигнул Эркину. Эркин заставил себя улыбнуться в ответ.

– Война много народу покрошила, – Терентий шевельнул вожжами. – Восполнить надо. Так, а теперь молодуха пусть сидит, а мы коню помогать будем. Бугор не велик, а помогать велит.

Подпирая собой сани, они спустились в неширокую впадину, пересекли её и поднялись наверх. Дорога запетляла между деревьями, и Эркин догадался, что они подъезжают к дому с тыльной стороны.

– Ну, – весело сказал Терентий, когда из-за деревьев встала белая, просторно раскинувшая крылья, громада дома. – Вот и Корабль. Показывай, в какое крыло.

После минутной заминки, Эркин показал на правое крыло.

– С той стороны подъезд.

– Принято, – кивнул Терентий, – заворачивая коня в объезд башни.

Асфальт вокруг дома покрывал тонкий слой снега, но конь сразу перешёл на шаг, а Терентий спрыгнул, облегчая поклажу, и пошёл рядом. Эркин последовал за ним.

Они подъехали к своему подъезду и остановились. Эркин помог выбраться Жене.

– Замёрзла, молодуха? – смеялся Терентий. – Ну, потерпи малость, пока мы согреемся, перетаскаем. А ты нам дверь поддержишь да за конём приглядишь, – и в растяжку: – Стоя-а-ать!

Конь только ухом шевельнул в ответ. И Эркин подумал, что у Терентия, как у Фредди, конь «с пониманием». И досадливо дёрнул плечом.

Женя подпрыгивала у саней, постукивая ного об ногу. Эркин и Терентий распустили, стягивающие поклажу верёвки.

– Вот, давай с этой бандуры, – Терентий показал на кухонный шкафчик, – и начнём.

Под соломой, выстилавшей розвальни, у него лежали брезентовые лямки для переноса. Эркину уже как-то приходилось с такими работать, а в ватаге у Арча вообще у каждого своя такая лямка была. Глядя, как Эркин подгоняет её себе под рост, Терентий кивнул.

– Умеешь. Ну, берёмся.

Женя им придержала дверь. Поднимаясь по лестнице и чувствуя, как и его прохватило через сапоги, Эркин твёрдо решил: сегодня же Жене валенки купим.

Алиса выбежала в прихожую, услышав, как проворачивается ключ в замке, и остановилась, удивлённо приоткрыв рот. Эркин ободряюще улыбнулся ей.

– Здравствуй, хозяйка, – подмигнул ей Терентий. – Распоряжайся, куда заносить.

– Здра-асьте, – не очень уверенно ответила Алиса.

– Алиса, на кухню дверь поддержи, – попросил Эркин.

Они затащили шкафчик на кухню и поставили между плитой и раковиной. Эркин даже удивился, как точно он встал. Терентий заметил его удивление и объяснил:

– Всё под один размер подгоняют. Так удобнее.

Эркин понимающе кивнул.

Алиса крутилась рядом, но под руки не лезла.

– Сейчас ещё принесём, – сказал ей Эркин. – Не закрывай дверь.

– А мама? – спросила Алиса.

– Мама здесь, – ответил Эркин. – Она внизу с остальными вещами.

– Я к ней пойду!

– Нет, – твёрдо ответил Эркин, – ты будешь ждать здесь.

Терентий собрал лямки, и они пошли обратно.

Уходя, Эркин притворил, но не захлопнул дверь. Ещё две ходки – не больше. Женя совсем замёрзла. Значит... надо всё забирать сейчас. И... и вот что.

– Слушай, а валенки на рынке?

– Ну да, – кивнул Терентий. – Это в субботу или в воскресенье. Тогда самый торг.

Эркин мрачно кивнул. Сегодня... среда. Четверг и пятницу Жене мёрзнуть. Чёрт, неладно как получается.

Вид стоящего у саней и беседующего с Женей милиционера настроения ему не улучшил. Милиционер, увидев его, козырнул.

– Старший лейтенант Фёдоров. Ваш участковый.

– Здравствуйте, – ответил Эркин, плечом мягко отодвигая Женю себе за спину. – Эркин Мороз.

Фёдоров усмехнулся.

Терентий выгружал из саней стол, и Эркин стал помогать ему. Вытащив стол, Эркин уложил между ножками свёрнутые рулоном перины и одеяла, пристроил подушки. Терентий, понимающе кивнув, помог ему перевязать всю эту кучу и приготовил лямки. Но Эркин покачал головой.

– Бери стулья и табуретки. Женя, иди домой. Холодно.

– Но, Эркин... – начала Женя.

– Идите-идите, – улыбнулся Фёдоров. – Я присмотрю.

– Милиция – это, конечно, надёжнее, – хмыкнул Терентий, беря стулья.

Женя взяла таз и корзину с кастрюлями, чайником и сковородкой, сунула туда поднос и пошла вперёд. Эркин с коротким резким выдохом поднял стол, как поднимал мешки с концентратом, и пошёл следом.

– Да уж, – переглянулся с Фёдоровым Терентий. – Чем другим ещё смотреть надо, а силой точно не обделили, – и, крякнув, потащил стулья.

Участковый, сразу став серьёзным, кивнул.

Алиса встретила Женю радостным визгом.

– Мам, а у нас шкафчик есть!

Но тут Эркин втащил стол, и разбираться, о каком шкафчике говорит Алиса, стало некогда. Положив стол на пол, Эркин сразу повернул обратно.

– Сейчас остатки принесу.

Вошёл Терентий, поставил стулья и стал распутывать узлы. Женя взялась ему помогать. Эркин принёс ведра с посудой, утюг и табуретки. Терентий собрал свои верёвки. Эркин достал бумажник и протянул Терентию пятьдесят рублей. Сорок семь за работу и три рубля сверху. На взгляд Эркина, вполне достаточно. Терентий, видимо, тоже так посчитал и спокойно принял деньги.

– Спасибо вам, – поблагодарила Женя.

– И вам спасибо. Совет вам да любовь, – и улыбнулся. – Даст бог, не в последний раз виделись.

Когда он ушёл, Эркин закрыл за ним дверь и тревожно посмотрел на Женю.

– Ты очень замёрзла?

– Да нет, Эркин, – отмахнулась Женя, разматывая платок. – Давай разбирать.

– Да, сейчас.

Он быстро снял и повесил куртку, ушанку, сбросил сапоги. А прихватывает через джинсы. Надеть, что ли, завтра рабские поверх? Они просторные, налезут. Разделась и Женя. Перины и одеяла с подушками они занесли во вторую комнату, а остальное на кухню.

Перевернули и поставили стол, расставили стулья, посуду на стол, нет, кастрюли на шкафчик, а утюг... утюг сюда, ведра в ванную, корзину... корзину пока в прихожую... Алиса так деятельно помогала, что Женя была вынуждена шлёпнуть её. Ведь сказали не трогать утюг, он хоть холодный, но тяжёлый, уронит ещё на ногу.

– Так, – Женя остановилась на мгновение, оглядывая кухню. – Так, Эркин, я в магазин. Нужно делать нормальный обед.

– Я схожу, – предложил Эркин.

– Нет, я сама! – крикнула уже из прихожей Женя.

Мгновенно оделась, схватила сумку, и нет её. Эркин посмотрел на глядевшую на него снизу вверх Алису и улыбнулся.

– Давай пока вымоем всё.

Что новую посуду надо сначала вымыть, он ещё в Джексонвилле слышал. Ну, и стол он заодно протрёт, как следует. Тоже ведь... для них он новый, да и какая у Филиппыча чистота, сам видел. Ладно, до Мани с Нюрой недалеко, авось Женя не замёрзнет. Но что же с валенками делать? Ему завтра на работу, он-то сапогами обойдётся. Наденет новые носки, что в Новозыбкове купили, портянки сверху, и рабские штаны поверх джинсов, а куртка тёплая, да и вообще на работе не замёрзнешь. Он закатал рукава рубашки, но переодеваться не стал: им после обеда ещё за покупками идти. Хотя что из одежды Жене и Алисе купить. Деньги-то есть.

– Эрик, а в шкафчике что будет?

– Посуда, – удивился её вопросу Эркин.

– Нет, в другом.

– Каком ещё другом?

– А вот!

Алиса подтащила его за руку к окну. Здесь под окном была двойная выкрашенная под цвет стены дверца. К изумлению Эркина, за ней действительно оказался шкафчик. Просторный и... и ощутимо холодный. Зачем это? Тайник? Для чего? Прежние жильцы о нём, похоже, не знали, иначе бы тоже... наверняка разломали. А так внутри только пыльно и обе полочки целы.

– Эрик, это для гномиков? Нет, домового, да?

– Нет, – задумчиво покачал он головой.

– А в других комнатах нет, только здесь, я смотрела.

– Мг-м, – пробурчал Эркин, водя рукой по задней стенке и начиная догадываться. Неужели... неужели погреб, как рассказывал Андрей. Не в полу – второй этаж ведь, а в стене. Здорово!

Он закрыл дверцы и встал. Улыбнулся Алисе.

– Молодец, что нашла.

Алиса просияла широкой улыбкой.

– А там тоже мыть будем?

– Конечно. Вот посуду домою, и там сделаю.

– Ага-ага, а я вытирать буду.

Но тут пришла разрумянившаяся весёлая Женя. И Алиса стала показывать ей находку. Женя тоже удивилась, обрадовалась и похвалила Алису.

– Женя, это под продукты, я думаю.

– Ну да, – радостно согласилась с его догадкой Женя. – Ты молодец, Эркин. А я сразу и не сообразила!

Женя выкладывала на стол покупки и рассказывала. Магазин и Маня с Нюрой ей понравились.

– Сейчас суп поставлю, и на второе, смотри, я макароны купила, и масло.

– Я тогда пока пойду дальнюю комнату вымою, – вклинился в её скороговорку Эркин. – После обеда за одеждой пойдём.

– Хорошо, – после секундного раздумья кивнула Женя. – И тогда там в овощной зайдём, ну и... посмотрим ещё.

Эркин прошёл в комнату, где они сложили вещи, и сменил джинсы на рабские штаны. В ванной налил в ведро воды, сунул туда тряпку. Да, там же не подметали ещё. Сначала, конечно, подмести. Он взял щётку и пошёл в дальнюю комнату. Алиса побежала за ним, тут же вернулась к Жене и снова к нему. Да, в такую игру она ещё не играла!

Выметя обе комнаты, Эркин поинтересовался у Жени, какое ведро считать мусорным.

– Да любое, – откликнулась из кухни Женя и тут же закричала: – Ой нет, Эркин, в этом я бельё вываривать буду!

Эркин высыпал мусор в другое ведро, подумал и подмёл заодно прихожую. Ведро получилось полным. Ну, потом вынесет. Когда с Терентием подъезжали, он заметил большие металлические коробки явно для мусора. А сейчас вымоем обе комнаты, и тогда грязной останется одна кладовка. Но там работы ещё... о-го-го сколько. Эркин закатал до колен штанины, сбросил шлёпанцы, взял ведро с водой и пошлёпал в дальнюю комнату. Что-что, а мыть и натирать паркет он умел. Ещё в питомнике выучили. В дорогах Паласах в воду для мытья добавляли душистики. Чтоб если на полу кому захочется, то, чтоб ей, беляшке, приятно было. Эркин звучно шлёпнул мокрой тряпкой по полу и начал мыть. Паркет исцарапан и грязен, но, если его отмыть, отскоблить и, как следует, натереть... а дощечки здесь тоже уложены узором, но другим, не таким, как там, в Алабаме. Здесь вообще всё другое.

Вымыв маленькую комнату, он перешёл в большую.

– Ой, – ахнула Женя, встав на пороге, – как у тебя здорово получается.

Эркин снизу вверх посмотрел на неё и улыбнулся.

– Я скоро закончу.

– У меня уже всё готово. Знаешь, – Женя перешагнула чрез лужу, присела рядом с ним на корточки и, чтобы не упасть, оперлась рукой о его плечо.

И Эркин замер, мгновенно задохнувшись. А Женя продолжала:

– Пообедаем, и я уложу Алиску спать. Она уже в той комнате всех своих кукол рассадила. Вот пусть это её комната и будет. А рядом спальня. Согласен? – Эркин кивнул. – А здесь, – Женя, не вставая, обвела комнату влюблённым взглядом, – здесь будет гостиная. И столовая. А там... там комната для гостей. Или нет... Ну, придумаем.

– Ага, – наконец смог выдохнуть Эркин.

Женя рассмеялась и встала.

– Хорошо. Я пока вещи разберу, и Алисе всё на сон приготовлю.

Взъерошила Эркину волосы, тут же пригладила их и вышла. Эркин провёл рукой по волосам и понюхал ладонь. Нет, конечно, прикосновение было слишком мимолётным, чтобы запах сохранился. Он вздохнул и стал мыть дальше.

Женя перенесла маленькие табуретки в комнаты и быстро разбирала вещи. Алиса деятельно помогала ей, бегая из комнаты в комнату с вещами.

– А это совсем-совсем моя будет?

– Конечно.

– И я, что хочу, буду здесь делать?

Женя подозрительно посмотрела на Алису.

– А что ты хочешь?

– Ну-у... – перспективы открывались столь радужные, что она растерялась.

– Это будет твоя комната. Ты будешь здесь играть, спать, – Женя улыбнулась. – Будешь сама её убирать. Отнеси это в спальню.

– Ага!

Алиса убежала с охапкой ковбоек Эркина. И тут же вернулась.

– Мам! А Эрик уже руки моет!

– И ты иди руки мыть, – Женя выпрямилась и оглядела результаты их работы. – Сейчас обедать будем.

Она вышла в прихожую. Из большой комнаты приятно пахло свежевывытым полом. В ванной счастливо взвизгнула Алиса. Значит, Эркин, вымыв руки, брызнул в неё водой. Женя засмеялась и громко позвала:

– Эй! Где вы?

Эркин встал на пороге ванной, вытирая руки. Улыбнулся ей.

– Мы готовы.

– Марш на кухню, оба! – очень строго сказала Женя.

Стол она накрыла ещё джексонвиллской клетчатой бело-красной скатертью, и простенькие тарелки смотрелись очень хорошо. Но главное в другом. Это... это их дом, они дома. Женя разлила по тарелкам суп, поставила в центре маленькую тарелку с аккуратно нарезанными ломтиками хлеба. И села к столу.

– Сегодня суп из пакетика.

Эркин быстро вскинул на неё глаза и улыбнулся.

– Очень вкусно, Женя.

Алиса, никогда за едой особо не капризничавшая, а за неделю дороги устала от вечных бутербродов с чаем и ела охотно. Женя облегчённо перевела дыхание. Это Маня посоветовала ей пакетики с суповым концентратом. Засыпать в кипяток, пять минут и готово. В самом деле, удобно.

На второе были макароны с маслом. Пока Алиса мужественно воевала с непослушными, скользкими от масла трубочками, Женя рассказывала Эркину, что именно они сейчас пойдут покупать. Планы насчёт пальто, белья и обуви для Жени Эркин выслушал благосклонно и полностью поддержал, но слова Жени, что ему нужно тёплое бельё, такой поддержки не вызвали.

– Женя, я поверх джинсов рабские штаны надену, а куртка у меня тёплая.

Но Женя пресекла это безошибочным ударом:

– Если ты простудишься и заболеешь, мне легче от этого не станет.

Эркин вздохнул и пробурчал по-английски:

– Слушаюсь, мэм.

Женя собрала тарелки и сложила их в раковину.

– А на третье кисель, – и улыбнулась. – Тоже из пакетика.

Розовый, непонятно-сладкого запаха и вкуса, густой кисель был так же одобрен. К киселю Алиса получила печенье.

– Мам, а сейчас что? – Алиса допила свою чашку и с сонным благодушием откинулась на спинку стула.

– А сейчас ты ляжешь спать, а мы пойдём в магазин за покупками.

Алиса хотела спать и потому спорить не стала. Сползла со стула и побрела в уборную. Пока она управлялась в уборной и в ванной – что после уборной надо мыть руки, Алиса знала,

сколько себя помнила – Женя перенесла в её комнату перину, подушку и одеяло и соорудила Алисе постель, хорошо, что постельное бельё они сохранили.

Когда Алиса переоделась и легла, Женя поцеловала её в щёку.

– Спи, зайчик.

– А я проснусь, вы уже придёте? – уточнила, закрывая глаза, Алиса.

– Не знаю, – честно ответила Женя.

– Ну, ладно, – согласилась Алиса.

Женя ещё раз поцеловала её и вышла в прихожую. Эркин, уже одетый, застёгивал куртку.

– Я мусор пока вынесу, хорошо?

Разумеется, её согласие ничего не меняло, но она кивнула. Эркин улыбнулся ей, взял наполненное ведро и вышел. А Женя пошла на кухню. И когда Эркин успел посуду помыть? Она вытерла тарелки и чашки и убрала их в шкафчик. Кастрюля из-под супа пусть сохнет, киселя немного осталось, Алиса после сна выпьет, а макароны... О, макароны под окно. Как удобно! Ну вот, плита убрана, можно опустить крышку и выключить газ, чтобы Алиса не дотянулась. Чайник на шкафчике, на столе скатерть... кухня уже жилая.

– Женя...

Она вздрогнула и обернулась. Эркин стоял в дверях и смотрел на неё, так смотрел... Жене захотелось спросить его, верит ли он, что всё это взаправду, а не во сне... но вместо этого она сказала:

– Да, сейчас. Сейчас пойдём.

Эркин посторонился, пропуская её. И по-прежнему молча смотрел, как она одевается.

– Ну вот, я и готова, – улыбнулась Женя.

Пред уходом она ещё раз заглянула к Алисе, убедилась, что та спит.

– Знаешь, давай оставим свет в прихожей. Вдруг мы задержимся.

Эркин кивнул и, выходя из квартиры, щёлкнул выключателем.

И снова они идут по заснеженной улице, и он держит Женю под руку, и Женя смеётся, прикрывая рот красной варежкой, и от её смеха он уже не чувствует ни холода, ни усталости, ни страха перед завтрашним днём.

Про Торговые Ряды Женя услышала ещё вчера от Клавдии, а Маня с Нюрой ей объяснили дорогу.

– Сначала купим тебе.

– Нет, – твёрдо сказал Эркин.

– Да, – столь же твёрдо сказала Женя. И засмеялась. – Я же дольше выбирать буду.

Торговые Ряды оказались длинным трёхэтажным зданием с массой дверей. Несмотря на светлое время, внутри горели лампы, толпились и сновали во всех направлениях люди, множество голосов сливалось в ровный гул. И, как и в Новозыбкове, Женя нырнула в эту круговорот людей, огня и товаров, а Эркин только следовал за ней, опасаясь потерять из виду. Женя была в том состоянии, когда она уже никаких возражений не терпела, и потому Эркин молчал. Хотя его и не спрашивали. Его только предъявили продавщице, чтобы разобраться в размерах. И две пары тёплого, из трикотажа с начёсом, мужского белья перекочевали с полки за прилавком в сумку Жени. И ещё носки. Тоньше новозыбковских, но тоже тёплые. Женя купила сразу четыре пары. И стала прицениваться к свитеру. Но Эркин, поглядел в на цену – восемьдесят рублей! – и взбунтовался. Конечно, его бунт ничего не решал, но у Жени возникли сомнения насчёт размера, и вместо свитера она купила ему тёплых рубашек. Тоже четыре.

– Теперь тебе, – твёрдо сказал Эркин.

Лицемерно вздохнув, Женя уступила.

Второй этаж так и назывался: «Всё для женщин». И здесь было действительно всё.

– Сначала обувь, – сказала Женя.

И это решение было тут же одобрено. Внизу Эркин вынужденно не спорил, а здесь он соглашался и поддерживал. И кожаные сапоги на меху высмотрел он, когда Женя ещё не могла отойти от витрины с нарядными туфлями.

– Женя, – позвал Эркин. – Посмотри.

Женя подошла, посмотрела и ахнула.

– Эркин, сто двадцать рублей!

– Ну, так мех же. Натуральный, – сказала продавщица. – Как в печке ноги будут.

– Я только примерю, – не выдержала искушения Женя.

И зашла за барьерчик. Села на низкую, обтянутую дерматином банкетку. Продавщица подала ей сапоги. Женя сняла черевички и обулась. Мех приятно щекотал через чулки, голенища закрывали икры, а коричневая матово блестящая кожа была мягкой. Женя встала, осторожно переступила на коврик.

– Не жмут? – спросила Эркин.

– Нет, – вздохнула Женя.

Конечно, это ей не по карману, но она медлила, растягивая удовольствие. Потом села и... а черевички её где? Она растерянно оглянулась и увидела расплывшуюся в улыбке физиономию Эркина.

– Эркин, черевички у тебя? Отдай.

– А зачем? Оставайся в сапогах.

Рассмеялась и продавщица, подавая Эркину аккуратный свёрток. Женя растерянно заморгала.

– Ты что? Эркин, ты?..

– Пойдём дальше, или ты ещё пару возьмёшь? – очень серьёзно спросил Эркин.

Женя наконец рассмеялась.

– Так ты уже заплатил? Ну, Эркин...

Эркин счастливо улыбнулся. Всё, с обувью у Жени решено. Эти сапоги, да ещё валенки... Улыбалась, глядя на него, и Женя.

– Какой же ты молодец, Эркин.

Она сказала это совсем тихо, но он услышал. И ничего больше ему не надо.

Тёплые чулки, рейтузы, бельё... Женя выбирала вещи не спеша, со вкусом. Сумку теперь держал Эркин, и она всё тяжелела и тяжелела.

– Ну вот, а теперь...

– А теперь пальто, – решительно сказал Эркин.

И Женя кивнула.

То ли она устала от непривычки – никогда не покупала столько и сразу – то ли выбор был не особо велик, но тёмно-синее пальто с чёрным воротником из меха таинственного зверя цигейки – Женя тоже не знала, что это за зверь, а продавщицу спрашивать о таких пустяках не стали – первое, которое примерила Женя, они и купили. И, как и с сапогами, Женя осталась в нём, а её старое ей тут же упаковали.

– Ну вот, – вздохнула Женя. – Теперь домой.

– Ты ещё платье хотела, – напомнил Эркин.

– Нет, – мотнула головой Женя. – Не всё сразу. И домой пора. И нам ещё надо и по хозяйству, и на ужин, и на завтра еды купить.

Она пошла к выходу, старательно не глядя на витрины. Эркин нёс следом свёрток с её старым пальто и разбухшую сумку с остальными покупками. На душе у него полегчало: теперь-то Женя не замёрзнет.

Внизу на первом этаже они ещё заглянули в отдел игрушек, где Женя купила пёструю яркую коробку со странным названием «мозаика». Что это за игрушка, Эркин не понял, но спрашивать не стал. Конечно, в игрушках Женя разбирается куда лучше него.

А на улице были уже сумерки, и не серые, а синие, почти вечер. Женя попыталась отобрать у Эркина сумку, но безуспешно. И она теперь просто шла рядом с ним. В новеньком пальто, в сапогах...

– Они удобные, Женя? – спросил Эркин.

– Да, – улыбнулась Женя. – И такие тёплые. Знаешь, тебе ведь тоже нужно пальто.

– Это успеется, – спокойно ответил Эркин.

Да, здесь не знают, что его куртка рабская, и многие ходят в таких же, но... да, нужно, но успеется. И самому себе не признавался, что не пальто хочет, а полушубок, но это ж совсем сумасшедшие деньги. Нет, куртка у него тёплая, и на работу ходить вполне сгодится, а полушубок – это уже баловство, форс. Но... ладно, и думать нечего. Надо дом делать. Они только самое нужное купили, и уже тысячи нет, да, тысячи. А ещё есть надо, если они из ссуды на еду тратить будут, то ведь проедят, проесть любые деньги можно. И не есть нельзя.

– Эркин, подожди, давай сюда зайдём.

В этом магазине Женя набрала целую сумку всякой кухонной мелочи. Сумку тоже пришлось купить. Хотя... чайник для заварки, сахарница, подставка для горячего, клеёнка, занавес для душа, тёрка, две разделочные доски... всё ж нужное.

– Ну вот, теперь ещё только к Мане зайдём, купим на ужин и тебе на завтра с собой.

Женя пылливо посмотрела в его лицо.

– Всё будет хорошо, Эркин. Теперь-то всё будет хорошо.

– Да, – кивнул он и улыбнулся. – Да, Женя.

Домой они пришли в полной темноте. И Женя уже беспокоилась: как там Алиса? Но Алиса была на высоте. Проснулась, переоделась, выпила оставленный ей в чашке на столе кисель и играла со Спотти, Линдой и Мисс Розы в прятки. Они прятались, а Алиса и Дрыгалка их искали.

Выслушав полный отчёт, Женя показала Алисе покупки. Мозаика, конечно, яркая и красивая, но на кухне и в ванной, где Эрик вешал занавес вокруг душа, тоже было очень интересно, даже интереснее. И мама согласилась, что мозаикой они все вместе займутся после ужина.

Занавес повесить не удалось. Трубка держалась еле-еле, а её надо снять, надеть кольца и опять закрепить. А как это сделать... непонятно.

– Женя, я к Виктору схожу, спрошу у него, – крикнул Эркин на кухню.

Алиса уцепилась за его руку, явно не собираясь отпускать куда-либо одного. Она уже давно слышала в коридоре детские голоса и смех и жаждала если не присоединиться, то хотя бы посмотреть. Женя не стала спорить, но заставила её надеть ботики, пальто и шапочку. Хоть идут по соседям, но всё равно.

Эркин ограничился тем, что опустил закатанные рукава ковбойки и заменил шлёпанцы сапогами на босу ногу.

Их не было долго. Так долго, что Женя начала беспокоиться. И уже собиралась отправляться на поиски, когда они вернулись. Алиса была очень довольна походом, а Эркин сразу и хмур, и доволен. Всё объяснилось очень просто.

Виктор сегодня в ночную смену, и они, конечно, извинились и сразу ушли, но тут же, прямо в коридоре, познакомились с Антоном из шестидесят четвёртой и пошли к нему. И пока Антон и его жена Татьяна показывали, что и как у них устроено, Алиса поиграла с их мальчишками. А вообще-то все дети сейчас в коридоре.

– Да, они там играют, – поддержала Алиса. – Мам, а я?

Женя вопросительно посмотрела на Эркина.

– Ну как, разрешим до ужина?

Помедлив, Эркин кивнул, и Алиса с радостным воплем вылетела наружу. Женя засмеялась и посмотрела на Эркина.

– Что-то ещё? Эркин?

– Да нет, понимаешь, Женя, я посмотрел... у них, конечно, – Эркин вздохнул, – полочки всякие всюду, ещё там...

– Ничего, – улыбнулась Женя. – Со временем всё сделаем. Смотри, за сегодня сколько накопили всего. Детей у них много?

– Трое, – улыбнулся Эркин. – И все мальчишки.

– Алису они не обижали?

Эркин удивлённо посмотрел на неё, и Женя рассмеялась его удивлению.

– Ладно, я сейчас со стиркой закончу...

– А я, – подхватил Эркин, – вот что подумал. Пока шкафа нет, может, и в комнате гвозди набить? Ну, повесить, чтоб на полу не лежало.

Женя вздохнула.

– Дырки в стене останутся.

– Будем обои менять и заклеим.

– Ладно, – кивнула Женя. – Наверное действительно пока так сделаем. Но, знаешь, нет, вешать лучше на плечиках. А за гвоздь их не зацепишь.

Эркин хмуро кивнул.

– Вот я и подумал, сколько ещё всего нужно... – и тряхнул головой. – Ладно. Пойду, остальные двери подтяну.

Он ещё вчера осмотрел все двери. В общем-то, они держались, только кое-где надо было подтянуть шурупы.

По всей квартире горел свет, в ванной булькала и плескалась вода, из коридора смутно доносился детский гомон...

Эркин аккуратно ввинчивал вышедший из паза шуруп, предварительно капнув на резьбу клеем. А двери хорошие, прочные. Но тоже надо красить. Значит, надо будет купить обои, краску, да, клей для обоев, а для пола мастику. И что же делать с этим пятном? Ну, надо же быть такими идиотами, чтобы в квартире костёр разводить. Как ещё не сожгли здесь всё напрочь. Ну, дураки, ну... дикари, точно. Привыкли, видно, в резервации где спят, там и гадить, и здесь решили так же. Но ему-то что теперь с этим делать? Ладно, обожжённые дощечки он выломает, а... а потом что? Это не косяк, здесь латку из чурбака не вырубишь. Когда-то, ещё в питомнике, он видел, как меняли паркет. Впервые увидел тогда белых за работой. Посмотреть не дали, надзиратели живо их всех по камерам разогнали, но он запомнил, что клали дощечки не подряд, а с выбором, подбирая. И что-то ещё делали перед укладкой. Ну... ладно, что-нибудь да придумает. В крайнем случае... а... а они ковёр купят и положат! И красиво, и удобно, и пятна не видно.

Эта мысль ему так понравилась, что он пошёл к Жене.

Женя уже закончила стирку и развешивала вещи на сушке.

– К утру высохнет, – встретила она Эркина. – Пойдёшь в чистом.

– Ага, – Эркин снял с трубы свои ещё мокрые джинсы, с силой растянул их в длину, каждую штанину по отдельности, потом уже вместе и повесил обратно. – Женя, спасибо. Я вот что придумал. Там, в большой комнате, пол попорчен. Так, если я не смогу поправить, давай купим ковёр и положим.

– Ковёр, конечно, хорошо, – кивнула Женя. – Но лучше поищем паркетчика. А потом ковёр.

Эркин вздохнул.

– Был бы я... сам бы и сделал.

Женя погладила его по плечу.

– Ничего, Эркин. Всё будет хорошо.

Эркин перехватил её руку, прижал на мгновение к губам и отпустил.

– Да, всё будет хорошо. Спасибо, Женя.

Женя улыбнулась.

– Ничего. Давай, я сейчас макароны разогрею и чай. Ужинать пора.

Эркин кивнул.

– Звать Алису?

– Ну да.

Женя побежала на кухню, а Эркин вышел в коридор. Толпа детворы с визгом носилась, гоняясь непонятно за кем. Когда они пробежали мимо него, Эркин шагнул навстречу и выхватил из общей толпы Алису.

– Ой! Уже всё?! Эрик, я его только осалю ещё раз и всё, а?

Может, он бы и отпустил её, но уже и из других дверей звали или тоже выходили и ловили детей.

– Вот и всё, – понимающе кивнула Алиса и звонко крикнула: – Всем до завтра, я домой!

– И тебе до завтра, – рассмеялась невысокая женщина с такими короткими волосами, будто её недавно обрили наголо. Она вела за руки двух таких же обритых наголо малышей, ровесников Алисы.

– Это Тошка и Тонька, – объяснила Эркину Алиса. – А это их мамка, – и уже им: – А это Эрик.

– Ну, будем знакомы, – женщина смотрела на Эркина широко раскрытыми серо-зелёными глазами. – Когда приехали-то?

– Вчера, – вежливо улыбнулся Эркин. – Рад познакомиться. Вы в какой?

– Восьмидесятой. А вы?

– В семьдесят седьмой.

Вместе они прошли до двери с двумя семёрками, вежливо попрощались, и Тошку с Тонькой повели дальше, а Эркин с Алисой вошли в квартиру.

Женя встретила их возгласом:

– Ужин на столе. Алиса, мыться!

– Я руками ни за что не хваталась, – на всякий случай уточнила Алиса, снимая пальто.

– Перед едой руки всегда моют, ты забыла?

– Ла-адно, – вздохнула Алиса, отправляясь в ванную.

Женя улыбнулась Эркину.

– Долго звал?

– А я и не звал, – хитро улыбнулся Эркин. – Я её поймал.

И Женя так звонко, так весело рассмеялась, что у него совсем отлегло от сердца. Как же они хорошо сделали, что уехали!

На столе вместо скатерти лежала новая клеёнка, блестящая, белая, вся в мелких красных розочках. Женя разложила макароны, поставила тарелку с бутербродами с колбасой, тарелку с печеньем и чашки с чаем.

– Алиса, не хватай руками, у тебя вилка есть.

– Они скользкие, – возразила Алиса, пытаясь засунуть зубец вилки внутрь макаронины.

– Алиса! – повторила чуть строже Женя. – Не балуйся. Эркин, мне много столько, возьми себе половину.

– И мне много, – тут же подхватила Алиса.

– А я уже сыт, – ответил им обоим Эркин, отодвигая пустую тарелку и берясь за чай.

– Тогда ещё бутерброд возьми, – не отступила Женя.

Со своего места Эркин увидел стоящую на подоконнике открытку.

– Женя, а что это за чайник такой странный?

Женя на мгновение оглянулась.

– А? Это не чайник, а самовар.

О самоваре Эркин в лагере слышал, но даже на картинке видел впервые. Интонация Жени заставила его предложить:

– Женя, давай купим такой.

И по её мечтательной улыбке понял, что угадал. Но Женя тут же вздохнула.

– Не сейчас. Это уже роскошь, Эркин.

Эркин кивнул. Роскошь – так роскошь. Но когда-нибудь купят. Он пил не спеша, наслаждаясь каждым глотком. У Жени совсем особенный чай получается. А вон на шкафчике знакомая жестяная банка, это он у Роулинга покупал. Тоже хороший был чай. Когда тот кончился, Женя так и оставила жестянку для чая и, значит, взяла с собой. Тоже... память. О перегоне, Андрее и... он вовремя остановил себя.

Алиса наконец справилась с макаронами и пила чай.

– Мам, а мозаику когда будем смотреть?

– Когда чай выпьешь. Эркин, бери ещё печенья.

Эркин молча покачал головой. Странно, ведь ничего он сегодня не делал, а устал. Или нет? Но отчего-то ему не хочется ни шевелиться, ни говорить. Даже думать о том, что ещё купить и сделать, не хочется. А хочется вот так сидеть и смотреть. На Женю, Алису, на отражающуюся в чёрном стекле лампочку... Тихо, тепло. И очень спокойно. И они наконец одни. Он вздохнул и потёр лицо ладонями.

– Устал? – тихо спросила Женя.

– Нет, – он улыбнулся ей. – Нет, всё в порядке, Женя.

Алиса допила чай и отодвинула чашку.

– Мам, ну, теперь мозаику можно?

– Сейчас я уберу, вытру стол и посмотрим.

Женя встала, собирая посуду. Быстро вымыла, вытерла и убрала в шкафчик. Вытерла стол.

– Ну, что же ты, Алиса? Неси мозаику.

– Ага!

Алиса сползла со стула и побежала в свою комнату. Женя улыбнулась Эркину, и он сразу ответил ей улыбкой.

– Эрик, – Алиса поставила на стол коробку, – а ты умеешь играть в мозаику?

– Нет, – Эркин с интересом рассматривал яркие, но какие-то странные картинки, пластмассовую доску, всю в дырочках и разноцветные тоже пластмассовые... как гвоздики, но с тупыми короткими стерженьками и гранёными шестиугольными шляпками. И... понятно, их надо вставлять в эти дырочки, и тогда получится картинка.

Алиса залезла коленями на стул и навалилась грудью и животом на стол. К изумлению Жени, Эркин с не меньшим интересом и азартом старался выложить цветок. «Ну да, – поняла она вдруг, – для него это тоже... в первый раз». У него же никогда не было игрушек. Господи, он не притворяется, он вообще не умеет притворяться, он в самом деле сейчас как ровесник Алисе, господи, ну, мальчишка совсем.

Женя дала им ещё немного поиграть и, когда Алиса стала путать цвета и не попадать в нужную ячейку, сказала:

– Алиса, спать пора.

– Ага-а, – согласилась Алиса и отправилась исполнять вечерний ритуал.

Эркин собирал разбросанные по столу разноцветные «гвоздики» и улыбался. А встретившись с Женей глазами, смущённо сказал:

– Знаешь, я... я никогда не думал, что это так... интересно. Я даже не знал об этом.

Разложил всё по местам и закрыл коробку. В кухню заглянула Алиса.

– Эрик, ты не будешь без меня играть?

– Нет, – улыбнулся Эркин и протянул ей коробку. – Не буду.

– Да, – кивнула Женя и встала. – Правильно, ты все игрушки убрала? Тогда давай ложиться.

Они вышли. Эркин встал, оглядел кухню и пошёл в ванную. Обмыться на ночь. И... и он попросту тянул время, боясь остаться с Женей один на один. Вдруг... вдруг она не захочет, чтобы он был рядом, вспомнит тех сволочей и испугается, закричит, нет, даже не в этом дело, просто вспомнит. И тогда... что тогда с ними со всеми будет, если Женя, вспомнив, не захочет больше жить. После «трамвая» жить не хотят. И виной этому он. Всё, что случилось с Женей, это из-за него. Это он дважды упустил ту гниду, и тот донёс на Женю. Если б тогда, в том парке, придавил бы гнусняка, ничего бы с Женей в Хэллоуин не случилось. Только чего теперь об этом? Сделанного не воротишь. И несделанного тоже.

Он вымылся под душем, вытерся. Снова надел рабские штаны и рубашку. Больше тянуть уже нечего. Эркин прерывисто вздохнул и вышел из ванной. Всюду свет погашен. Только в комнате, которую Женя назначила их спальней, горит свет, а дверь в прихожую открыта. В комнату Алисы тоже, но там темно. И Женя в халатике, из-под которого видна ночная рубашка, идёт ему навстречу.

– Я уже постелила. Ты ложись, я сейчас.

Он посторонился, пропуская её в ванную. Передышка, он получил передышку. Он ляжет первым, и тогда... ну, конечно, он ляжет и притворится спящим, и Женя не испугается. А он... он не шевельнётся. Нужно только сразу лечь поудобнее, чтобы потом не ворочаться.

Эркин вошёл в спальню, быстро привычным движением скинул рубашку и штаны. На полу широкая перина, две подушки, такое же широкое одеяло. Углы откинута, приглашая ложиться. Он лёг, накрылся своей половинкой одеяла, вытянулся на спине, привычно закинув руки за голову, и закрыл глаза. Лежал и слушал. Вот Женя вышла, заглянула к Алисе, входит в комнату, щелчок выключателя, шелест ткани – Женя сняла халатик и... и только тут он сообразил, что лежит голым, что... что же он, дурак такой, наделал? Совсем забыл, что трусы снял, когда мылся, и бросил в ведро для грязного белья, но... но и шевелиться поздно, Женя уже ложится.

– Спокойной ночи, милый.

Он промолчал, будто спит. И, когда ощутил, что Женя спит, перевёл дыхание. Обошлось! Женя не вспомнила. Ну, и хорошо. А теперь – спать. Завтра ему на работу. А это что? Как... стрёкот какой-то. И тут же сообразил, что это маленький будильник Жени. Она поставила его на пол у изголовья. Ну, всё, можно спать. Осторожно, чтобы не задеть Женю, он распустил мышцы...

Женя слышала его ровное сонное дыхание. Как же он устал. Лёг и сразу уснул. То от одного её взгляда просыпался, а сегодня даже на голос не откликнулся. Женя улыбнулась, сворачиваясь клубком и подсовывая угол одеяла под щёку. Пусть спит. Ей хотелось повернуться к нему, поцеловать. Но нет, пусть спокойно спит. Завтра рано вставать. Ему надо выспаться. И как бы Алиса не испугалась: она же никогда одна не спала. Ну, ничего, двери все открыты, если что, услышит и подойдёт к ней. Женя успокоено вздохнула. Ничего. Теперь-то уж всё будет хорошо.

Тетрадь пятьдесят вторая

Россия

Ополье

Турово

Чолли колол дрова. Ставил чурбак, взмахивал топором и всаживал его в дерево, разваливая чурбак пополам. И каждый раз, выпрямляясь для очередного замаха, видел в окне мордашки Мишки и Светки. Смотрят, не отрываются. Папка дрова колет. Поленья разлетались, блестя чистой белой древесиной. Хорошие дрова, сухие, и разлетаются со звоном. Белая кора хороша на растопку. Ему сказали: это берёза. Бе-рё-за. Русское дерево. Позади кошмар дороги. Нет, он понимает, что для них сделали всё возможное. Дали пайки, на больших пересадках горячий обед по талонам. В вагонах было тепло. Ни ему, ни Найси, тьфу ты, Насте, конечно, никто слова плохого не сказал. Мишку и Светку угощали конфетами. И всё равно. Ехал и трясся. С каждым днём всё холоднее, а ни у Насти, ни у детей ничего тёплого нет. И не купишь. Обменяли ему на границе его крохи. Три рубля сорок восемь копеек. Сейчас смешно: как раз на бутылку водки, а тогда... два рубля ушли в дороге. Дважды брал постель для Насти с детьми. А сам спал, как был. Сапоги под голову, курткой укрылся... Ну, и приехали, рубль с мелочью в кармане, на улице метель, а им ещё до Турова добираться. Сидели в Комитете и ждали, пока до Турова дозвонятся: подтверждают ли те заявку. Страшно было подумать, что может сорваться. Но... пронесло. Подтвердили. И тут сказали, что на Турово автобус идёт. И билеты – рубль пятьдесят. Хорошо, две копейки кондуктор одолжил.

Чолли поставил очередной чурбак, оглядел его. Да, с этим повоозишься.

– Бог в помощь, – окликнули его из-за забора.

Чолли оглянулся. А! Это Николай. Они в одной бригаде, и дома по соседству.

– Спасибо.

– Хорошие дрова?

– Во! – Чолли показал Николаю оттопыренный большой палец и развалил чурбак. Сам не ждал, что получится с одного удара.

– Ловко, – одобрил Николай.

– Топор хороший, – Чолли старательно выговаривал русские слова.

Он положил топор на колоду для колки и стал собирать поленья. Из дома выбежала Настя и стала помогать ему. Без куртки, в одном платке на плечах.

– Брысь в дом! – рявкнул на неё Чолли по-английски. – Грудь застудишь!

Настя подхватила охапку поленьев потоньше и убежала в дом. У печки должен запас лежать. Это она ещё с Алабами помнила, где зимой достаточно намучилась с собранными в парке сырыми сучьями.

Чолли уложил поленницу, натянул на неё чёрную жёсткую ткань и прижал жердями. Все здесь так делают, но надо бы и навес поставить. Подобрал все щепки и пошёл в дом, захватив по дороге топор. Хорош русский, да, правильно, потому и колун, что для колки дров, а для всего другого и топор другой, он уже договорился, что сделают ему с местной особой заточкой. Мишка и Светка исчезли из окна. Встречать побежали – усмехнулся Чолли.

И вправду, не успел он порог в кухню переступить, как они с визгом ткнулись ему в ноги.
– К-куда! – остановил он их по-русски. – Я с холода.

Настя взяла у него щепки, положила к лучинкам.

– Раздевайся. Обедать.

Настя тоже старалась говорить больше по-русски. И получалось у неё неплохо. Всё-таки не впустую они в лагере просидели.

Чолли расстегнул и повесил на гвоздь у двери куртку, стащил сапоги и смотал портянки. Обычно Настя разувала его. Так у них повелось с того далекого дня, когда Настя, а тогда ещё Найси, в первый раз встречала его с работы. Он вошёл и сел на кровать. Просто перевести дыхание. Хозяйская работа отнимала все силы, и он привык, приходя домой, посидеть, а то и полежать, свесив ноги, и только потом, чуть отойдя от усталости, разводить в камине огонь и варить себе кофе и кашу. Но огонь уже горел, и каша булькала в котелке. Он и не понял сначала, зачем Найси села перед ним на полу, когда она вдруг потянула с него сапог. Он дёрнулся, а она сказала:

– Ты же мой муж.

Так и повелось. И здесь Настя делала так же. Но это вечером, а сейчас он пришёл на обед. Ему ещё идти работать. Так что... Чолли пошевелил пальцами ног и босиком пошёл к рукомойнику. Рядом висит полотенце. Холщовое, обшитое по краям красной тканью. Подарили. Им всё тут подарили. Ничего же у них не было. И денег нет. За ссудой он только завтра поедет. И тогда расплатится. За дрова, постели, картошку, крупу, мясо, молоко... всё это он же в долг взял. А ещё купит себе и Насте тёплой одежды, посуды, белья... ссуду обещали большую. И на человека и ещё семейных, всего, да и не сосчитать так сразу. И получается... С ума сойти! Он потому и договорился поехать с другими мужчинами. У них в городе свои дела, но главное – обротно вместе, а то с такими деньгами в одиночку и страшновато.

Мишка и Светка чинно ходили за ним по пятам, но, как только он сел за стол, полезли к нему на колени. Настя поставила перед ним миску с густым супом из мяса и капусты и согнала детей.

– Отец ест. Не мешайте.

Чолли взял лежавшую на столе буханку, отрезал себе ломоть и поднял на Настю глаза.

– А ты? Ела? А они?

– Кормила я их. Всех накормила, – улыбнулась Настя.

– Себе налей, – строго сказал Чолли.

Настя послушно принесла и себе полную миску и села напротив. Малыши, получив по куску хлеба, вгрызались в тёмную ноздреватую мякоть, а Настя ела и рассказывала Чолли, что заходила Макарьиха, принесла Паше одеяльце. Красивое, из треугольников сшитое, и вот, показала, как «щи в печке томить», правда, вкусно? Чолли кивнул. Макарьиху, высокую худую старуху, он уже знал. Из её шести сыновей с войны вернулся только один и больным. Что там у него Чолли из разговоров не понял, но тот мог есть только тёплое жидкое и понемногу, но часто. Так что Макарьиха носила сыну еду прямо в конюшню. И вот, значит, к Насте забежала. Ну, Настя добрая и улыбчивая, местным понравилась, вот ходят, учат. Печь – не камин, и вообще... Нет, жаловаться грех. Приняли их... лучше и не бывает, и не надо. Сразу дали дом. Не дом, а домина, на два этажа, а ещё подпол и чердак. Дескать, вас уже пятеро, а сколько ещё будет? Чтоб ни сейчас, ни потом не тесниться. И они ещё стояли в кухне, озирались, не веря, что это их дом, как постучали. Дрова им привезли. Трое саней аккуратных чурбаков, только поколоть нужно, и отдельно сани уже поленьев, чтоб сразу затопить. Он не знал, что и сказать, куда их сложить. И закрутилось... А ведь когда вышли из того автобуса и зашли в контору к директору, он поглядел, и таким страхом обдало, как увидел эти холодные глаза, чисто выбритое лицо. «Ну, всё, – подумал, – опять попал к такому же». А оказалось...

Чолли доел и вытер миску остатком хлеба.

- Сейчас каши положу, – вскочила Настя.
- Нам! – подала голос Светка.
- И им положи, – кивнул Чолли и улыбнулся.

Были такие тихие, а теперь горластыми стали, не боятся никого. Заходит когда кто, так не прячутся, а ведь соседи все белые.

Каша масляная, жирная. И крупа хоть и тёмная, но чистая. Как её здесь зовут?

- Гречка? – спросил он, проверяя себя.
- Ага, – кивнула Настя. – Чолли, долг большой у нас?
- Ссуду получу и расплачусь, – он сосредоточенно посмотрел на евших из одной миски малышей. – Масло откуда? Купила?

Настя робко кивнула.

- Привезли сегодня. Все брали, ну и я...
- Под запись?
- Ага. Чолли, ты завтра в город поедешь?
- Да. С Николаем, и ещё там мужики собираются. На автобусе.
- А мы? – вдруг спросил Мишка.
- Малы ещё в город ездить, – отрезала Настя. – Ложками ешьте, ишь лапы в миску суют. С ложками у малышей получалось плохо, и они помогали себе руками.
- Покупать там ничего не буду, – Чолли доел кашу и уже только для порядка и по привычке вытер миску хлебом и кинул его в рот. – Всё домой привезу. И так...

Он не договорил, но Настя кивнула. В поселковом магазине им открыли запись. Берёшь, тебе записывают, а потом платишь. Они уже столько набрали и ни копейки не заплатили, а нужно-то ещё больше. Хорошо ещё, что им надали всякого. И в лагере, и здесь. Ухват вот, кочергу, полотенце, половичок у кровати, колыбель для Паши... Дом совсем пустой был. Если кто и жил здесь раньше, то после прежних жильцов ничего не осталось. И купили, опять же под запись, шапку и бурки Чолли. Да ещё ему рабочую одежду выдали. Куртку и штаны, ватные, тёплые. И всё новенькое, куда лучше собственных. Настя поставила на стол кувшин и налила молока.

- Тебе-то хватает? – недоверчиво спросил Чолли.
- У меня своего хоть залейся, – засмеялась Настя. – Паша вон плюётся от всего, так насыщается. Тяжеленный стал.

Чолли допил молоко и встал. Подошёл к колыбели. Толстощёкий малыш спал, смешно шевеля во сне пухлыми, как у Насти, губами.

- Ну, пусть спит, – решил Чолли. – Вечером приду, – и щегольнул новым словом, – потешкаю.

Настя подала ему носки и портянки, и когда она только успела их на печке пристроить, и вот уже сухие, тёплые, надеть приятно. Чолли натянул опять сапоги – ему сейчас конюшню мыть и чистить, нечего бурки мочить, в них он завтра в город поедет – натянул куртку. Тоже свою старую рабскую. Настя подала ему ушанку и прогретые на печке рукавицы. И проводила до дверей. Дальше её Чолли не пустил: холодно.

Плотно закрыв за собой дверь, Чолли прошёл сенями и вышел на крыльцо. Опять ветер со снегом. Крутит и крутит. Могут завтра автобус отменить, если дорогу занесёт. Тогда он опять в город не попадёт. Хреново.

Чолли спешил, но не смог не оглянуться на свой дом и не махнуть видневшимся в окне лицам. Там, в Алабаме, Найси, провожая его на работу, стояла в дверях и смотрела вслед, пока он не скрывался за деревьями, но здесь холодно.

Его догоняли и обгоняли такие же, как он, ходившие домой обедать. Многих он уже знал в лицо, а свою бригаду и по именам. Да, его взяли конюшненным рабочим, до конюха ему ещё далеко, кони здесь... не чета тем, алабамским. Впервые увидев этих золотистых красавцев, он

застыл с раскрытым ртом, забыв обо всём, даже о Насте с детьми. Вышел тогда из конторы, увидел и обмер. И понял, что отсюда не уйдёт, на всё согласится, лишь бы видеть их, работать с ними. Самым красивым, ладным конём считал Байрона, а Байрон – кляча уродская рядом с этими, а о других и говорить нечего. И директор понял его, стоял и курил, не торопя. Сам потом отвёл их в дом и сказал, что это их дом, весь, целиком, с подворьем. И глаза у директора были уже не холодные, а нормальные синие глаза.

Войдя в тёплую, пахнущую конским духом конюшню, Чолли заглянул к своему любимцу – Раскату. Погладить, сунуть посоленную корку. Ходил за Раскатом конюх из другой бригады, и Чолли общался с Раскатом урывками и украдкой, чтоб не нарваться, по старой памяти, как хозяин издевался над ним, заметив привязанность к какой-то из лошадей. Раскат уже узнавал его, приветствовал тихим ласковым ржанием, угощение брал вежливо, не из жадности, а из удовольствия.

Чолли кормил Раската, когда конь вдруг настороженно дёрнул ухом. Чолли вздрогнул и обернулся. Но это был Степан из его бригады.

– Я сейчас, – сказал ему Чолли.

Степан внимательно посмотрел на него, на Раската. Покачал головой и молча ушёл. Чолли похлопал Раската на прощание по шее и побежал в своё крыло. Отлынивать от работы он никогда не отлынивал, а уж здесь-то... к тебе по-человечески, так и ты будь человеком.

Работая, он то и дело ловил на себе взгляд Степана, взгляд непонятный и потому тревожный. Или здесь вовсе нельзя в чужое крыло заходить? Ну, пожалуется Степан на него бригадиру, так тот наложит вычет, не выгонят же за это? За пьянку выгоняют сразу, это ему в первый же день объяснили, а об этом ничего не говорили. Но, всё больше беспокоясь, он продолжал работать. На перекур, правда, пошёл со всеми, но Степан его окликнул:

– Чолли!

– Чего? – обернулся он.

Степан всегда говорил медленно, с расстановкой, а сейчас, когда вдруг, к изумлению Чолли, перешёл на английский, то пауз было больше, чем слов.

– Я видел... как Раскат к тебе... Раскат... на тебя... глаз положил... По душе ты ему... Туровец если... душой... к кому... прилепится... под другим... ходить не будет... Твой он теперь... Его... директору делают... а он твой...

Чолли мгновенно понял, во что вляпался, и похолодел. За это точно выгонят.

– И что мне делать? – глухо спросил он Степана.

– Не ходи к нему... может... и забудет.

Чолли угрюмо кивнул. Степан ушёл, и он снова, не дожидаясь бригадира, взялся за работу. Ну... ну, не мог же он знать этого. И ничем Раскат не лучше других, и... и он просто шёл мимо, и как в душу ему этот конь посмотрел. И вот... вляпался. Байрон тоже хозяйским был, он потому и чистил, и убирал его с особым тщанием, так это он свою спину от плети оберегал, а душа у него к Байрону не лежала. И здесь. Все хороши, все на загляденье, а Раскат... на особицу. Но ладно. Оторвать от сердца и не вспоминать, чтоб не саднило. В первый раз ему, что ли...

Он доработал и вместе со всеми ушёл из конюшни, даже не поглядев в сторону другого крыла.

На улице уже смеркалось. Ветер и снег утихли, значит, автобус будет.

– Значит, как договорились с утра.

– Ну да.

– Смотри, не просп.

– С молодой-то женой, да...

– Не опаздывай, водила ждать не будет.

– Ну да, у него график.

Так, перекликаясь и переговариваясь, со смехом и весёлой необидной руганью расходились по домам. И снова Чолли радостно увидел, какой у него большой и крепкий дом, не хуже других. И окна светятся. Но у всех из-за занавесок ровным мягким светом во всё окно, а у него жёстким лучом. Ничего, занавески они тоже купят.

Чолли толкнул калитку, по узкой плохо утоптанной, а не расчищенной дорожке подошёл к крыльцу и поднялся по покрытым снегом ступенькам. Надо сейчас взять лопату и расчистить крыльцо и дорожку. Чтоб у него не хуже, да и Насте удобнее ходить. Он вошёл в сени. Сразу открылась дверь в кухню, и выглянула Настя.

– Пришёл?

– Да, я. Сейчас дорожку и крыльцо расчищу.

– Чолли...

– Закрой дверь, тепло выпустишь, – бросил он, уже выходя с лопатой. Тоже соседский подарок. Специально для снега.

Снег мягкий, не слежавшийся, и потому Чолли управился быстро.

А когда вошёл в тёплую, даже жаркую кухню, Настя сразу подбежала к нему и стала расстёгивать на нём куртку, потом усадила на лавку у печки, стащила с него сапоги и портянки и подставила ему под ноги лоханку с горячей водой. Чолли закатал штанины и опустил ступни в воду, пошевелил пальцами, откинулся, опёрся плечами и всей спиной на печку и сидел, чувствуя, как окутывают его тепло и тишина.

– Чолли! – он вздрогнул и посмотрел на улыбающуюся ему Настю. – Ужинать.

Чолли, тоже улыбнувшись, кивнул. Настя подала ему полотенце и, когда он вытер ноги, убрала лохань. Что ж, пол у них чистый, в доме тепло, так что свободно можно и босиком. Мишка со Светкой полезли к нему на колени, наперебой рассказывая о своих делах за день. Он слушал их лепет, дышал запахом их головок, смеялся с ними, и над ними, и над собой. Подал голос и Паша. Чолли ссадил Мишку и Светку на пол и подошёл к колыбели. Улыбнулся малышу и, увидев его ответную улыбку, взял на руки, прижал к себе, подставил лицо крохотным пальчикам, ощупывающим, дёргающим и толкающим.

– Чолли, готово уже, – позвала Настя.

Он положил Пашу обратно в колыбель, где тот сразу недовольно захныкал. Чолли покачал, успокаивая, колыбель и повернулся к столу. Мишка и Светка уже сидели за столом, и Настя расставляла миски с кашей. Тоже по-новому. В Алабаме они все ели из одной. А здесь сразу три купили. Насмотрелись в лагере. Молоко на этот раз Настя налила в кашу. Щедро налила.

– Чолли, врач приходила.

– Что? – нахмурился Чолли. – Зачем?

– Она просто детей посмотрела. Ну и, – Настя смущённо улыбнулась, – похвалила. Что сытые, чистенькие. Что, – Настя набрала полную грудь воздуха и старательно выговорила: – развиваются соответственно возрасту. Вот я запомнила. Чолли, а это что?

– Мг-м, – пробурчал Чолли. – А как сказала? Ну, голос у неё какой был?

– Вроде, похвалила, – не слишком уверенно ответила Настя. – А так-то мне говорили про неё, что она, где дети, сама приходит, смотрит, советует.

– Тогда, ладно, – кивнул Чолли. – Ещё чего сказала?

– Что игрушки нужны, – потупилась Настя.

– Завтра, – решительно сказал Чолли. – Вот будут деньги... а так... ладно, – он хитро улыбнулся и повторил: – Ладно. Вот поем.

– И что, Чолли?

– Увидишь.

Малыши ещё дохлёбывали кашу, а Чолли встал и подошёл к печке, порылся в уложенных для сушки поленьях, выбрал полешко потоньше и достал из кармана нож. И сел у печки. Когда-

то, давным-давно, ещё в резервации, был один – имени его Чолли не помнил – умелец. И нож имел и пользовался им... по-всякому. В том числе и вырезая из бросовых деревяшек фигурки. И Чолли – совсем тогда мальцу – как-то достался маленький – в его ладошку – конь. Потом нож нашли на обыске, и умельца расстреляли. Но теперь-то... как же он раньше не сообразил? Давно бы сделал. Ну, так, и ещё так, и ещё вот так. Мишка и Светка уже доели и подбежали к отцу, встали перед ним, завороженно глядя на его руки. Настя вымыла миски и ложки и тоже подошла посмотреть. Села на пол перед ним, и Мишка со Светкой, по-прежнему не отводя глаз, устроились у неё на коленях. Чолли притворялся, что, ну, ничего не замечает, но его губы так и морщились в хитрой улыбке. И наконец, усеяв пол вокруг себя обрезками и стружками, он поставил себе на ладонь конька и так, на ладони, протянул им.

Настя восхищённо ахнула, а Мишка и Светка так заорали, что недовольно раскричался Паша, и Настя побежала его кормить.

Оставив детей играть с коньком, Чолли убрал нож, подмёл и кинул в топку обрезки. Ну вот, хоть что-то. А завтра съездит за деньгами и... ладно, не надо загадывать.

Настя сидела на кровати и кормила Пашу. Чолли надел на босу ногу сапоги, накиннул куртку и нахлобучил шапку. Взял лохань с грязной водой.

– Я мигом.

– Не застудись, – ответила Настя.

Когда он вернулся, она уже уложила Пашу и умывала на ночь Мишку и Светку.

– Я дом обойду, погляжу.

– Ага, – кивнула Настя, проводя мокрой ладонью по лицу Мишки.

Дом был пока слишком просторен для них, и они жили практически на кухне. Но каждый вечер Чолли обходил дом, проверяя окна и... и просто приучая себя к тому, что это тоже его. Кухня и три комнаты, здесь их называют горницами, внизу, а те две, что наверху, это светёлки. Всюду вкручены лампочки, полы Настя вымыла, и пустота. Но это пока. А так... ему уже говорили, что нехорошо, когда все в одной комнате спят, да ещё дети с родителями в одной постели. Но... но пока они живут в кухне. Наверху было прохладно, окна закрыты ставнями. Здесь будут жить дети. Не сейчас, потом. Будет много детей. Он не может собрать всех своих детей, он даже не знает, живы ли они, но... но этот дом наполнится детскими голосами и смехом, на полу будут лежать коврики и половики, будет стоять красивая мебель, дом пропитается запахами еды и довольства.

Чолли по лесенке спустился в сени и вошёл в кухню. Дети уже спали, а Настя в рубашке сидела на кровати, расчёсывая волосы, и улыбнулась Чолли.

– Угомонились.

Детей они укладывали пока с собой, как в Алабаме, в ногах общей постели. Отдельной кровати ещё нет, а печная лежанка в горнице, ещё сваятся ночью, ушибутся, испугаются. Кровать большая, всем места хватает. В доме тепло, одеяла ватные, можно, в чём ходишь, и не ложиться. Да и постель не так пачкается. Чолли не спеша разделся, складывая штаны и рубашку на табурет. В лагере, в бане он нагляделся, как одеваются другие мужчины, и здесь купил себе исподнего, сразу две смены. И Насте женщины, тоже ещё в лагере, объяснили. Теперь она спит в рубашке, а кофту и юбку на день поверх рубашки надевает.

– Ложись к стене, мне к Паше вставать.

Чолли кивнул. Настя быстро пробежала через кухню к выключателю и уже в темноте прошлёпала обратно. Чолли уже лежал, и она юркнула под одеяло, прижалась к нему.

– Чолли, занавески бы надо. Мне сказали, плохо, когда луна в дом заглядывает.

– Я не против, – улыбнулся в темноте Чолли.

Он осторожно кончиками пальцев погладил её по лицу.

– Платье тебе купим. И этот... кожушок.

Кожушком здесь называли женский полушубок. Настя вздохнула. Кожушок, большой яркий платок в розанах и с бахромой, сапожки или белые бурочки, да ещё юбка из-под кожушка тоже яркая, и чтоб с оборкой по подолу... Она как увидела это, так и обмерла. Сердце зануло: так захотелось. Ни словечка она Чолли не сказала. Дом гол, у мужа и детей сменки на теле нет, а она о нарядах болеет, а Чолли заметил.

– Дорогой он, – Настя потёрлась щекой о плечо Чолли. – И детям надо сколько всего.

– Хватит, – твёрдо ответил Чолли и впервые выговорил вслух подсчитанную сумму.

Настя приглушенно, чтобы не разбудить детей, рассмеялась.

– Ой, столько не бывает.

Рассмеялся и Чолли.

– Завтра увидишь. Спи.

Настя ещё раз погладила его по плечу и вздохнула, засыпая. Посапывали Мишка и Светка, да иногда причмокивал во сне Паша. Чолли улыбнулся. Завтра у него отгул. К восьми соберутся у конторы, кто едет в город. Николай обещал зайти. В город новую куртку надо надеть. Выдали её для работы, но она лучше его старой. И бурки на ноги. Не замёрзнет. И в городе всё-таки, в Комитете чтоб увидели, что он не шакал подзаборный, что с помойки и жрёт, и одевается. А Насте кожушок нужен и... и всё остальное, чтоб не хуже других смотрелась. И детям одежду, чтоб гуляли. И игрушки. Кроватки ещё три нужны, а то Паше скоро колыбель тесна будет. Пока всех троих в одну нижнюю комнату, тьфу, горницу, вторая – ему с Настей спальня, а третья... третья нарядная будет, гостей принимать, праздники справлять. Как говорят... Да, правильно, зала, сделает он залу. Но это потом, а пока... пока... Голова кругом идёт, сколько всего нужно. Ещё и ссуды не хватит. Придётся другую, которая с возвратом, брать. Конюшенному рабочему платят мало. Зарплата, сказали, два раза в месяц. Девятого аванс и двадцать четвёртого под расчёт, а сегодня... не посмотрел у входа в конюшню, там календарь висит, хотя толку-то смотреть, всё равно неграмотный. Шкаф в спальню нужен, гардероб, да комод для белья, на кухню для посуды шкаф, детям... Ещё вёдра нужны, занавески на окна, белья Насте и детям, рубашек бы ещё пару, в старой рабской только навоз выгребать, корыто, нет, это для стирки, а для Паши ванночку, чтоб купать. Он-то сам с мужиками в баню ходит, Настя с бабами, а детвору... дома мыть, так что ванночку большую брать. Мыла бы ещё хорошего, как у Мороза, Настя тот обмылок бережёт, только для лица. Полотенец нет, одно подаренное, а одно старое из мешковины, а здесь таким только полы моют, сапоги обтирать кладут...

Он уже давно спал, продолжая и во сне перебирать нужные покупки. И когда Настя встала к Паше, он не слышал этого.

Многолетняя привычка вставать на рассвете разбудила его вовремя. Настя уже хлопотала у печи, разводила огонь, негромко звякала вёдрами. Чолли зевнул и осторожно, чтобы не разбудить детей, вылез из-под одеяла и сел на кровати, свесив ноги. Красноватый свет от раскрытой топки, серо-голубой свет от окна. Пора. Он ещё раз зевнул и потянулся.

– Поспи ещё, – сказала от печки Настя.

– Да нет, – Чолли встал и, как был, в исподнем, пошлёпал к умывальнику, умылся и, скинув рубашку, обтёрся до пояса холодной водой, прогоняя остатки сна.

Настя быстро обулась, надела куртку и повязала платок. Он и глазом моргнуть не успел, как она, схватив вёдра, убежала за водой. С водой здесь хорошо – прямо во дворе... как её, да, колонка. А к большому «старому колодцу», что на дальнем от их дома конце, бабы не за водой, а языки почесать ходят. Но это днём, а с утра у всех дел полно. Чолли подошёл к печке, поправил огонь. Со двора вернулась Настя с полными вёдрами. И Чолли уступил ей место у печки. Там, в Алабаме, он тоже в воскресенье, когда не надо было бежать ещё затемно на работу, лежал на кровати и смотрел, как Найси суется у камина. И дети ползали прямо по нему. Спали тоже все вместе, и Маленький у груди... Чолли подошёл к колыбели, посмотрел на

спящего Пашу, потом к кровати, поправил маленькое одеяло, укрывающее детей, и развернул, расправил их с Настей, большое, взбил подушки. Да, перьевые совсем не то, что соломенные, как были там.

– Чолли, – позвала его Настя. – Готово у меня.

Верхний свет она не включала, чтобы не разбудить детей. И чтоб это чёртово колёсико на счётчике в сенях не крутилось, не нагоняло денег. Да и светло уже. От раскрытой топки, где играло пламя, тянуло жаром, и Чолли сел за стол, как был, без рубашки.

Настя поставила перед ним миску с вчерашней разогретой кашей и кружку горячего чая.

– А себе-то, – напомнил ей Чолли, разворачивая тряпку с остатком хлеба.

– И я сейчас сяду, – ответила Настя, ставя себе миску и кружку.

Они ели, сидя напротив друг друга, и Настя влюблённо глядела на его лицо, на красноватые отсветы на сильных бугристых плечах, на мерно двигающуюся челюсть и, на чёрные, жёстко топорщащиеся волосы, припыленные сединой. Чолли встретился с ней глазами и улыбнулся. Улыбнулась и она.

– Ты не беспокойся. Ничего с нами здесь не случится.

– Я знаю, – кивнул Чолли. – Без куртки не выскакивай. Застудишься.

– Ага, – кивнула Настя. – Ты тоже... осторожней там.

– Не один еду.

Чолли доел кашу и стал пить чай. Торопливо доела и допила Настя, заботливо завернула в тряпку хлеб.

– С собой возьми, пожёшь в дороге.

– Не выдумывай, – отмахнулся Чолли, вылезая из-за стола.

Настя подала ему нагрудную сумку с полученной позавчера справкой из конторы. Ну, что такой-то там-то работает и проживает. А то без неё ссуду и не дадут. Комитету тоже отчитываться надо. Чолли надел сумку и стал одеваться. Не спеша натянул исподнюю рубашку, застегнул. Теперь верхнюю. Всё та же – рабская, выцветшая, заплатанная, зашитая. Да, нужны рубашки, а то стыдоба одна. Штаны тоже рабские, новые ватные пускай полежат, в автобусе тепло. Портянки, бурки. А куртку наденет новую, его рабская совсем страшная, и шапка тоже новая. Настя восхищённо оглядела его.

– Так, дров я подколол, – Чолли уже слышал, как топчет на крыльце, оббивая снег с буроков, Николай. – Аккуратно бери. С ближнего конца, там они потоньше.

– Доброго вам утра, – вошёл в кухню Николай, сдёрнув ушанку.

– И тебе доброе, – старательно ответил Чолли.

– Доброе утро, – улыбнулась Настя.

Вообще-то зашедшего в дом, надо пригласить к столу. Настя уже знала об этом и очень храбро предложила:

– Чаю?

– Спасибо, соседка, сыт, – Николай чиркнул себя по горлу ребром ладони. – Чолли, если готов, пошли. Автобус ждать не будет.

– Да, – кивнул Чолли. – Пошли.

Беря с печки рукавицы, мимоходом провёл ладонью по плечу Насти и вышел. Николай попрощался с ней кивком и вышел следом, надевая шапку. Настя стояла посреди кухни, свесив вдоль тела руки и глядя на закрывшуюся дверь. Потом, ахнув, метнулась к окну, но Чолли уже ушёл. Господи, как же это, он же оглянулся и не увидел её, господи, плохая примета. Господи... Она отошла от окна и старательно, стараясь не сбиться, стала креститься и шептать, как её научили женщины в лагере.

– Господи, спаси и сохрани, помилуй нас. Господи, помоги ему. Господи, спаси и сохрани...

Закрахтел Паша, и Настя, перекрестившись ещё раз, подошла к колыбели.

– Ну, чего ты? Есть захотел? – она достала ребёнка из колыбели. – А, да ты мокрый, ну, сейчас, Паша, сейчас, маленький.

Она положила сына на кровать, прямо на одеяло, подальше от края и распеленала. Пелёнок ей надарили... и в лагере, и здесь. Так что всегда есть во что, сухое да чистое, завернуть. И, как ей говорила врач, развернув и вытерев, опять положила, пусть... на свободе побудет, пока она смену готовит. Тепло, не простудится. Паша довольно загукал, и Настя рассмеялась, глядя на него.

– Мам, утро? – спросил по-русски Мишка.

– Утро, – ответила она тоже по-русски. – Вставайте.

Она вытащила из-под их одеяльца Мишку и Светку, отвела к поганому ведру, умыла, одела в чистые рубашки и трусики и дала по куску хлеба.

– Ешьте. Пашу покормлю и вам дам.

Она сидела на кровати и кормила Пашу, а Мишка и Светка жевали хлеб и глядели на неё. Настя улыбнулась. Её дети... Она старалась не вспоминать тех, четверых, она ничего не могла сделать, была рабыней, хозяин велел ей рожать, и она не смела ослушаться. Как и остальные. А Чолли смотрел на неё и молчал. А тогда – она помнит и всю жизнь будет помнить – хозяин напоил его, и он кричал и звал её. Найси. А потом... потом хозяин построил их, молодых рабынь, и Чолли, Чолли выбрал её. Чолли уже свободный был, мог уйти, вернуться в своё племя, а он остался. Ради неё остался. Она и тогда это понимала.

Паша сосал деловито, изредка кося на неё тёмными строгими, как ей казалось, глазами. Глаза у Паши, как у Чолли, и волосики не кудряшками, а пряменькие, и кожа чуть красноватая. Будет на Чолли похож. А Мишка и Светка – мулатики, ну, ничего от Чолли нет, хотя... у Светки волосы не кудряшками, а волной... Да и ладно, на это здесь совсем не смотрят. А Чолли всех их любит, все они его. А потом ещё будут. Врач в лагере ей говорила, чтоб она года два не рожала, отдохнула. Она кивала и об одном думала: как ей Чолли сказать, что белые им запретили... спать вместе. Но врач с Чолли сама поговорила. Хорошо, видно, говорила. Чолли ни обиделся, ни чего ещё. И здесь, как легли в кровать, так он... ну, без этого. Настя вздохнула. Называть это траханьем или по-господски случкой она не хотела, а других слов ни по-английски, ни по-русски не знала.

Паша наелся и уже сосал, засыпая. Настя высвободила сосок и положила сына на кровать. Полюбовалась ещё его пухленьким сытым тельцем и запеленала. Тоже по-новому, как учила врач в лагере. Сонный Паша позволял себя как угодно поворачивать. Он вообще был молчаливым и орал в исключительных случаях. Скажем, дали грудь и тут же забрали. Или, когда укол делали. Коснувшись губами его щёчки, Настя уложила малыша в колыбель, оправила ворот кофты и захлопотала. Мишку со Светкой накормить, опять умыть и потом мыть, убирать, чистить, стряпать, стирки уже накопилось... Работы не в продых. Но своя работа не тяжела.

И в этих бесконечных хлопотах день катился незаметно, как сам собой.

Зашла молодая весёлая Олеся, жена Олега из бригады Чолли, принесла детям – Мишке со Светкой – яркую цветную игрушку-пирамидку. Колечки на стержне. И поиграла с ними, показала, как её разбирать, собирать. Потом они вместе чая попили и поговорили. У Олеси своих двое. Постарше Мишки и поменьше Паши. Английского Олеса совсем не знает, но Настя уже многое понимает, а когда не робеет, то и говорит.

Потом Олеся убежала, а они обедали.

И только-только она уложила Мишку со Светкой спать, а Пашу опять покормила, как пришёл... В лицо Настя его знала, знала, что из начальства, но по имени – нет. И он только вошёл, как у неё чего-то испуганно заныло сердце.

В щегольском, на рыжем меху, кожаном пальто, в такой же рыжей шапке, краснолицый, он от двери осмотрел всё одним взглядом, как... как хозяин – похолодела Настя и встала перед ним, загораживая собой кровать и колыбель со спящими детьми.

– Та-ак, а мужик где? Как его, Чолли, ну?

Настя судорожно вздохнула.

– Нет Чолли. В город поехал. Отгул у него.

– Только работать начал и уже отгул, – страшный гость недобро усмехнулся. – А может, и загул? Ладно. Скажешь, как вернётся, чтоб на конюшню шёл. Поняла? То-то!

Сказал и ушёл. А Настя обессиленно села на лавку. Господи, неужели что... если Чолли выгонят, ведь велят всё, что им дали, сдать, так куда они зимой с маленькими? Замёрзнут ведь. Господи, за что? Да неужели не видят они, как Чолли на работе уродуется, да... да... Она заплакала. Тихо, чтоб не разбудить, не напугать малышей. Опять им бежать. Господи, куда?! Тогда они знали: к русским. А теперь куда?! Опять к хозяину? Лучше уж смерть. Хозяин не даст ей жить с Чолли, растить детей...

– Настя, ты чего?

Она подняла зарёванное, залитое слезами лицо и увидела Марину, жену Николая.

– Я тебе сковородку для блинов принесла, чего случилось-то? С детьми, не дай бог?

Настя замотала головой. Марина решительно сунула на стол узел со сковородкой, села рядом с Настей и обняла за плечи.

– Ну, и чего ревёшь-то?

Настя, уже не плача, а всхлипывая, путаясь в русских и английских словах, стала рассказывать. Наконец Марина поняла.

– Так это ты Тюхина испугалась? Ну и зря. Он только ревет медведем, а так-то тюха и есть. Плюнь и разотри. И не реви – молоко испортишь.

Она заставила Настю умыться, потом посмотрела на спящих детей, восхитилась коньком, сделанным Чолли.

– Вот когда у мужика руки правильным концом вставлены, так у него и любое дело ладно. Золотой мужик тебе, Настя, достался. А ты реветь. Давай блины печь. Не пекла раньше? – Настя замотала головой. – Не велика наука, справишься. А на Тюхина плюнь. Ему что директор скажет, то он и сделает.

– Да-а, – вздохнула Настя. – А если директор Чолли...

– А что директор? Он же всё видит. Чолли – мужик работающий, толковый, – Марина засмеялась. – Да если что, директор в два дня выгоняет, а то и быстрее. А вы здесь уже сколько? Ну? И отгул Чолли дали. А если б что, то не видать отгула. Пока в полную силу человек не заработает, то об отгулах и речи нет. Только рот раскрой, так и отправят гулять. За ворота. Давай, утрись и муку доставай.

Блины оказались просто очень тонкими лепёшками из жидкого теста. Настя даже развеселилась, что у неё получается.

– Ну вот, – кивнула Марина. – А то вздумала из-за Тюхина реветь, тюха он и всё тут. Приедет мужик, блинами его накормишь. Ты их в печке пока держи, вот так, сбоку, чтоб не остыли. А это сметана к блинам. Поняла?

– Ой, Марина! – ахнула Настя. – Как это?

– А просто, – откликнулась Марина. – Мы, когда сюда приехали, Николай на фронте был, так и мне все так же помогали. Ещё кто приедет, вы с Чолли помогать будете. Разве не так?

– Так, – кивнула Настя.

Чолли уже говорил ей об этом.

– Ну, тогда побегу я к своим. Кричат, небось, уже, – Марина погладила себя по груди.

Настя поняла и улыбнулась. Да, здесь почти в каждом доме были грудные. Она уже заметила это.

– А, Марина, почему так?
– Что почему? – Марина уже наматывала платок.
– Ну, у каждой маленький? Как Паша. Почему?
– А-а! – Марина звонко рассмеялась. – Да как в Победу мужики вернулись, так и пошло косяком. Дело-то нехитрое. Дети Победы, понимаешь?
Настя закивала и тоже засмеялась. Она уже совсем успокоилась.

В автобусе было тепло, шумно и благодушно. Кто хотел, тот выпил в городе и теперь сосредоточенно жевал чеснок или ещё какую-то пахучую гадость, отбивая спиртной дух. Директор учует – объяснили Чолли – так мало не будет. Лёгкой пташкой за ворота и всё выданное верни. Кто ездил за покупками, теперь обсуждал цены и женские претензии. Семейные ведь все. А семья – первое дело.

Чолли тоже был доволен поездкой. В Комитете к нему отнеслись очень хорошо. Участиливо расспросили, как устроился, в чём нужда, сказали, чтоб если что возникнет, то чтоб обращался сразу к ним. Дали деньги, всё полностью, сколько и обещали. Даже удивительно, чтоб белые и так слово держали. Но предупредили, что если гулять начнёт, по-пустому тратить, ну, и сам понимаешь, то и отобрать могут. Не на пьянку и разгул, а для обустройства дают, жить по-человечески и детей растить. Он сам так думал и почти теми же словами. А денег много, большая пачка, еле в сумку поместилась. Хорошо, куртка просторная, скрыла. Одну тысячную ему тут же разменяли на сотенные, а одну сотенную на десятки, их он засунул во внутренний карман. Это ему в лагере Мороз показал, а он уже рассказал Насте, и она ему такой пришила на старой куртке, а в новой уже есть готовый. Удобно. И как ни давал себе слово, что все деньги, до рубля, привезёт домой, а потратился. Не устоял. Как и остальные... быть в городе и гостинцев не привезти нельзя. Непорядок. Вон как автобус набит. Мешки да коробки, да сумки и под сиденьями, и в проходе, и на коленях. А это ещё так... а вот когда под праздник собираются, то как обратно, то аж на крышу багаж увязывают. И вот, сотню в карман положил, потом ещё одну добавил, а везёт... рубли с мелочью. Но Николаю он долг сразу отдал – тот за него утром за билет заплатил – угостил всех пивом, как положено. Прописка есть прописка, с ним и так по-божески обошлись: по кружке пива каждому поставил и две пачки сигарет в общий круг выложил. Так что и здесь у него всё в порядке. А накупил... И детям, и Насте, и себе, и – самое главное – в дом. Да и кто бы устоял? Небыющая посуда. Это с его сорванцами первое дело. Мишка в лагере два стакана на молоке разбить успел. Здесь уже то миску, то кружку со стола столкнёт. А это... И лёгкая, и не бьётся, и нарядная, совсем как... господская. Видел он как-то мельком. Вот и купил большую коробку, где всего по двенадцать, здесь говорят, дюжина. И уж заодно ложки, вилки, ножи тоже по дюжине. Ножи заново наточить надо будет, точильный брусок тоже купил. И сумку купил, и набрал всего. Для всех. В жизни столько не покупал.

За окном медленно синела снежная равнина. За спиной Чолли негромко протяжно пели. Сидящий рядом Николай спал, слегка похрапывая. Чолли удовлетворённо вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Он устал, и усталость была новой, незнакомой. Ведь не таскал, не грузил, а тело ломит.

Автобус подбросило на яме, оборвав песню.

– Ну, подъезжаем.
– Да, на фронт уходил, эта ямина была. Вернулся, а она на месте.
– Сказанул! Да я мальцом с отцом ещё в город ездил, так на ней каждый раз и...
– Эй, подъезжаем, мужики.
Николай зевнул и сел прямо.
– Ну как, Чолли, доволен?
– Во! – улыбнулся Чолли. – Завтра с утра?
– Нет, – вместо Николая ответил кто-то сзади. – В ночную завтра.

И сразу зашумели.

– Ты что, перепил? Смены путаешь?!

– Ночная с той недели.

– Сам ты... Завтра ночная...

Чолли посмотрел на Николая.

– Кому там в ночь охота? – спросил Николай. – С утра завтра.

– Ну да... чёрт, обсчитался.

– Вот дьяволыщина, проспал бы...

– Бригадир разбудит, – хохотнули впереди.

– Ща спросим.

– Он не ездил.

– Вот и спросим.

– Всё, мужики, приехали!

– Там разберёмся.

Автобус круто развернулся, отчего уже вставшие с хохотом и руганью попадали друг на друга, и остановился. Скрипнув, открылась дверь, и с гомоном, разбирая вещи, повалили наружу. Чолли взял сумку и коробку с посудой и вместе со всеми пошёл к выходу. Ты смотри, темно уже. Весь день проездил. Ну, сейчас сразу домой.

Но сразу домой он не попал. Не успел выйти, как его позвали.

– Эй, Чолли, тебя ищут.

– Меня?! – удивился он.

– А больше индеев нету.

– Редокс здесь?

Чолли узнал голос директора, и сразу по спине пополз неприятный холодок.

– Да, масса, – ответил он по-английски и тут же по-русски: – Я здесь.

– Пошли!

Повелительный жест не оставлял сомнений, но Чолли растерянно оглянулся на Николая.

– А что такое? – спросил Николай.

– Увидите! – хмыкнул директор и повторил: – Пошли, Редокс.

Чолли послушно пошёл за директором, ничего не понимая и стараясь не показать свой страх. Но, оглянувшись, увидел, что Николай и ещё двое из бригады идут следом, и немного отлегло: всё-таки не один. Потом сообразил, что так и несёт в руках сумку и коробку, и подумал... и ничего не успел подумать, потому что подошли к конюшне и вошли... Но это не его крыло, их бригада в другом, а это... здесь же Раскат! Всё-таки, значит, донесли – со злой радостью подумал Чолли. И теперь, значит, расплата.

У входа в отсек их встретил черноусый бригадир, Чолли ещё не знал его имени. Увидев Чолли, бригадир хмыкнул:

– Ага, приехал, значит. Ну, иди, посмотри, чего натворил.

Кони беспокоились. Со всех сторон нервное фырканье, всхрапывания, частый перестук копыт, и впереди злое ржание, взвизги... Чолли узнал голос Раската и невольно прибавил шаг, обгоняя директора. У денника Раската молодой парень с синяком на пол-лица и в разорванной на плече рубашке сразу заорал на Чолли:

– Во, чтоб тебя... иди... сам свою тигру убирай...!

Он бы ещё круче завернул, но, увидев директора, поперхнулся. Чолли, начиная уже догадываться, поставил, почти уронил свою ношу на пол и подошёл к деннику Раската. Прижатые уши, налитые кровью глаза...

– Раскат, – тихо позвал он.

Конь дёрнул кожей на спине, как отгоняя муху, но позы не переменил. Чолли вошёл в денник, мягко взял за недоуздок и повторил уже в растяжку:

– Раска-а-а-ат.

По спине коня волной пробежала дрожь, он переступил с ноги на ногу, потом скосил на Чолли фиолетовый с гаснущим красным огнём внутри большой глаз и фыркнул, потянулся к Чолли, обнюхивая его лицо. Чолли погладил его по морде, провёл рукой по шее.

– Ну, что ты, Раскат? Что ты?

Раскат положил свою большую голову ему на плечо и вздохнул. Вздохнул и Чолли. Вот и всё. Раскат директорский, что теперь ему сделают – это плевать, а Раската жаль, ведь ломать будут. Жалко.

– Редокс.

Он обернулся. Дверь денника он оставил открытой. Директор, черноусый бригадир, парень с синяком, Николай, Степан... вот кто донёс! Ну... и опять ему не дали додумать.

– Отвязывайте коня, – распорядился директор. – Переведёте в другой денник. Савушкин, Грацию передадите Мотину.

Савушкин? Но так зовут его бригадира. Да, вот и он. Что происходит? Но его руки уже отвязывали недоуздок. Раскат ткнул его мордой в плечо, требуя хлеба.

– Нету сейчас. Потом, – ответил он коню.

И уже выводя Раската, вдруг заметил, что глаза у директора весёлые. И остальные улыбаются, не насмешливо, а радостно. И окончательно престал что-либо понимать.

Всё время, пока он вёл Раската в крыло своей бригады, привязывал в указанном деннике, задавал корм и воду – оказывается тот с утра никого ни к себе, ни в свой денник не подпускал – конь был кроток и послушен прямо... прямо... ну, слов нет. Чолли даже про вещи свои забыл и не вспоминал. Когда Раскат уже обнюхавшийся через верхние решётки с новыми соседями, успокоено хрупал овсом, Чолли вышел в проход, закрыл за собой решётчатую дверь и услышал от Савушкина.

– Раската сам обихаживать теперь будешь.

Чолли кивнул, но до него явно не дошёл смысл сказанного. И директор, улыбнувшись, повторил это по-английски, а по-русски сказал:

– Идите домой, Редокс. До утра он вас подождёт.

И все как-то сразу разошлись. А Чолли вспомнил про свои вещи. Но их, оказывается, захватил Николай.

– Держи своё. Пошли.

– Спасибо.

Чолли взял коробку и сумку, поискал глазами Степана, но того уже не было.

– Это Степан настучал, – тихо сказал он Николаю. – Больше никому.

– Не дури, – Николай обвёл взглядом ряд золотистых коней за деревянными решётками и повторил: – Не дури. Все не слепые.

На конюшне было уже тихо, лампы горели через одну и вполне акала. Многие лошади спали.

– Пошли, Чолли, – Николай почему-то вздохнул.

Чолли кивнул.

Они шли по мягко поскрипывающему под ногами снегу, и Николай говорил:

– Туровец, когда глаз на человека положит, когда душу ему отдаст, другого к себе не подпустит. Как забушует туровец, так уже ищем, кто ему на душу лёг. А Степан сказал, чтоб не искали да не перебирали. Так что... твой теперь Раскат.

– Как это мой?

– Тебе его убирать. Ну и, – Николай усмехнулся, – ну и ездить на нём. Обезжать тоже тебе придётся.

Чолли кивнул.

– Понял. А потом? Ну, объезжу я его. А потом он кому?

– Никому. Он твой, Чолли.

Чолли недоверчиво хмыкнул.

– Николай, кто мне его отдаст? Даже если... всю ссуду... если в рассрочку, мне за всю жизнь не выплатить.

– Никто тебе его продавать не будет. По закону нельзя. Но ездить на нём, работать его ты будешь, – Николай усмехнулся. – Захочешь, так к себе во двор на свою конюшню поставишь. Только продать никому не сможешь. И подарить. И по закону нельзя. И туровец дважды не выбирает.

Чолли задумчиво кивнул.

– А... слушай, мне сказали, Раскат директорский, директор как, очень обиделся?

– Михеич – мужик понятливый, – мотнул головой Николай. – И Раскат его не был. Директору две верховых положено, а по душе... Ладно, сам всё увидишь.

Они уже подходили к дому Чолли. С крыльца сорвалась и бросилась навстречу им тёмная фигура с отчаянным криком:

– Чолли!

– Здорово, соседка, – громко сказал Николай. – Ну, до завтра, Чолли. Не проспай, смотри.

– Ага, до завтра, – ответил Чолли.

Руки у него были заняты, и обнять припавшую к его груди Настю он не мог. Николай движением плеча поправил свой туго набитый мешок и пошёл к себе.

Настя шла, прижавшись к Чолли, и заметила его ношу, только поднявшись на крыльцо.

– Ой, Чолли, что это?

– Увидела наконец, – засмеялся Чолли, плечом открывая себе дверь. И щегольнул новым словом: – Гостинцы.

В кухне к нему с визгом кинулись Мишка и Светка. Чолли поставил на пол коробку и сумку и поочерёдно поднял, слегка подбросил и поймал малышей. Потом не спеша разделся. Когда Настя забирала у него куртку и шапку, он пытливо заглянул ей в лицо и нахмурился.

– Ты плакала? Почему?

Настя смущённо улыбнулась и стала рассказывать, перемешивая английские и русские слова. Выслушав её, Чолли кивнул.

– Я знаю, о чём это. Всё в порядке.

– Чолли...

Он улыбнулся ей и повторил:

– Всё в порядке. Я говорил с директором.

– Он... не выгонит нас?

– Нет, – Чолли погладил её по плечу.

Настя, успокоено всхлипнув, прижалась к нему. Он обнял её, погладил по голове.

– Ну, ну что ты, Настя? Всё в порядке.

Наконец она справилась с собой и захлопотала. С горячей водой, ужином, а тут ещё Паша проснулся и потребовал еды. Но вечер уже шёл заведённым порядком. Чолли сидел у печки, пошевеливая пальцами ног в горячей, медленно остывающей воде, и смотрел, улыбаясь, на Настю, кормившую Пашу грудью, на Мишку и Светку, крутившихся вокруг коробки и сумки.

– А что там? – спросила Настя. – Ты купил?

– Конечно, купил. Ссуду я получил. Поговорили со мной, хорошо говорили. Ну, и прошёл там, – он говорил с деланной небрежностью, – по магазинам, по рынку. Набрал кое-чего.

Настя засмеялась, заколыхав грудью, и Паша недовольно гукнул.

– Завтра в магазин зайду, с долгом расплачусь, – Чолли удовлетворённо откинулся на печку, ощутив плечами и спиной приятное тепло. – И будем обживать уже всерьёз.

– Как это?

– Мебель купим. Белья, одежды, посуды...

– Чолли...

– Хватит, Настя, – понял он её невысказанные опасения. – На всё хватит. Даже... – и оборвал сам себя, потому что это ещё надо как следует обдумать и посоветоваться с кем из знающих, и сказал уже другое, тоже обдуманное: – Корову купим.

– Ой?! – удивилась Настя.

Чолли кивнул.

– И кур купим. И поросёнка. Саженцы, семена. Сад сделаем, огород. Мы же не на год сюда приехали. На всю жизнь.

Настя кивнула, забрала грудь у заснувшего Паши и уложила его в колыбель. Чолли взял лежавшее на коленях полотенце, вытер ноги и встал. Убрал лохань с грязной водой.

– Я... блинов напекла, – старательно выговорила Настя. – Блины есть будем.

– Ладно, – согласился Чолли. – Поедим, и покажу, что купил.

В самом деле, ему всё выложить, так есть стоя придётся. Блины были тёплыми и оказались очень вкусными. Как Настя ни следила, Мишка со Светкой перемазались. У Мишки сметана даже на бровях оказалась. И Настя вывела их из-за стола умыться. Когда поели, Чолли встал, а Настя быстро убрала со стола и протёрла его тряпкой.

– Ну, – Чолли поставил на лавку сумку и расстегнул молнию, – смотрите.

На стол легли три яркие погремушки, резиновые с пищалками собачка, кошка и непонятный зверь, которого Чолли назвал странным словом:

– Обезьяна.

Потом голубенький нарядный комплект для Паши. Ползунки, кофточка и чепчик. Штанишки с рубашкой для Мишки и красное с белыми оборочками платье для Светки. Потом большой ярко-розовый в цветах платок, зеркальце на ручке, расчёска и щётка для волос, две рубашки в чёрно-зелёную и чёрно-красную клетку... Стол уже завален, а Чолли всё доставал и доставал... пакет с апельсинами и пакет с конфетами... и два куска мыла в ярких обёртках...

– Господи, Чолли...

Настя даже растерялась перед этим великолепием. А Чолли достал из сумки большую и явно тяжёлую коробку, поставил её на стол и торжественно открыл. Блеск уложенных в ровные стопки ножей, вилок и ложек, больших, поменьше и совсем маленьких, ослепил Настю.

– Господи, – растерянно повторяла она, – господи...

Чолли отнёс опустевшую сумку к двери, повесил на гвоздь и вернулся к столу уже с коробкой. Но прежде, чем открыть её, взял апельсин, почистил и дал Мишке и Светке по половинке.

– Ешьте.

И Настя как очнулась. Взяла платок и накинула на плечи, как видела уже у местных женщин, и повернулась перед Чолли.

– Хорошо? – улыбнулся он.

– Ох, Чолли, – выдохнула Настя. И указала на коробку: – А здесь что?

– Посуда.

Чолли развязал верёвку, раскрыл коробку и стал выкладывать на стол. Тарелки, тоже разные, трёх размеров, чашки, блюда... Все белые, блестящие, в красных розочках по ободку.

– Вот, особая, небьющаяся.

– Чолли, – Настя осторожно протянула руку и тарелке, но не взяла её, а только погладила. – Это ж... это ж... по-господски. У хозяина такая была.

– А чем мы хуже? – победно улыбнулся Чолли.

– Чолли... – на глазах у Насти выступили слёзы. – Это взаправду, Чолли?

– Взаправду, – кивнул Чолли и обнял, прижал её к себе.

Настя обхватила его за шею, прижалась всем телом. И долго бы они так простояли, но Мишка полез на стол за апельсином и столкнул стопку маленьких тарелок. Те оказались дей-

ствительно небьющимися, но шуму наделали. Проснулся и закричал Паша, заревел отшлёпанный Настей Мишка, а с ним за компанию и Светка. И стали наводить порядок.

Нарядную одежду Настя сложила обратно в сумку: больше же некуда. Игрушки отдали Мишке и Светке, а погремушки положили в колыбель. Конфеты и апельсины Настя положила на окно, а посуду составила на край стола у стены.

– Чолли, шкафчик нужен. Для посуды.

– Завтра, – кивнул Чолли. – Давай, я дом обойду и покурю. А ты их укладывай.

– Ну да, ну да, – закивала Настя.

Чолли натянул сапоги, надел шапку и старую куртку, достал из кармана новой куртки пачку сигарет и вышел на крыльцо. Все эти дни, как уехали из лагеря, он промаялся без курева. В поезде, правда, его пару раз угощали, и уже здесь пачку под запись взял. Но одно дело – одолжено, и совсем другое, когда куплено. И с домом так же, но нет, рано об этом, тут как следует обдумать надо, как бы новую кабалу на себя не повесить. Он с наслаждением закурил. В посёлке было тихо, и окна почти везде тёмные, спят все. О Раскате он Насте не сказал, не смог. Да и... да и незачем ей, наверное, об этом знать. «Твой он теперь». Чолли усмехнулся. Ему уже так давали. Корову. Да что там. И про Найси хозяин тогда ему сказал: «Забирай. Даю её тебе». А потом... И дом... Ладно, может... может, здесь и по-другому будет. Он докурил, тщательно растоптал, растёр на заснеженном крыльце окурок, потом подобрал его и пошёл в уборную. Туда выкинет. И по дому пройдёт.

Когда он вошёл в кухню, Настя уже успокоила и уложила детей. Пирамидка, конёк, собачка, кошка и обезьяна стояли в ряд на подоконнике. На другом лежали зеркальце, щётка и расчёска. Апельсины и конфеты на столе рядом с составленной в стопки посудой. Настя в одной рубашке стояла посреди кухни.

– Ты чего не ложишься?

Чолли повесил на гвоздь у двери куртку и шапку, разулся и подошёл к Насте. Она подняла на него глаза, вздохнула.

– Чолли, а чего ты себе ничего не купил?

– А рубашки? Целых две взял.

Чолли осторожно положил руки ей на плечи, и Настя с готовностью подалась к нему, прижалась грудью. Он обнял её.

– Ох, Настя, я сам не верю, что всё так вышло.

– Я тоже.

– Ладно, – Чолли тряхнул головой. – Давай ложиться, мне завтра рано.

– А что так?

Настя подошла ещё раз к Паше, посмотрела, как он спит, поправила одеяло детям. Чолли разделся, снял нагрудную сумку и засунул её подальше под тюфяк. Больше спрятать некуда.

И, когда они уже потушили свет и легли, он, как всегда, у стены, а Настя рядом и положила голову ему на плечо по алабамской привычке, когда долго спали на одной подушке, он ей ответил:

– Мне коня дают. За этим и искали меня.

– Ага, – шепнула Настя. – И что, вычитать будут или как?

– Не знаю. Но мне его отдельно обихаживать теперь.

– Хороший конь?

– Хороший. Раскат зовут. – Чолли повернул голову, коснувшись лицом её волос. – Всё, Настя. Спим. А то, не дай бог, просплю.

И, уже засыпая, подумал, что надо завтра остаток денег Насте отдать, ну, те, что у него в кармане остались. Чтоб ей было с чем в магазин идти. А дом всё-таки выкупить, чтоб не в аренде, а в собственность был... нет, об этом не сейчас.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Снег пролежал недолго. Прошёл дождь – и снова всё мокрое, серое и противное. Чак поглядел в окно и тихо тоскливо выругался. Выходить наружу в такую погоду – себе дороже. Вот ведь паскудство. Ведь вон вся его одежда на вешалке, всё вернули. Кроме ботинок и перчаток. И ремня. Но другие ботинки, что ему в тюрьме дали, вон тоже стоят, крепкие, армейские. Одевайся, дескать, и иди гуляй. Как в насмешку.

Чак оттолкнулся от подоконника, прошёлся по палате и лёг на кровать. Как был, в пижаме, поверх одеяла. Закинул руки за голову. Вот она – свобода. Ждал, да нет, мечтал. А пришла... холодная пустая ясность, пустота. Даже ненависти у него теперь нет. Даже это... отняли. Тогда, после того разговора с доктором – потом узнал, что больше двух суток валялся – спал и снов не видел, падал в чёрную безмолвную пустоту, а проснувшись, рук не смог поднять, будто опять в параличе. Но испугаться не успел. Кто-то из поганцев напоил его водой с глюкозой, и он опять на сутки вырубился. И проснулся... здоровым? Да, пожалуй, так. Тело здорово. Его слушается каждый мускул. Он всё может. Делает все упражнения. Уже не рискуя представить на месте мишени... человека. Мишень – кружок или точка на поле, и он бьёт в эту точку. И всё получается. И ходит в столовую, сидит за одним столом с белыми, улыбается им, здороваются, желает приятного аппетита, и слышит ответные пожелания. И... и ничего. Холодная пустота. У Гэба задвигались руки. Что-то там доктор Иван сделал. Скоро они с Гэбом опять в паре смогут работать. Интересно, освободил доктор Иван Гэба от тех слов, как он их называл? Да, формула и ещё код, код внушения. Или нет? Но об этом он с Гэбом не говорит. Они вообще теперь мало разговаривают. Ругаться ему с Гэбом неохота, а говорить им не о чем.

Чак вдруг осознал, что лежит, как спальник, это те так валялись в камерах. Как спальника не измордуй, тот, если жив, вот так и ляжет, всё своё хозяйство напоказ выставит. Чак снова выругался уже в голос и с настоящей злобой и сел на кровати. Лениво взял с тумбочки книгу, перелистал. Брехня ведь всё, белая брехня. Но завести себя на злобу не получалось. Он закрыл книгу и положил обратно, встал, опять прошёлся по комнате. К Гэбу, что ли, сходить? Если тот не дрыхнет, то размяться немного... Хотя бы из поганцев кто зашёл, то не продохнуть от них было, а то не дозовёшься. Хотя к чему они ему? Бить он теперь не может, а нарываться на безответную плюху тоже как-то не хочется. Массаж сегодня нет, в тренажёрном он был. Сейчас там как раз поганцы резвятся. Их время. А он – больной, его время другое. Чак подошёл к двери и, помедлив, открыл её. Пустой коридор, тишина. Дверь палаты Гэба закрыта. Дверь в дежурку – тоже. Ладно. Ну их всех... На Цветочный проспект, что ли, или в игровую? Но видеть никого не хотелось, а там полным-полно и одни беляки. Русские, местные... всё равно беляки. Цветные – все местные, в лёжку лежат по палатам или сами по себе колготятся. И

тоже не стоит с ними, ведь не знаешь, где и на кого нарвёшься. И чем занять время до ужина совсем неизвестно.

И всё-таки он вышел. Оставаться в палате было ещё хуже. Доказывая самому себе, что он свободен, пошёл на Цветочный проспект – висячий переход между корпусами с витражами вместо окон. Там в любую погоду светло и даже... даже приятно.

Чак шёл не спеша, с привычной настороженностью поглядывая по сторонам. Но его словно никто не замечал. Здесь у каждого свои дела, своя боль. Многих он уже знал в лицо, но... они сами по себе, а он сам по себе.

Он старался не думать о самом главном и самом страшном. Как он будет жить дальше? Когда русским надоест его кормить, и они пинком под зад вышибут его отсюда. Не к поганцам же в напарники проситься, беляков параличных подмывать. Это не по нему. Да и не возьмут его. И куда ему? В грузчики? Но думать об этом не хотелось.

Чак прошёлся несколько раз по переходу, заглянул в зал, где можно было поиграть в шахматы или в шашки, посмотреть газеты... и снова отправился бродить по переходу.

Россия

Ижорский пояс

Загорье

Звонок будильника подбросил Эркина, как удар тока. Он даже не сразу сообразил, что это, и растерялся. Но только на секунду. Женя уже накинула халатик и убежала на кухню. Эркин тоже вскочил, торопливо натянул трусы и, вылетев в прихожую, спросонья заметался, не зная, куда бежать. Когда он вошёл в кухню, на чайнике уже дребезжала крышка, а Женя громоздила на тарелку бутерброды.

– Садись, поешь.

Эркин, молча кивнув, сел к столу. Женя налила ему чая, подвинула сахар. Он только вскинул на неё глаза, и она, понимающе кивнув, налила и себе. Эркин ел быстро, сосредоточенно глядя перед собой. Четыре двойных бутерброда, сложив их сэндвичем, Женя аккуратно завернула в большой носовой платок.

– Вот, возьмишь с собой. Поешь в перерыве.

Эркин, по-прежнему молча, кивнул, залпом допил чай и встал. Женя, опасаясь, что он из упрямства не наденет тёплого белья, побежала за ним в спальню. Но – слава богу! – обошлось. Он и одевался, как ел, сосредоточенно и быстро. Женя смотрела на его окаменевшее напряжённое лицо и не знала, как его успокоить, утешить. Но, уже стоя у двери, засунув в карман свёрток с бутербродами и надевая шапку, Эркин улыбнулся ей.

– Всё будет хорошо, Женя.

И она обняла и поцеловала его в щёку. У Эркина дрогнули губы. Он молча повернулся и вышел.

Женя вздохнула. Она сама боялась понедельника. Как её ещё примут на новом месте? Эркин хоть видел своего бригадира, да, Медведева, а она своего... как его, да, Лазаря Тимофеевича Лыткарина, нет, а она два месяца скоро, как не печатала, те пару раз в региональном лагере не в счёт, а это как с музыкой, надо каждый день упражняться.

– Мам, а Эрик где?

Она обернулась. Алиса, растрёпанная со сна, в тёплой пижамке, стояла в дверях своей комнаты.

- Он на работу ушёл, – Женя заставила себя улыбнуться. – Ты ещё будешь спать?
- Ну-у, – Алиса зевнула и потёрла кулачками глаза, – я не знаю, – и опять зевнула.
- Тогда ложись, – решила Женя.

В самом деле, ведь ещё совсем темно, пусть спит.

На улице Эркину обжёг лицо холодный воздух, под ногами поскрипывал снег, а в остальном... Вполне терпимо. Через несколько шагов он нагнал группу мужчин явно из их дома и, судя по разговорам, работавших на том же заводе, и потому пошёл с ними. Ещё совсем темно, небо даже не синее, а чёрное, искрящийся в свете фонарей снег под ногами... Чем ближе к заводу, тем больше народу и плотнее толпа. Так вместе со всеми Эркин подошёл к проходной с крупно выписанной над дверью цифрой два.

Пропуск на входе... в раскрытом виде... быстрый взгляд на фотографию и на него... Дальше куда... Первый рабочий... Сюда и направо... Вторая внутренняя проходная, здесь уже женщина... Ей табельный номер... Дальше... Прямо по коридору... Эркин толкнул тяжёлую дверь с забранным деревянной решёткой стеклом и вышел во двор. Утоптаный тёмный снег, слепящие, как в тюремном дворе, прожекторы...

- Ага, пришёл уже.

Эркин вздрогнул и обернулся. Медведев. Не в полушубке, а в чёрной, очень похожей на рабскую, толстой куртке и таких же штанах, чёрных валенках, даже шапка другая – армейская. Медведев оглядел его так же внимательно.

- Ну, пошли.

Эркин молча пошёл за ним. Медведев подвёл его к десятку мужчин, одетых в такие же куртки, штаны и валенки, только шапки у всех разные.

- Что, новенького дали, старшбй? – встретили их.
- Ну, теперь нарботаем...
- Только вождя нам не хватало!
- Эй, вождь, томагавк где оставил?
- Ага, а скальпов много набрал?
- А чего не навесил? Мы бы посмотрели.

Сцепив зубы, Эркин сохранял лицо неподвижным. Такого он никак не ждал.

- Кончай базар, – спокойно сказал Медведев. – Пошли. Ты, ты и ты. На контейнеры.

Эркин молча ждал. Здесь, получается, не работали всей ватагой заодно, как в Джексонвилле, а кому где старшбй укажет. Да ему самому уже не хотелось становиться с кем-то из них в пару. Но... не ему выбирать. Дошла и до него очередь. Работа оказалась несложной. Мешки. Перегрузить из грузовика на склад и уложить в штабель у этой стены.

- Понял? От угла в один ряд на пять в высоту. Всё понял?

Чего ж тут непонятного, и Эркин молча кивнул. Всё бы ничего, но грузовик не мог подъехать к складу вплотную, и мешки приходилось носить за двадцать больших шагов – это раз, оказались они не слишком большими, но уж очень увесистыми – это два, а три – это напарник. Щуплый, в натянутой на уши вязаной шапочке и с нелепым именем – Ряха. Эркин с невольным сомнением оглядел напарника и спросил:

- Ты подавать будешь или укладывать?

– Ух ты! – восхитился Ряха. – А я-то думал, ты немой. Чего ж ты не поздоровался, доброй работы, понимаешь, не пожелал?..

Он частил, быстро оглядываясь по сторонам, будто искал зрителей. И Эркин понял, что работать ему придётся одному. Толку от Ряхи не будет. Андрей тоже балагурил и языком трепал, как хотел и зачастую без умолку, но и руки прикладывал, а этот... Будь это в Джексон-

вилле, Эркин бы его уже послал по всем известным адресам или попросту бы врезал, чтоб дошло. А здесь... здесь надо терпеть.

И он терпел. Как под надзирателем, когда ты знай работай и язык держи. Пока Ряха непонятно колупался возле грузовика или курил очередную «остатнюю», Эркин, как заведённая машина, влезал в кузов, подтаскивал к краю мешок, спрыгивал, сваливал мешок на себя, шёл на склад, укладывал мешок в штабель и шёл обратно. Шуточек Ряхи про томагавки и скальпы – что за хренотень такая? – и вообще его трепотни он не слышал. Ряхи для него просто не было. Вдруг Ряха сказал, уже явно обращаясь к нему:

– Слушай, я тут мигом, ты как не против?

Эркин молча кивнул, не оглядываясь, и даже как бы не заметил, что остался один. Мешок за мешком, мешок за мешком... Он не заметил и того, что погасли прожекторы, и как пошёл и прекратился снег. Бездонный этот грузовик, что ли?

– А Ряхов где?

Эркин как раз нёс очередной мешок, когда его остановили. Он даже не сообразил, что Ряхов – это и есть Ряха, а потому продолжил путь, буркнув:

– Не знаю.

И кто это его спрашивал, тоже не посмотрел: не всё ли ему равно? Но вот уже три мешка... два... всё, последний!

Эркин вышел из склада и огляделся. Ух ты, светло уже совсем! И народу что-то не видно. Он уже не спеша вернулся к грузовику, поднял и закрепил борт. И шофёра нет. Ну что ж, своё он отработал, теперь пока, как называли Медведева, Старшой ему новую работу не даст, можно и перекусить. Живот уже подводит. Намотался, что и говорить. Эркин смахнул снег с подножки грузовика и сел. Стянул верхние брезентовые рукавицы, варежки и достал из кармана свёрток. Развернул на колене и стал есть.

Он ел, тяжело медленно двигая челюстями, устало глядя на землю, на тёмный затоптанный снег. И, увидев остановившиеся перед ним армейские сапоги, так же медленно, с усилием поднял глаза. И не сразу узнал шофёра, глядевшего на него с каким-то странным удивлением.

– Мешаю тебе? – спросил Эркин.

– Мне ехать надо, – извиняющимся тоном сказал парень.

Эркин кивнул, сунул в рот остаток бутерброда, завернул оставшиеся два и, оттолкнувшись от подножки, встал. Шофёр потоптался, будто хотел что-то сказать, но ограничился кратким:

– Ну, бывай.

Залез в кабину и уехал.

– Бывай, – кивнул ему вслед Эркин, пряча в карман уполовиненный свёрток.

Сейчас бы потянуться, размять мышцы, но... но вон уже Медведев идёт. Эркин вздохнул и опустил глаза: нарываться ему нельзя.

Но неожиданность вопроса заставила его посмотреть в лицо бригадира.

– У тебя что, совсем денег нет?

– Почему нет? – Эркин решил, что речь пойдёт о прописке быстро прикидывал в уме, сколько у него с собой и сколько он сможет выложить. – Есть деньги.

И опять неожиданный вопрос:

– А чего тогда в столовую не пошёл?

Пока Эркин думал, как ему лучше ответить, подошли остальные. И вместо Эркина ответил Ряха:

– А он брезгует нами! Во-о-ождь! – и заржал.

Эркин опустил глаза и не увидел, как, растерянно хлопая глазами, Ряха смотрит на остальных. Никто его смеха не поддержал.

– Работяге с туеядцем хлеб не делить, правильно, – сказал кто-то.

Что такое «тунеядец», Эркин не знал, но о смысле догадался и искоса поглядел на сказавшего. А тот, неспешно натягивая большие брезентовые рукавицы, продолжил:

– Там контейнеров ещё десятка два. Так мы туда. Ты как, Старшбй?

– Идите, – кивнул Медведев.

Эркин меньше всего думал, что это и его касается, и потому, когда его дёрнули за рукав, удивился:

– Чего?

– Пошли-пошли, – явно немолодой мужчина, который говорил о тунеядцах, смотрел на него в упор.

Ну, так ведь всё равно с кем. И Эркин пошёл за ним.

Теперь они работали вчетвером. Молодой, чуть старше Андрея, парень, которого остальные называли Колька-Моряк, веснушчатый зеленоглазый Геныч и позвавший Эркина Саныч. Контейнеры оказались большими, тяжёлыми и с придурью. И на колёсах, и с ручками, а с места не стронешь, а поедет – не завернёшь и не остановишь. И опять: со склада на платформу, да не по прямой, а с объездами, спусками и подъёмами. Проклянёшь всё трижды и четырежды. Чем Колька-Моряк от души и занимался. Но злобы в его ругани не было, и Эркина она не трогала. А насчёт крутизны... он от Андрея и похлеще слышал. Затащенный на платформу контейнер крепили на стопор и растяжки. И шли за следующим.

– Слушай, а вправду, ты чего в обед в столовую не пошёл? – спросил Эркина на обратном пути Колька.

Спросил так, что Эркин честно ответил:

– Я не знал про столовую.

– А-а, – протянул Колька. – А Ряха трепал, что ты из принципа. Дескать, компанией брезгаешь, его прогнал...

Это так удивило Эркина, что он переспросил:

– Я прогнал Ряху?!

– Ну да.

Колька смотрел открыто, без подвоха, и явно ожидая ответа, но ответил вместо Эркина Саныч.

– Про тебя Ряха тоже интересно рассказывает.

Колька заметно смутился, а Геныч коротко хрипло рассмеялся.

И они взялись за следующий контейнер. Саныч шёл впереди, таща серую в рост человека металлическую коробку за неудобную переднюю ручку и коротко командуя им:

– Пошёл... стопори... вправо... пошёл...

И они втроём то толкали эту махину, то повисали на ней, стараясь замедлить, затормозить или повернуть. А уж на платформу затащить... сдохнешь.

– Давайте, мужики, – появился вдруг бригадир. – На вторую смену их нельзя оставлять.

– Давай ещё четверых, – ответил Саныч.

– Откуда я их возьму?! – рявкнул Медведев. – Все при деле!

– И Ряха? – удивился Колька.

И заржал. Засмеялись и остальные.

– Кто освободится, подошлю, – пообещал Медведев, исчезая.

Эркин окончательно убедился, что бригадир здесь не так сам ворочает, как остальных расставляет. Ну, это не его проблема. Его вон стоит, серая, с красными цифрами и буквами на боку. И видно, в них всё дело, потому что Саныч берёт контейнеры не подряд, а с выбором. Но спрашивать ни о чём не стал, молча ожидая, на какой ему укажут. Ага, вон тот, дальний. Ладно, надо ему дорогу освободить, если сдвинуть эти два... а если... если их сейчас перетасовать по-нужному, чтобы потом сразу брать...

– Саныч, – решил рискнуть Эркин, – а после этого какой будет?

– Это тебе зачем? – спросил Геныч.

А Колька засмеялся:

– Наперёд думаешь?

Но Саныч смотрел молча и внимательно, Эркин понял, что надо объяснить.

– Если их сразу по-нужному расставить, потом просто скатывать будем.

– Соображаешь, – кивнул Саныч. – Берёмся, мужики. Этот... теперь тот... на стопор поставь, а то укатится... так... вон тот теперь...

К концу перестановки Эркин приспособился выбивать и вставлять стопор ударом сапога. Саныч только буркнул:

– Полегче. Штырь погнёшь.

Эркин кивнул. Ну вот, расстановка закончена. Можно тащить первый.

– Отчаливай! – весело скомандовал Колька. – Полный вперёд!

И Эркин улыбнулся.

Когда они волокли последний контейнер, прозвенел звонок. Эркин ещё в Джексонвилле на станции привык, что постоянно что-то звенит, гудит, лязгает и громыкает, и потому не обратил звонок внимания, но остальные заметили.

– Во! Управились! – радостно заорал Колька.

– Не кажи гоп, – осадил его Саныч. – Стопори, яма... теперь вправо возьми... на подъём... пошёл...

Они втащили контейнер на платформу и закрепили его.

– Вот теперь всё, – удовлетворённо сказал Саныч.

Геныч стащил рукавицы и закурил.

– Всё, свалили.

Эркин огляделся. По всему двору с весёлым, уже нерабочим гомоном тянулись люди. Что, смена закончилась? Он посмотрел на часы. Три ноль семь.

– Всё, мужики, по домам айда, – Геныч спрыгнул с платформы.

Эркин перевёл дыхание. Да, так, похоже, и есть – конец смене. Он, как все, спрыгнул вниз, снял и засунул в карманы верхние рукавицы и пошёл следом за Санычем и остальными. По дороге рискнул спросить:

– Завтра... как сегодня?

– Ну да, – охотно ответил Колька. – Смена с семи. А что делать, укажут.

Эркин удовлетворённо кивнул. Больше ему ничего и не нужно. А встретившийся Медведев бросил ему на ходу:

– Завтра с семи, не опаздывай.

Эркин ждал, что ему про прописку скажут, но бригадира окликнули, а Саныч с остальными уже ушёл. Во двор входила вторая смена. «Ну, значит, завтра прописка», – решил Эркин, направляясь к выходу. Вот она, та самая, забранная деревянной решёткой дверь, через которую он входил утром. Где вход, там и выход. Нормально. Эркин потянул дверь на себя и вошёл в коридор. Так, теперь... туда, правильно, этот плакат он видел. Коридор пустынен, на стенах ещё какие-то надписи, но Эркин полагал, что это всё не для него.

– Эй, вождь! – окликнули его сзади.

Эркин узнал голос Ряхи и остановился, обернулся через плечо. Ряха, уже без куртки, и потому особенно щуплый и какой-то... дохлый, улыбаясь, подошёл к нему.

– Что ж ты, день отработал, мы тебя, понимаешь, приняли, ты теперь поставить нам должён.

Эркин кивнул и полез за бумажником. В бегающих глазах и кривой улыбке Ряхи о чувствовал какой-то подвох, но, не зная здешних порядков, он ничего не мог сделать.

– Сколько?

Ряха быстро облизал бледные тонкие губы.

– Ну, по бутылке каждому, да бригадире две, ему положено, это... двенадцать бутылок, значитца, да закусь какая-никакая...

Эркин свёл брови, считая. Двенадцать бутылок по три сорок семь – это... это чуть больше сорока, да ещё...

– Пятьдесят рублей хватит?

У Ряхи судорожно дёрнулся кадык.

– А... ага!

Эркин достал деньги. И снова ему не понравилась жадность, с которой Ряха выхватил у него деньги. «Зря они шакала на таком деле держат», – подумал он. А Ряха, скатав купюру в трубочку, засунул её куда-то за пояс штанов и зачастил:

– Ну, и ладненько, ну, и иди себе с богом, значит, не беспокойся, улажу всё, комар носа не подточит, домой ступай, наломался, небось, отдыхай...

Эркин пожал плечами, убрал бумажник и пошёл к выходу. Показалось ему или и впрямь Ряха тихо хихикнул ему вслед? А ну его! Вон уже окошко табельное. Какой номер-то у него?

Но, к его удивлению, круглолицая женщина в чёрной форме с синими нашивками на воротнике сама подала ему жетон – Эркин узнал его по зазубрине у верхнего отверстия – и рассмеялась его удивлению.

– А мы вас всех знаем. Работа такая. Ты у Медведева, что ли?

– Да, – кивнул Эркин.

– Ну, с почином тебя, счастливо отдыхать. До свиданья.

– До свиданья, – ответно улыбнулся Эркин.

И на внешней проходной мужчина в такой же форме, посмотрев на его пропуск, пожелал ему отдыха и попрощался.

На улице Эркин, проверяя себя, посмотрел на часы. Три пятнадцать. И светло. День ещё. Что ж, если и дальше так пойдёт, то у него полдня на подработку есть. Тоже неплохо. Но и порядки здесь!.. Прописка за глаза и дорогая какая. Бутылка каждому. С ума сойти. Хорошо, деньги с собой были. Ну, ладно, это он свалил. Завтра уже будет нормально.

Усталость словно отпустила его, и он шагал широко, свободно, с интересом поглядывая по сторонам. В общем, он был доволен. Работа оказалась тяжёлой, но не сложной, не слишком сложной. Завтра, конечно, куда поставят, но с Саньчем работать можно, и с Колькой, и Геныч – нормальный мужик. Ряха вот только... Да ну, что ему Ряха? Ну, придётся за себя и за Ряху, если опять окажутся в паре, работать, ну так что? Переживёт. И раньше такое бывало, и в имении, и в Паласах... Это всё пустяки. А вот денег у него не осталось, а он хотел по дороге домой купить чего-нибудь. Но и это ладно, Женя поймёт. Прописка же. Зато теперь он чист. Нет, всё хорошо, всё нормально.

Обшаривая на всякий случай карманы – вдруг мелочь завалилась, он нашёл свёрток с бутербродами и усмехнулся. Вот и гостинец домой. Так и не съел. А есть здорово хочется. Прямо хоть доставай и на ходу жуй. Ну, да ладно, перетерпим, вон уже... «Корабль» появился. И снег здесь белый, чистый. А вон и магазинчик...

Эркин шёл, подняв голову и обшаривая взглядом окна. Вроде, вон те его, или нет... Да нет, чего искать, уже крыльцо перед ним. Он взбежал по широким низким ступеням и толкнул дверь. Потопал в тамбуре, оббивая снег с сапог, и открыл следующую дверь. На лестнице уже свет горит. Внутренняя дверь. Доставая на ходу ключи, подошёл к своей двери и удивлённо заморгал. Утром этого не было – он помнит. Перед дверью лежал маленький яркий коврик в красную и зелёную клетку. Проверив себя, посмотрел на чёрный кругляш с белыми цифрами. Номер правильный. Так это что, Женя купить успела? Он осторожно встал на коврик, вытер ноги и открыл своим ключом верхний замок. Попробовал нижний. Открыт. Значит, Женя дома. Он толкнул дверь и вошёл. В неожиданно тёмную после залитого светом коридора, но уже пахнущую жилым теплом прихожую. Захлопнул за собой дверь.

– Кто там? – спросила из кухни Женя. – Эркин, ты?

И сразу – он и ответить не успел – к нему в ноги ткнулась с радостным визгом Алиса.

– Э-эри-ик! Эрик пришёл! Мама, Эрик вернулся!

Эркин включил свет и стал раздеваться. Снял и повесил куртку, шапку, стащил сапоги.

Надел шлёпанцы.

– Эркин, – Женя выбежала из кухни и порывисто обняла его, – как ты? Устал? Замёрз?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Даже жарко было. Я... я в душ сначала. Хорошо?

– Ну, конечно. А может, Эркин, может, ванну?

Эркин осторожно, чтобы не разорвать объятие, пожал плечами. Женя поцеловала его в щёку и отпустила.

– Иди, мойся. Я сейчас приготовлю всё. Там ведро, грязное прямо туда кидай.

Алиса попыталась сунуться в ванную следом за Эркином, но её позвала Женя. А в ванной тоже... новое. Большой, в половину его роста белый плетёный ящик. Похожий был в гостинице в Бифпите для грязного белья. А это для чего? Эркин приподнял крышку и увидел на дне что-то пёстрое. Значит, для грязного. А чего ему тогда Женя про ведро сказала? Ладно, разберёмся. Эркин снял рубашку и джинсы. Это стирать не стоит. Джинсы он и раньше каждый день не стирал, креповая рубашка тоже чистая, а вот бельё и носки с портянками... это надо. Он содрал с себя тяжёлое от впитавшегося пота бельё, затолкал в ведро и налил чуть тёплой воды. И уже шагнул было за простынную занавесь в душ, когда в ванную вошла Женя. Эркин растерялся, а она деловито положила на ящик его рабские штаны и тенниску.

– Вот, наденешь потом.

Она не смотрела на него, а он не знал: хочет ли, чтобы посмотрела.

– Вот, мойся, и будем обедать.

Взгляд Жени тепло, мягко скользнул по его телу. Он и ощутил его как прикосновение, будто... будто она потрогала его, погладила. И Женя уже вышла, а он ещё стоял возле душа, не понимая, что с ним. Потом тряхнул головой и вошёл в душ. Его мыло и мочалка уже лежали на бортике. Когда только Женя успела? Женя... Женя не боится его, он не противен ей. И что ему теперь до всего другого?! Эркин крутанул кран и счастливо охнул под туго ударившей его струей.

И когда он, уже в рабских штанах и тенниске, пришёл на кухню, за окном было совсем темно. А на столе... у Эркина сразу засосало под ложечкой. Женя засмеялась.

– Садись, Эркин. Сегодня настоящий обед. Не из пакетиков.

Счастливая мордашка Алисы, горячий необыкновенно вкусный суп, новенькие тарелки на блестящей клеёнке, а ложки старые, знакомые по Джексонвиллу, и халатик у Жени тот же, и фартук, и... и всё так хорошо.

– Так вкусно, Женя, – поднял он глаза от тарелки.

– Налить ещё? – улыбнулась Женя.

Эркин кивнул. И она налила ему ещё золотистого от жира мясного супа. Полную тарелку.

– Ты не обедал?

– Перекусил. Перерыв был маленький, – Эркин улыбнулся. – Два съел, а два домой принёс.

– Такой маленький перерыв? – расстроено переспросила Женя. – Эркин, при восьмичасовом рабочем дне час на обед положен.

– Час? – Эркин неопределённо хмыкнул. – Буду знать. Женя, там, мне сказали, столовая есть. Так я завтра там поесть попробую.

– Конечно, – согласилась Женя, собирая тарелки. – Обязательно возьмишь горячего. О деньгах не думай. Деньги у нас есть.

Эркин почувствовал, что краснеет.

– Женя, я все деньги сегодня потратил.

- Все? Это сколько? – Женя поставила на стол тарелки с картошкой и мясом.
- Сколько взял. Пятьдесят рублей, – вздохнул Эркин. – Это была прописка, Женя.
- Понятно, – кивнула Женя. – Не волнуйся, всё в порядке.

Эркин пытливо взгляделся в её лицо, потом вздохнул и стал есть. Ел уже спокойно: самое тяжёлое он сказал, и Женя поняла его. Конечно, пятьдесят рублей – это очень много, но это же только раз. А в Джексонвилле разве не пришлось ему отдать полпачки сигарет и весь дневной заработок? Отдал же. И не помер. А с Андрея сколько содрали? Везде так.

– Женя, спасибо.

– Ещё?

Он покачал головой.

– Нет, сыт уже.

– Тогда я тебе киселя сейчас налью. Алиса, доедай.

Эркин глотнул густой сладкой жидкости, улыбнулся.

– Я не сказал тебе. Коврик такой красивый. Ну, у двери.

– Тебе понравился? – просияла Женя. – Я вообще сегодня кучу денег потратила. Ну, коврики и ящик в ванной ты видел, – Эркин кивнул. – Ещё я Алисе купила. Сапожки и шубку. Ну, и белья.

– Правильно, – кивнул Эркин.

– И тебе.

Эркин невольно поперхнулся.

– Женя!..

– Что Женя? – Женя шлёпнула Алису между лопаток, чтобы та не горбилась. – Две смены мало. Надо, как минимум, четыре. А лучше шесть. Или мне каждый день стирать, чтобы ты с утра чистое надел?

– Я сам стирать буду, – попробовал возразить Эркин.

– Не выдумывай, – строго сказала Женя. – Мне с понедельника тоже на работу выходить. Давай я тебе ещё киселя налью. Вот так. Алиса, спать будешь?

– Не, я в коридор, – Алиса сделала умильную рожицу. – Можно?

– Можно, – улыбнулась Женя.

Пока она одевала Алису для прогулки в коридоре, Эркин допил кисель и собрал посуду со стола, сложил в раковину. Вбежала Женя и, отодвинув его, стала мыть посуду. Эркин стоял рядом и смотрел на неё, на её руки. А Женя мыла и говорила.

– Я ещё сушку купила, проволочную, как там была.

– Я повешу, – встрепенулся он.

– Ну, конечно, милый, сейчас я закончу и освобожу тебе место. А ещё, Эркин, знаешь, в воскресенье сорок дней Андрею. Сороковины.

– Что? – не понял он. – Как это?

– Ну, помнишь, – Женя взяла полотенце и стала вытирать тарелки, – помнишь, на девятый день мы его поминали? В лагере.

– Помню, конечно, – кивнул Эркин. – А на... сороковины так же?

– Да, – кивнула Женя. – Ну, ещё в церковь ходят. И на могилу.

Эркин вздохнул. Могила в Джексонвилле, в церковь ему идти совсем не хочется, но раз Женя считает, что надо... Да, вот ещё что.

– Женя, а водка обязательна?

Женя расставила посуду в шкафчике и кивнула.

– Я тут поговорила, Эркин, и в лагере... Но водку ты должен купить.

– Хорошо, – согласился Эркин. – Раз надо... Только...

– Что?

– Нет, ничего, Женя. Я тогда за ящиком сейчас схожу, сушку повешу.

И он пошёл за ящиком, злясь на самого себя, что вздумал предупреждать Женю. Дескать, я пьяный языком болтаю. Ни черта с ним не будет, удержит язык.

Эркин принёс на кухню ящик, улыбнулся Жене. И теперь она сидела у стола и смотрела, как он работает.

– Вот так?

– Чуть левее. Ага, так будет хорошо.

Эркин гвоздём пометил места для крючков, отложил сушку на шкафчик и стал их прибивать.

– Тебе нужно пальто, Эркин.

– Для работы куртка удобнее.

– Для работы, Эркин. А потом?

– Нет, – упрямо сказал Эркин. – Пальто мне не нужно.

И Женя догадалась.

– А если полушубок?

И по его дрогнувшим плечам, по быстрому благодарному взгляду через плечо поняла, что угадала правильно.

– Он дорогой, Женя, – тихо ответил Эркин.

– Не дороже денег. А деньги у нас есть.

Эркин проверил, надёжно ли сидят крючки, и надел на них сушку.

– Вот так, Женя, да?

– Да, к так хорошо.

Эркин улыбнулся.

– Ну вот. А деньги нам на квартиру дали, а не на одежду.

– И на одежду. Ты вспомни, как в Комитете сказали. На обустройство. Если бы мы свой дом выкупали или хозяйство завели, то да, все бы деньги туда ушли. А квартира у нас в аренде, наёмная, – рассуждала Женя. – Это и из зарплаты выплачивать можно. А одежда тоже нужна. Как... как посуда. И... не спорь, Эркин. Ну, не хочу я, чтобы ты хуже других ходил. Ты ж не пропойца какой подзаборный. А полушубок тебе купим. И валенки. Да, – Женя оживилась и вскочила из-за стола, – идём, покажу, что я Алисе купила.

Эркин сложил инструменты в ящик и, оставив его на кухне, пошёл за Женей.

Цигейковая – всё-таки что это за зверь? – золотисто-коричневая шубка с капюшоном, зелёные войлочные сапожки на меху и чёрные рейтузы с начёсом очень понравились Эркину и были им безоговорочно одобрены.

– Ну вот, – Женя погладила рукав шубки, – и завтра, когда в магазин пойду, возьму её с собой. А то она совсем воздухом не дышит.

Эркин задумчиво кивнул. Одобрил он и тонкую шерстяную кофточку на пуговицах, которую купила себе Женя, и тёплое бельё.

– А это тебе, – Женя продолжала показ-отчёт. – Ещё четыре смены. Шесть смен – уже нормально. И рубашек тёплых теперь шесть. И носков. Зима долгая. Чтобы хватило на всю зиму. Понимаешь?

Эркин слушал и кивал. Конечно, Женя права. Зима долгая, и, говорят, будет ещё холоднее. Но...

– Женя, ведь мебель ещё покупать. И ремонт делать.

– Да, – кивнула Женя, – я помню. Я думаю, сначала ремонт, а мебель уже потом. И, знаешь, я хочу, – Женя вздохнула, – ну, чтобы было красиво. Я всегда мечтала о гарнитуре. Знаешь, что это такое?

Эркин помотал головой и сел на пол среди разбросанных вещей.

– Я слушаю. Говори, Женя. Так что такое... гарнитур?

– Это когда мебель не по одиночке покупается, а сразу. И всё в одном стиле. Ну... вот спальня, – Женя широким взмахом обвела комнату, в которой они были. – Что нужно в спальню? Кровать, тумбочки у кровати, шкаф, трюмо, хорошо бы трельяж, комод, пуфики...

Эркин слушал и кивал. Он был, в принципе, со всем согласен. Хватило бы денег.

– Ковёр на пол, шторы на окно, – Женя посмотрела на Эркина и рассмеялась. – Вот, понял?

– Понял, – кивнул Эркин. – И всё сразу покупать?

– Хотелось бы, – вздохнула Женя. – Ведь как хорошо, что у нас на кухне стулья такие красивые, правда?

– Правда, – не стал спорить с очевидным Эркин и тут же предложил: – Женя, а ведь и стол можно такой заказать, чтоб и на кухне был... гарнитур.

– Конечно, – обрадовалась поддержке Женя. – Но сначала... сначала ремонт.

Эркин вздохнул.

– Да. Обои поклеить.

– Потолки побелить, а лучше покрасить, – подхватила Женя. – Кухню покрасить, ванную, уборную, кладовку...

Эркин сразу помрачнел: кладовку-то он так и не убрал.

– Женя, я за кладовку возьмусь. Я... я только вещь одну сделаю и тогда за кладовку. Хорошо?

– Ну, конечно, – даже несколько удивилась его горячности Женя.

Он гибким ловким движением вскочил на ноги.

– Я на кухне работать буду. Там светло. И стол.

Когда Женя, сложив вещи, вошла в кухню, клеёнка была убрана, а чтобы не запачкать стол, Эркин расстелил чистую тряпку, разложил на ней инструменты и пузырьки из ящика. Женя тихо сбегала за шитьём – чулки на Алиске так и горят – и села на другом конце стола. Эркин быстро вскинул на неё глаза, улыбнулся и снова ушёл в работу. Он давно думал об этом: как сделанную Андреем рукоятку ножа всегда носить с собой, не боясь выронить и потерять. И получалось одно: припаять или приклеить кольцо. Нет, приклеить, конечно. Паять он не умеет, а просить кого-то... нельзя, это он должен сам сделать. Спасибо Жене, что сидит рядом и не спрашивает ни о чём. Зачистить край, протереть едким, пахнущим, как водка, но более резко содержимым вот этого пузырька и больше руками протёртое место не трогать. Теперь кольцо. У Андрея их много запасено было, разных, вот это гладкое, без зазубрин, чтоб не перетёрло ремешок, а здесь наоборот – зашершавить напильником, чтобы стало плоским, а то не схватит, и приложить, как подойдёт... Плохо, надо ещё снять, вот так, и ещё... И надо аккуратно, чтоб самого себя по пальцам не задеть. А вот теперь хорошо, и тоже протереть. Теперь... теперь это всё в сторону, теперь клей... Этот? Да. Про него Андрей говорил, что пулю к стволу приклеит. Так, как это делал Андрей? Ага, помню: намазать, дать подсохнуть и снова намазать... И зажать, и держать так...

Когда Эркин почувствовал, что кольцо уже не «дышит» под рукой, он осторожно положил рукоятку на стол и стал собирать инструменты. Как делал Андрей, тоже протёр всё, разложил по местам.

– Женя, я на подоконник положу, пусть сохнет.

– Конечно-конечно.

Тряпку он тоже свернул и убрал в ящик.

– Я в кладовку пойду, посмотрю там.

– Хорошо, – Женя закрепила шов и отрезала нитку. – Я в ванной буду.

Эркин вышел в прихожую, распахнул дверь в кладовку. Чем бы её подпереть? А, вон же чурбак. Вот так. Для начала... для начала вытащим всё в прихожую. Обрезки досок, какие-то то ли палки, то ли тонкие длинные поленья, обломки ящиков. С гвоздями. Хорошо, Алисы

нет, а то бы полезла и поцарапалась. Верёвки какие-то, ремешки, ничего, это всё пригодится. А это что?

За плеском воды – Женя полоскала бельё в ванне – она плохо расслышала, но ей показалось, что Эркин закричал. А, выглянув из ванной, увидела его лежащим на полу.

– Эркин?! – бросилась она к нему. – Что?!

Но он уже стоял на четвереньках среди разбросанных досок и палок и тряс головой.

– Ничего, ничего, я сейчас... – перемешивал он русские и английские слова.

Женя опустилась рядом с ним на колени, обняла. Он вздрогнул от её прикосновения и отпрянул.

– Вода! Нет, не надо! – вырвалось у него по-английски.

Женя отёрнула мокрые руки.

– Да что с тобой?!

– Сейчас... сейчас... – Наконец он продышался, поднял на Женю глаза, неловко улыбнулся и заговорил по-русски: – Я сам виноват, Женя, думал, верёвка, а это... провод.

– Под током? – испугалась Женя.

– Да, – и по-английски: – Током ударило, – и опять по-русски: – Не пускай Алису туда.

Эркин сел, потёр руки от кистей к локтям и виновато улыбнулся.

– Я испугал тебя, да? Прости, Женя. Просто... меня давно током не били, вот я и заорал.

– Ну её, эту кладовку, – заплакала Женя. – Ты же убиться мог.

Эркин глубоко вдохнул и выдохнул.

– Делать всё равно придётся. Я только не знаю, как. Я, – он опустил голову, – я боюсь тока, Женя. Меня... много били током... раньше... до имения...

Женя торопливо обтерла руки о халатик и обняла Эркина за шею. Положила его голову себе на плечо. И на этот раз он не отпрянул.

– Ничего, – шептала Женя, – ничего, всё будет хорошо, ничего...

И чувствовала, как обмякает, расслабляется его тело. А когда поняла, нет, почувствовала, что он успокоился, поцеловала в висок и встала.

Эркин снизу вверх смотрел на неё затуманенными глазами, потом взмахом головы отбросил прядь со лба и встал.

– Я ещё повожусь здесь, Женя.

– Ты только осторожней, Эркин, – вздохнула Женя.

Она знала, что он не отступит. И, в самом деле, Эркин опять полез в кладовку. На этот раз, правда, он вооружился длинной палкой и сначала трогал ею каждый обломок, отодвигая от лежащего на полу провода. Но как же он здесь пол мыть будет?

Женя закончила стирку, развесила выстиранное бельё на сушке – а ведь для постельного белья сушка маловата будет, надо будет подумать о верёвках – и, поглядев на часы, ахнула:

– Эркин, поздно уже, Алиса!..

Эркин, сортировавший в прихожей вытащенное из кладовки, подошёл к двери, открыл её и выглянул в коридор.

– Алиса!

– Иду-у! – готовно откликнулась Алиса. – Всем до завтра, я домой!

Эркин впустил её в квартиру, и, увидев разбросанный по полу хлам и открытую дверь кладовки, Алиса возмутилась:

– Да?! А меня не позвали?!

Она явно собиралась нырнуть в кладовку, и Эркин еле успел перехватить её.

– Туда нельзя.

Алиса поглядела на него и, мрачно насупившись, стала раздеваться. Когда она ушла в ванную мыть руки, Эркин по-прежнему палкой затолкал провод подальше от двери и стал

закладывать в кладовку всё вытащенное оттуда. Укладывал так, чтобы потом при необходимости можно было достать, не касаясь провода.

– Эркин, – позвала его Женя. – Мой руки и садись. Ужинать будем.

– Да, иду, – откликнулся он, закрывая дверь кладовки.

Гвоздём, что ли, её забить, чтобы Алиса туда не залезла? Да, так и сделает. Минутное же дело. Где его ящик?

– Я сейчас, Женя.

Он выбрал большой гвоздь, вбил его двумя ударами на половину длины в угол над дверью. И третьим ударом загнул. Попробовал дверь. Держит! И уже спокойно закрыл ящик, поставил его у двери в кладовку и пошёл мыть руки.

На кухне стол уже накрыт, и его ждала тарелка с картошкой и мясом. Эркин сел на своё место, улыбнулся хитро посматривающей на него Алисе.

– Эрик, а в мозаику поиграем?

– Хорошо, – кивнул Эркин.

– Только недолго, – строго сказала Женя. – Завтра рано вставать.

– На работу, – понимающе кивнула Алиса.

– Вот именно, – улыбнулась Женя.

Они спокойно поели, выпили чаю, и Алиса побежала в свою комнату за мозаикой, а Женя убрала со стола.

Сегодня они начали выкладывать большой – во всю подложку – многоцветный венок. И дошли почти до половины, когда Женя сочла, что Алисе пора идти спать. Алиса покосилась на неё, на Эркина и согласилась. Сопя, собрала мозаику.

– Завтра закончим, да, Эрик?

– Да, – кивнул он.

Когда Алиса ушла, Женя поставила на стол две чашки.

– Сейчас я уложу её, и поговорим. Так? Как тогда?

Эркин счастливо улыбнулся: да, всё, как тогда. Женя ушла к Алисе, а Эркин встал и подошёл к окну, взял рукоятку и попробовал кольцо. Хорошо держит. Теперь... где он видел шнурок? Да, в кладовке, там был как раз подходящий ремешок. Он его положил вместе с верёвками возле двери. Положив рукоятку на стол, он пошёл в кладовку. Отогнул гвоздь и приоткрыл дверь так, будто боялся, что оттуда кто-то выскочит на него. Да, вот она, вся связка. Он вытащил её, быстро перебрал и выдернул нужный ремешок. Узкий, как раз по кольцу, и не слишком длинный. Забросил связку обратно, закрыл дверь и повернул гвоздь.

– Эрик, – сонно позвала его Алиса, – а ты меня вчера на ночь не поцеловал.

Эркин вошёл в её комнату, наклонился и коснулся сжатыми губами её щёчки.

– Вот так, – удовлетворённо вздохнула Алиса. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил Эркин.

Когда он пришёл на кухню, Женя уже налила в чашки чай.

– Ты ей дверь не закрыл?

– Нет, – Эркин сел к столу. – Сейчас я только сделаю...

Он продел в кольцо ремешок и связал концы плоским узлом. Женя по-прежнему ни о чём не спрашивала, и он сам сказал:

– Это Андрея. Андрей мне нож делал. А когда нас арестовывали, оружие отбирали, и я отломал рукоятку. Буду теперь с собой носить.

Он говорил, глядя на свои руки, заправлявшие в узел концы. Ремешок крепкий, и узел надёжный. Эркин поднял на Женю глаза и улыбнулся. Положил рукоятку на стол и придвинул к себе чашку. Улыбнулась и Женя.

– Ну, вот мы и приехали.

– Да, – Эркин как-то удивлённо улыбнулся. – В самом деле, приехали. Ты... ты довольна?

– Конечно. Знаешь, – Женя двумя руками поднесла к губам чашку, но не пила, а смотрела на него поверх её краёв. – Знаешь, я как-то не верю, что всё кончилось, что мы дома. Так всё внезапно... квартира, деньги... господи, не верится даже.

– Не верится, – повторил Эркин и кивнул. – Да, так. Женя, ведь... мы... мы не поедем больше никуда, тебе здесь нравится, Женя? Я... я сделаю всё, всю квартиру сделаю. Ты мне покажешь, как обои клеить, и я сделаю.

– Сделаешь, – кивнула Женя. – Конечно, мы никуда не поедем. И с понедельника начнём заниматься ремонтом. А завтра... нет, в субботу пойдём на рынок, купим тебе валенки и полушубок, и... вообще, посмотрим.

– Полушубок – очень дорого, – упрямо свёл брови Эркин. – Женя, а если нам не хватит на квартиру?

Женя рассмеялась.

– Будем делать всё постепенно. Знаешь, я когда-то читала, что, когда дом закончен, пора умирать.

– Д-да, – не очень уверенно согласился Эркин.

– Ну вот. А полушубок тебе нужен. Я завтра узнаю, где лучше его покупать. На рынке или в магазине. И почём они.

– Хорошо, – кивнул Эркин.

Дневная усталость снова накатывала на него, и сил спорить уже не было. Но ему вообще всегда было трудно спорить с Женей.

– Давай ложиться, Эркин.

– Да, – он допил чай, и Женя забрала у него чашку.

Эркин, устало опершись ладонями о стол, встал.

– Я пойду, Женя.

– Ничего-ничего, иди, ложись. Я уберу здесь и тоже лягу.

Она вымыла и поставила на сушку чашки, протёрла стол. Насколько клеёнка удобнее, просто прелесть! Ну, вот и всё. Женя ещё раз оглядела кухню, выключила свет и вышла. В спальне горит свет, и в прихожей можно не включать. Господи, не квартира, а чудо! Сказочно повезло.

Проходя из уборной в спальню, Женя заглянула к Алисе. Спит. Набегалась, наигралась и спит. Ну, и отлично. Дверь пока пусть открыта, со временем приучится. Она вошла в спальню. Эркин уже спал, как обычно лёжа на спине и закинув руки за голову. Не желая раздеваться на свету – хоть время и позднее, но ведь у дома вполне может оказаться припозднившийся прохожий, и, пока занавесок нет, надо об этом помнить – Женя выключила свет и в темноте сбросила халатик, вытащила из-под подушки и надела ночную рубашку, и осторожно, чтобы не потревожить спящего Эркина, легла. Хорошо, когда квартира тёплая, можно на полу спать. Ну, да ничего, сделаем ремонт и начнём обставлять. Жалко, солнца не было, непонятно, куда окна выходят. Но спальню хорошо бы белую, или нет, лучше розовую. А кухню... Кухню «деревянную, да, стиль „кантри“, а Алисе... Ну, детская – весёлая, в зеленоватых тонах. Как у Андерсена? „Зелёный цвет полезен для глаз“».

Эркин слушал ровное дыхание Жени, стрёкот будильника, урчание и бульканье в трубах и улыбался. Это его дом. «Бегал и добегался?» Да, он добежал. «Не любишь кочевья?» Не люблю. Меня слишком часто продавали. Паласы, камеры, торги... Нет, я сам приехал сюда, нет, больше я не побегу и не дам себя гонять. Тишина и спокойствие вокруг, и шорох снежинок по стеклу. Опять идёт снег. Это уже не страшно. У Жени и Алисы тёплого хватает, квартира тёплая, на еду деньги есть. Интересно, когда на заводе платят? Если каждую неделю, то завтра он получит за два дня. А если нет? Надо будет хоть десятку с собой взять. Нельзя совсем без денег. Будет с работы идти, купит чего-нибудь... Женя рядом, только руку протяни. Если что, нет, не думай об этом. Женя успокоилась, забывает, пусть совсем забудет. А он... он будет

ждать. Столько, сколько надо, день, два, неделю, год если надо, но того мгновения, когда Женя сама ему скажет, когда сама позовёт его. А сейчас надо спать... А полушубок, конечно, было бы хорошо, белый, на белом меху, как у старшего, и валенки тогда, как он видел, обшитые кожей, да, правильно, бурки. И Жене такие же хорошо бы. Сапоги у Жени теперь есть, пусть будут и валенки. И Алисе валенки. И... и санки, как он сегодня видел, когда шёл домой. У Алисы тёплая одежда есть, будет гулять... В субботу они все вместе пойдут на рынок... В воскресенье сороковины, надо идти в церковь... Интересно, в русской церкви такое же занудство или есть что-то стоящее? В лагере о полах хорошо не говорили, и о церкви тоже, но раз надо... Мысли путались, уплывали, и уже только спокойствие и тишина, и ничего больше нет, и не надо ничего, и дыхание Жени рядом, тепло её тела...

Звонок будильника, мгновенно возникшее ощущение пустоты рядом и ударивший по векам свет разбудили его. Эркин приподнялся на локте. Женя? Жени нет. Уже утро? Пора вставать. За окном темно, а на часах? Да, пора. Эркин откинул одеяло и встал, потянулся, сцепив пальцы на затылке. Оглянулся случайно на окно, увидел своё отражение почти в полный рост во всей красе и, охнув, присел, поняв, что и его с улицы так же видно. Ах ты, чёрт, как же он раньше не сообразил?! Ведь знал же, а не подумал. Занавески нужны. Обязательно. Плотные шторы. А то он как на торгах, даже хуже, на сортировке.

– Эркин, – позвала из кухни Женя. – Уже утро.

– Бегу, – ответил он, сгребая в охапку приготовленную на утро одежду и ползком выбираясь в прихожую.

– Ты чего? – удивилась Женя.

Сидя на полу, Эркин быстро натягивал бельё.

– С улицы всё видно, – мрачно ответил Эркин, вставая и заправляя нижнюю рубашку в джинсы.

Сообразив, Женя рассмеялась, тут же прищёпнув себе рот ладошкой, чтобы не разбудить Алису.

– Ну, ничего страшного, иди, умывайся, сейчас чайник закипит, чаю выпьешь.

– Да, я мигом.

Через несколько минут он уже сидел за столом и, обжигаясь, пил горячий сладкий чай. Женя подкладывала ему бутербродов.

– Да, – вскинул он на неё глаза, – там у меня в куртке ещё со вчера бутерброды...

– Ты их вчера и съел. Ещё за обедом. Эркин ещё?..

– Хватит, – мотнул он головой, – спасибо, Женя, – и, видя её огорчение, улыбнулся: – С полным животом тяжело работать.

Взял со стола ремешок с рукояткой, надел на шею, заправив под нижнюю рубашку, к телу. Застегнул верхнюю, купленную уже здесь.

– У тебя деньги на еду есть? – Женя протянула ему пять десятков.

– Столько много.

Он попытался взять только одну, но Женя нахмурилась, и Эркин сдался, взял все.

– Может, на обратном пути купишь чего, – говорила Женя, идя за ним в прихожую.

Эркин спрятал деньги в бумажник, сбегал в спальню за своими часами, вернулся, быстро сосредоточенно обулся, натянул куртку и уже взялся за ручку двери, когда Женя быстро поцеловала его в щёку рядом со шрамом.

– Счастливо, Эркин.

– Да, – шевельнул он ответно губами, коснувшись ими её виска, и вышел.

Женя заперла за ним дверь, заглянула в комнату Алисы – нет, сегодня не проснулась, значит, привыкает уже – и вошла в спальню. Да, конечно, нужны шторы. Но пока нет обоев и

вообще до ремонта... Да, с понедельника они начнут готовиться к ремонту. Клей, обои, краска, мастика для пола... Женя стала убирать постель, прикидывая в уме предстоящие покупки.

Эркин шёл быстро, обгоняя идущих, как и он, к заводу. Шёл, уже глядя по сторонам, замечая, что в большинстве окон занавески просвечивают, видны силуэты, но толком не разобрать ничего. А вот тоже окно без штор, голое. Ну, всё напояз. Если его вот так видели сегодня... ладно, вон уже забор заводской. Вокруг окликали друг друга, разговаривали, смеялись. Эркин прислушался, даже головой повертел, но знакомых никого не увидел. Первая проходная... вторая... знакомый коридор... а вот и двор.

Ночью выпал снег, и двор казался светлым. Эркин огляделся. Вроде вчера, когда Старшбй, да, Медведев, его окликнул, все стояли вон там. Значит, здесь и подождёт остальных. Только чего это он один? Вроде... Эркин посмотрел на часы. Без пяти семь. Ладно. Главное – не опоздал.

– О, уже здесь, здорво!

Эркин обернулся, увидел Кольку-Моряка и улыбнулся.

– Здорво! А... остальные где?

– А вон идут. Ты как это проскочил, что тебя не заметили?

Эркин пожал плечами. Он уже видел остальных. Саныча, Геныча, рыжебородого, а вон и Ряха суется, мельтешит, и Медведев идёт...

– Ага, – кивнул Медведев, увидев Эркина. Как и вчера подошёл вплотную, шевельнул ноздрями, принюхиваясь, и кивнул. – Хорош. Все за мной, – и уверенной развалкой пошёл к платформам.

Натягивая поверх варежек брезентовые рукавицы, Эркин шёл рядом с Колькой. Значит, это что, Медведев его на перегар проверял? Ну... правильно, на то он и Старшбй, Арч, помнится, таких, кто после пьянки припёрся, одним пинком из ватаги вышибал. Ряха там чего-то верещал про вождей и томагавки, но это Эркина не волновало. Он на прописку дал, его прописку приняли, а что в ватаге шакала держат... ладно. Не он старшбй, так не его проблема. А интересно: что это такое – то-ма-га-вк? У кого бы спросить, чтобы Ряха не пронюхал?

Работа оказалась хитрой. Снимать с платформ ящики и тут же закатывать на их место железные бочки. И менять крепления. Ящики в одно место, бочки из другого... круговорот. А их всего... двенадцать. Четверо на ящиках, четверо на бочках, а двое крепления меняют и сходят двигают. Бочки тяжеленные, их только вдвоём ворочать, а катать нельзя. Ну, не гадство?! Но Эркин был доволен: он попал в пару с Колькой. Колька – не Ряха: и языком треплет, и руки прикладывает. А бочки – такие не такие, но похожие – они ещё тогда с Андреем ворочали, тогда и рукавицы получили. А с Колькой получается. Подладились они друг к другу.

– Пошёл...

– На меня...

– Есть... Давай...

– Пошёл...

Медведев командовал расстановкой ящиков, да суется и шумел Ряха, а на креплении распоряжался Саныч. Работали споро, без ненужной толкотни. И шум вокруг стоял тоже привычный, как на Джексонвиллской станции, только вот... пересвистывания рабского нет – вдруг заметил Эркин. Хотя, чего ж тут странного? Он который день в городе, а цветных, считай, не встречал. Неужто он на весь город один такой? Смешно даже.

Оглушительно, перекрыв все лязги и грохоты, заверещал звонок.

– Обед? – спросил Эркин у Кольки.

– Ну да. Дотащим её, что ли?

– Не оставлять же здесь, – пожал плечами Эркин.

– Ну, давай, – кивнул Колька и заорал: – Саныч! Нас подожди.

– Давайте по-скорому, – отозвался с платформы Саныч, передвигая сходни вдоль платформы.

Остальные уже уходили. Эркин с Колькой дотащили бочку, подняли её на платформу, вставили в ряд, и Эркин помог Санычу закрепить растяжку. Напарник Саныча уже ушёл.

– Уф! – Колька сдёрнул рукавицы и сбил ушанку на затылок. – Айда обедать, – и посмотрел на Эркина, – С нами?

Эркин кивнул. Саныч спрыгнул с платформы, и они втроём пошли через весь двор к дальнему крыльцу, перешагивая через рельсы.

Было уже совсем светло, под ногами без хруста и скрипа поддавался тёмный истоптанный снег. Поднялись на высокое – в десять ступенек – крыльцо и вошли в просторный, неожиданно светлый зал. Эркин шёл за Колькой и Санычем, памятуя старое правило: «Не знаешь, что делать, делай как все». Как и они, он снял и сдал на вешалку куртку и шапку, переложив бумажник в джинсы, и получил жестяной, похожий на табельный, номерок. В уборной под длинным во всю стену зеркалом ряд раковин, и даже мыло лежит у каждой, а полотенце? Вместо полотенца была сушка. Как в Паласе, но маленькой коробкой и так, что горячий воздух шёл только на руки. А столовая похожа на лагерную. И Эркин почувствовал себя увереннее. Они встали в общую очередь, взяли подносы... Эркин по-прежнему держался за Колькой и Санычем и – на всякий случай – взял себе то же, что и они. Здесь не давали, как в лагере, готовый паёк, а ты сам переставлял себе на поднос тарелки, и не на талоны, а за деньги. Обед стоил рубль. Получив и спрятав сдачу, Эркин взял поднос и пошёл по залу, отыскивая свободное место. И когда Колька призывно махнул ему из угла, радостно поспешил туда.

– Ну, – Колька весело подмигнул сидевшим за этим же столом двум девчонкам в белых косынках и пёстрых кофточках под белыми халатиками, – будем жить, девчата!

Девчонки посмотрели на него, покосились на Эркина, фыркнули, допили компот и встали, собрали свою посуду и ушли.

– Сборщицы-наладчицы, – мотнул головой им вслед Колька, – аристократия, понимаешь ли, а мы – трудяги с первого рабочего. Вот оно как, браток.

Что такое аристократия, Эркин не знал, но общий смысл понял и кивнул.

Ели здесь быстро, но без рабской жадности. Народу много, на место девчонок тут же сели двое мужчин в тёмных рубашках и синих полукомбинезонах. Они увлечённо продолжали свой спор, непонятный Эркину, а потому и неинтересный.

– Ну вот, поели, – Колька, допив компот, вытряхнул себе в рот ягоды, – теперь бы поспать, а надо работать. Ты чего б хотел?

Эркин улыбнулся, и Колька понимающе кивнул.

– Всё ясно. Тогда пошли.

– Давайте, давайте, – поторопила их женщина в тёмно-зелёном халате с полным подносом в руках. – А то ишь, как в ресторане расселись.

И в столовой, и возле вешалки Эркин всё время чувствовал на себе внимательные, любопытные, но... но не враждебные взгляды. Это было, в общем-то, привычно. Всю жизнь он такой... приметный.

Уже у двери во двор Кольку кто-то окликнул, и Эркин, не желая вмешиваться в чужие дела, вышел. Редкий снег, двор пуст и тих. Эркин посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. С запасом успели. А ведь они ещё позже других ушли, и в очереди долго стояли, так что... как Колька сказал? Будем жить? Будем! Эркин не спеша, спокойно глаза по сторонам, пошёл к платформам. Вроде, они там ещё не закончили. Ага, вон бочки стоят. И ещё целая платформа ящиков. Это... это получается, им до конца смены хватит. Эркин присел на край платформы, положив на колени брезентовые рукавицы. А хорошее бельё какое. И не холодно в нём, и от пота не липнет. И рукаютка не мешает, ну, если честно, почти не мешает. Всё-таки большая она. Когда куртку снял, заметил в зеркале, как выпирает под рубашкой. Может и впрямь лучше

ремешок за пояс зацепить, а саму в карман сунуть? Ладно, вон уже Старшб́ой с остальными идёт. Эркин натянул рукавицы и встал. Медведев молчаливым кивком поставил всех по местам, и утренняя карусель снова завертелась. И даже чуть побыстрее. Или это только кажется? Всё-таки, когда сыт, на всё по-другому смотришь, да ещё когда не «кофе с устатку» в закутке с куском хлеба, а нормальный обед за столом в чистоте... нет, будем жить!

– Пошёл...

– Давай...

– Ровней...

– На себя подай...

– Эй, Старшб́ой, перекурить бы...

– Сделаем – перекурим...

– Улита едет...

– Давай, шевелись, улита!..

– Лево...

– Крепи...

– На меня...

– Есть...

– Пошёл...

Ящики уже все, и та четвёрка тоже на бочках.

– Давай, мужики, паровоз под парами!

– А пошёл он!..

– Ага, есть!

– Да куда ж ты её пихаешь, мать твою, левее подай!

– Саныч, крепи!..

– Поучи меня!..

Ругань крепче и забористее. Над Ряхиной болтовнёй уже не гогочут. Ну, ещё... и ещё... и ещё... И... и все? Последняя? Да, вон её уже без них волокут. Эркин огляделся, проверяя себя, посмотрел на Кольку.

– Все?

Колька кивнул и заорал:

– Старшб́ой, спустить паруса, вёсла сушить!

Его поддержали дружным весёлым гомоном. Медведев махнул рукой куда-то в конец двора.

– Подавай! – и, когда ему в ответ тоненько свистнул маленький паровоз, повернулся к бригаде: – Пошли, мужики.

Эркин пошёл со всеми. Хотя по его ощущению времени до конца смены оставалось совсем немного, и вряд ли им дадут новую работу, но раз бригадир сказал всем идти, то наверняка это и его касается.

Вошли в уже знакомую дверь, но повернули сразу налево, в другой коридор, ещё поворот, и Медведев властно распахнул дверь с крупно нарисованной цифрой пять. Большой стол и табуретки, раковина с краном и маленькое зеркальце в углу, доска с набитыми крючками у двери и узкие дверцы по двум стенам. Эркин растерялся, не понимая, куда и – главное – зачем они пришли. Но остальные по-хозяйски спокойно, уверенно снимали и вешали на крючки куртки и шапки и рассаживались за столом. Некоторые вначале смотрели в дальний правый от двери угол, где висела маленькая тёмная... картинка вроде, и крестились. Эркин снял шапку и расстегнул куртку, но остался стоять у двери, не зная, что делать. Остался стоять и Медведев.

– Ну, что, мужики? – сказал он, когда все сели за стол. – Подобьём бабки или как?

– Подобьём, – кивнул рыжебородый.

– Что надо, всё увидели, – кивнул Саныч.

Все заговорили наперебой.

– Руки есть, и голова варит.

– И не болтун.

– Да уж, чего нет, того нет.

– Не новичок, куда не надо, не лезет.

– Пашет без булды.

– И в паре хорош.

Эркин, начиная смутно догадываться о смысле происходящего, молча следил за говорящими, стараясь не мять, не скручивать ушанку.

– Так что, – когда все замолчали, снова заговорил Медведев, – берём его?

– Берём, – кивнул Саныч.

Закивали и остальные.

– Стоящий парень.

– Ладно, пойдёт.

Колька широко улыбнулся Эркину, да и остальные смотрели на него теперь гораздо доброжелательнее.

– Ну, давай знакомиться, – сказал Рыжебородый. – Я вот Антип Моторин. А тебя как звать-величать?

– Эркин Мороз, – ответил Эркин.

Он стоял по-прежнему у двери, но Медведев жестом пригласил его к столу, а остальные кивали и улыбались. Дёрнулся как-то молчавший всё время Ряха, но этого не заметили. И Эркин снял и повесил на ближний крючок куртку, пристроил там же ушанку и подошёл к столу.

– Мороз – это пойдёт, – кивнул Саныч. – А я Тимофей Александрович Луков.

– Саныч он, – перебил его Колька. – Николай Гольдин, будем знакомы.

Имена, прозвища, всё вперемешку, рукопожатия. Жали ему руку крепко, явно проверяя, и Эркин отвечал тем же, соразмеряя силу. В общей суматохе, кажется, и Ряха сунул ему свою пятерню с какой-то жалкой просящей улыбкой, которую Эркин не понял. И вот он уже сидит со всеми за столом, и на стол падают пачки сигарет, и общий разговор про откуда приехал, где поселился, один или семейный. И Медведев кивает ему на одну из дверей.

– Твой будет.

И ему объясняют, что это шкафчик, в понедельник пусть на полчаса раньше придёт и у кладовщицы, Клавка как раз дежурит, ну, рыжая подберёт, а она уже рыжая, да, покрасилась, за пятьдесят бабе, а всё Клавка, да уж старается, ну, робу у неё получишь, куртку, штаны, валенки, и будешь переодеваться, а то чего в рабочем по городу идти, и своё на работе трепать не следовало...

– У меня нет другого, – тихо сказал Эркин.

– Ничо! – хлопнул его по плечу Колька. – Я вон тоже бушлат таскаю.

– Ага, до снега в бескозырке ходил, уши морозил, но чтоб девки об нём обмирали.

Эркин смеялся вместе со всеми. А ему рассказывали заодно и когда смены начинаются и заканчиваются, и сколько на обед положено, и чего можно и нельзя во дворе...

Медведев встал, достал из своего шкафчика и положил на стол две большие толстые замусоленные тетради. Их встретили добродушным гоготом.

– Ага, Старшóй, бумажка она...

– Сильнее пули бывает.

Медведев с чуть-чуть нарочитой строгостью раскрыл тетради.

– Так, Мороз, грамоту знаешь? Писать умеешь?

– Две буквы, – честно ответил Эркин.

За столом хмыкнули, улыбнулись, но язвить и насмехаться не стали. Даже Ряха, быстро поглядев по сторонам, промолчал.

– Вот, здесь их и напиши, – Медведев дал ему ручку и пальцем ткнул в нужное место. – Это за то, что ты про распорядок и технику безопасности прослушал и понял.

Эркин старательно вырисовал *Е* и *М*.

– Так, – Медведев закрыл тетрадь и открыл другую. – А это серьезней. Это о предупреждении о неразглашении.

Эркин недоумевающе вскинул на него глаза.

– Чтоб про завод не болтал, – серьезно сказал Саныч. – Вышел за ворота, и язык подвязал. Работашь грузчиком и всё, больше никому и ничего.

И остальные перестали улыбаться, смотрели серьезно и даже строго.

– Завод не простой, – кивнул Лютыч. – За это так прижмут, что...

– Ну, что круглое таскаем, а квадратное катаем, это можно, – хмыкнул Колька.

– Тебе можно, а ему ещё рано, – отрезал Саныч. – Отшутиться не сумеет, пусть молчит.

Всё понял, Мороз?

Эркин кивнул.

– Тогда подписывай, – подвинул ему тетрадь Медведев.

Эркин расписался. Медведев стал убирать тетради, все радостно зашумели, задвигались.

И тут подскочил Ряха.

– Ну что, по домам, мужики? Пятница ведь, бабы, небось, с пирогами ждут.

– Вали, – отмахнулся от него Медведев.

– Без тебя Мороза пропишем, – кивнул Саныч.

Ряха мгновенно выметнулся за дверь, а Эркин удивлённо посмотрел на Саныча.

– Как это?

– Ты что? – удивились его вопросу и стали опять наперебой объяснять: – Про прописку не знаешь? Да не бойсь, по паре пива поставишь... Сейчас переоденемся и пойдём...

– Опять?! – вырвалось у Эркина.

– Чего опять? – не поняли его.

– Я вчера уже дал. На прописку, – тихо сказал Эркин.

Он уже понял, что Ряха тех денег не отдал, и ему теперь придётся платить по новой. Ряху он потом найдёт и морду ему набьёт, но денег-то не вернёшь.

– Кому ты что дал? – спросил Медведев.

Колька вскочил на ноги, опрокинув табурет, и вылетел за дверь.

– Та-ак, – протянул Саныч. – Так кому, говоришь, дал?

– Ряхе, – неохотно ответил Эркин.

– И много?

– Чего он тебе наплёл?

– Когда успел-то?

– А после смены, – Эркин говорил, угрюмо глядя в стол. Злился уже даже не из-за денег, а что таким дураком себя показал. Теперь над ним долго ржать будут. Всей ватагой. А то и заводом. – Сказал, что я должен каждому по бутылке водки, а старшóму – две. Ну, и на закуску.

Кто-то присвистнул.

– Однако, размахнулся Ряха.

– И сколько ты ему дал?

– Пятьдесят рублей, – вздохнул Эркин.

– Ни хрена себе!

– И взял Ряха?

– А чего ему не взять?! Ряха же!

– Ну, мать его... – Геныч сочувственно выругался.

– А ещё что сказал?

– А ничего, – Эркин взмахом головы откинул со лба прядь, – чтоб я домой шёл и не беспокоился. Он всё сам сделает.

– Так чего ж ты с утра молчал?

– А что, – Эркин наконец оторвал взгляд от стола и посмотрел им в лица. Нет, не смеются. – Всюду свои порядки. Удивился, конечно, за глаза у нас не прописывали, а тут...

Он не договорил. Потому что с грохотом распахнулась дверь, и Колька за шиворот втащил Ряху.

– Во! У центральной проходной поймал. Прыткий, сволочь!

– Так, – встал Медведев. – Прикрой дверь, – Колька тут же выполнил приказ. – Так что ты вчера у Мороза взял?

– Д-да, – выдохнул Ряха, быстро шаря взглядом по сумрачно внимательным лицам. Эркин снова смотрел в стол, и встретиться с ним глазами Ряха не смог. – Так... так я не брал, он сам мне дал. Да вы что, мужики? Ну, он же вождь, ему шикануть надо, ну, чтоб над нами себя поставить, какой он и какие мы. Деньги у него шальные, понимаешь...

– Деньги на стол, – тихо сказал Медведев.

– Да я... да он... да вы что, мужики, ну я ж для смеху, – частил Ряха, – а он дурак дураком, как сейчас с дерева слез, ну, мужики, ну, не успел я вчера, так сегодня ж пропить не поздно...

– На стол, – жёстко повторил Медведев.

Ряха дёрнулся было к двери, но тут же опустил голову, подошёл к столу и вывернул из карманов кучу мятых замусоленных бумажек, высыпал мелочь. Бумажный ворох Медведев подвинул к Эркину.

– Считай.

Не поднимая головы, Эркин разгладил и разложил бумажки.

– Ну?

– Тридцать семь рублей.

– Забирай, – кивнул Медведев. – Ряхов, с тебя ещё тринадцать рублей Морозу долгу. Тоже при всех отдашь.

– И за обиду парню пусть заплатит, – сказал немолодой, с рыжеватой щетиной на щеках, Лютов или Лютыч.

– Он всех нас обидел, – кивнул Саныч. – Ещё десятка с тебя Морозу за обиду и на круг десятка. В получку и отдашь.

– Да... да вы что? – задохнулся Ряха. – Да...

– Против круга пойдёшь? – удивился Геныч. – Ну, тебе решать.

– Всё, – Медведев хлопнул ладонью по столу. – Забирай деньги, Мороз. Всё, мужики. Переодеваемся и айда.

Все дружно встали. Эркин, взяв деньги, отошёл к вешалке и заложил их в бумажник, и уже оттуда смотрел на шумно переодевающихся, умывающихся и причёсывающихся перед зеркальцем мужчин. Ряха сгрёб оставшуюся на столе мелочь. Переодеваться он не стал, оставшись в рабочем.

– Замок свой из дома принесёшь, – сказал Эркину Колька. – И лады.

– Лады, – кивнул Эркин.

Переодевались до белья, кое-кто и рубашки менял. Куртка, штаны, валенки в шкафчик, Медведев и ушанку туда же, ну да, для города у него рыжая мохнатая. Грязную рубашку в узелок.

– Баба за выходные отстирает, в понедельник чистую принесёшь, понял?

– В понедельник с утра?

– А то!

– Эй, старшой, как на той неделе?

– В утро ж, сказали.

- Уши заложило, так промой.
- Мороз, в полседьмого в понедельник.
- Понял, а кладовка?..
- По коридору налево и до конца.
- Клавка сама тебя окликнет.
- Да уж, не пропустит!
- Это точно. Баба хваткая...
- На новинку падкая!
- И дружный гогот.

Со звоном закрываются всяческие замки на дверцах, уже не шарканье разбитых валенок, а стук подошв ботинок, сапог, обшитых кожей белых бурок. В ватных куртках только он и Ряха, остальные в коротких пальто с меховыми воротниками, полушубках, у Кольки куртка чёрная с золотыми нашивками и блестящими пуговицами.

- Всё, мужики, айда.

Общей шумной толпой по коридору к проходной, со смехом и шутками разобрали табельные номера и далыше, на пропускной...

- Счастливого отдыха...
- И вам от нас...

Ну, вот уже и улица, лёгкий снежок крутится в воздухе, и под ногами снег. И деревья в снегу, и каждый карниз, изгиб фонаря обведён белой каймой свежеевыпавшего снега.

Той же шумной толпой подошли к неприметному одноэтажному дому из тускло-красного кирпича с двумя запотевшими до белёсой плёнки окнами и тёмной почти чёрной дверью между ними. Над дверью вывеска, тоже чёрная с тусклыми, как полустёртыми, золотыми буквами. Шедший первым Медведев властно распахнул дверь. За ней, к удивлению Эркина, открылся просторный зал с высокими круглыми столиками и прилавком в глубине. Здесь не раздевались и даже шапок не снимали, на полу лужицы от стаявшего с обуви снега и кучи мокрых опилок. Но столы чистые, и запах... нельзя было назвать неприятным.

– Ну, Мороз, – улыбнулся Медведев. – Давай. По двойной каждому, так, мужики? – все кивнули. – Ну и там, сосиски, что ли...

– Да ну их... – весело выругался Колька, подталкивая Эркина к прилавку. – Из кошатины у них сосиски.

– Язык у тебя из кошатины, – пузатый белобрысый усач за прилавком внимательно посмотрел на Эркина. – Не знаю тебя. Прописка, что ли?

Эркин кивнул.

– И сколько вас?

– Со мной двенадцать, – ответил Эркин, заметив, что Ряха пришёл со всеми. – Поднос есть?

Одобрительно кивнув, усач поставил на поднос двенадцать пузатых стеклянных кружек с ободком посередине, налил пива и быстро составил стопку из двенадцати картонных тарелок с тремя бутербродами на каждой.

– Держи. Ровно тридцать с тебя.

Эркин расплатился Ряхиными бумажками и понёс поднос к угловому столику, который был побольше остальных, и потому все поместились. Эркина встретили радостным гомоном.

- Во, это я понимаю!
- Ну, даёшь, Мороз.
- Это по-нашенски!
- Гуляй душа!

Когда все разобрали кружки и тарелки, Эркин хотел отнести поднос, но его ловко прямо из-под локтя у него выдернула бродившая между столиками с тряпкой старуха в белом, повязанном по брови, платке и клеёнчатом длинном фартуке.

– Ну, – Медведев оглядел стоявших весело блестящими синими глазами. – Ну, за Мороза, чтоб и дальше ему с нами, а нам с ним работалось, – и, когда все сделали по глотку, строго сказал: – Кому чего сверх надо, то уж сам платит.

– Да ладно, Старшóй, – поморщился Лютыч. – Чего ты из-за одной... – он забористо охарактеризовал Ряху, – на всех баллон катишь.

Эркин перевёл дыхание: всё, вот теперь настоящая прописка.

В общем разговоре рассказов и расспросов одновременно он узнавал, что две недели с утра, с семи до трёх, а две – с трёх и до одиннадцати, а получка во вторую и четвёртую пятницы... сейчас-то что, а вот в войну в три смены... в две, но по двенадцать... было дело, кто помнит... да ладно, нашёл что вспоминать... ни выходных, ни отгулов... война по всем прошлась... а на фронте... я пять лет отбухал, раненый, а... ладно вам, семья-то большая, Мороз?

– Жена и дочка, – охотно ответил Эркин.

– А поселился где?

– В «Беженском Корабле».

– От Комитета, значит?

– Ну да, туда только через Комитеты.

– Ага, беженский ещё и ветеранский.

– Ага, и этот... жертв и узников...

– Ветеранский отдельно, уж я-то знаю.

– Квартира хорошая-то?

Эркин кивнул.

– Тёплая. И большая.

– С ремонтом?

– Или сам делать будешь?

– Сам, – Эркин кивнул и несколько небрежно бросил: – Не знаю, кто там раньше жил, но ремонт надо делать.

Он рассчитывал, что эта хитрость пройдёт. И прошла. Никто ту троицу и не вспомнил.

– Я тоже в «Беженском», – сказал Миняй в новеньком белом полушубке. – В правой башне. А ты?

– В левом крыле.

– Земляки, – подал наконец голос Ряха, молчавший до этого вмертвую.

Но его не заметили, и он опять уткнулся в кружку.

– И давно приехал?

– Во вторник.

– Не обустроился ещё?

– Начать и кончить, – усмехнулся Эркин.

– Ага, – кивнул Саныч. – В воскресенье, значит, дома будешь?

– Сороковины у меня в воскресенье, – хмуро ответил Эркин.

– Кого поминаешь-то?

– Брата. Убили его в Хэллоуин.

– Чего?

– Это где?

Эркин удивлённо посмотрел на них. Они не знают про Хэллоуин? Как такое может быть? Смеются, что ли? Да нет, лица серьёзные.

– Это праздник такой. Ну, и на Хэллоуин, – он заговорил медленно, подбирая русские слова, – хотели поворот сделать, назад, как до Свободы, повернуть.

– Реванш называется, – влез было Ряха и опять его не заметили.

– Кто?

– Ну, не мы же...

– Ну, понятно.

– Да чего там, недобитки, значит...

– Да, – кивнул Эркин. – Кого зимой в заваруху, – у него всё-таки начали проскакивать английские слова, но его, судя по лицам и репликам, понимали, – не добились.

– Ну, а вы что?

– Так ты с той стороны, не с Равнины?

– Опомнися!

– До тебя как до того жирафа...

– Давай, Мороз, так вы что?

– А мы отбивались. У них пистолеты и автоматы, у нас ножи да палки с камнями. Ну и...

– Понятно, чего там...

– Палкой пулю не отобьёшь.

– Подстрелили его? Ну, брата твоего?

Эркин покачал головой. Говорить об этом было трудно, но он понимал, что надо сказать.

– Нет, его... он убегал, нет, на себя отвлёк... ну, его догнали, избили, потом облили... бензином... и подожгли. Он ещё жив был... кричал.

Эркин судорожно вздохнул и уткнулся в свою кружку, пряча лицо. Молчали долго. А потом кто-то – Эркин не видел кто – тихо спросил:

– А похоронил его где?

– Там же. В Джексонвилле. Всех наших, ну, цветных, у цветной церкви. Кладбище сделали.

– Ну, земля ему пухом, – вздохнул Лютыч. – И царствие небесное.

– И память вечная.

Глотнули, помолчали ещё немного и повели речь уже о другом, давая Эркину справиться с собой.

Хоть и пили не спеша, за разговором, но кружки опустели, и бутерброды уже съедены. И компания стала потихоньку разваливаться. Кто за повтором пошёл, кто прощаться стал. Эркин понял, что и ему можно уйти. Прописка закончена.

– До понедельника всем.

– До понедельника.

– Бывай, Мороз.

– Ты домой уже?

– Да, а ты?

– Я по второй.

– Ладно, прощайте, братцы, отчаливаю.

– Бывайте.

– И ты бывай.

На улице было уже совсем темно. Эркин посмотрел на часы. Ну и ну, почти шесть! Надо же, как время прошло. Женя уже волнуется наверняка, а он тут гуляет... ну, ничего, он объяснит, что вчера его обманули, как дурачка купили, а сегодня настоящая прописка была. И Женя поймёт, она всегда понимает. Всё, теперь домой. Да, Женя же сказала, чтоб он купил чего-нибудь в дом. Из еды, наверное, да, вкусенького.

Эркин решительно завернул в ближайший магазин, где на витрине громоздились башни из конфет, печенья и пряников. Здесь пахло... ну, совсем умопомрачительно. И девушка в

коричневом, шоколадного цвета платье с маленьким белым кружевным фартучком и с такой же повязкой на голове улыбнулась ему.

– Здравствуйте. Что бы вы хотели?

– Здравствуйте. Мне бы шоколаду, – ответно улыбнулся Эркин.

– Пожалуйста-пожалуйста, – закивала она. – У нас большой выбор. Для друга, в семью? Есть подарочные наборы.

– Мне для девочки, – открылся Эркин.

Она высыпала перед ним несколько плиток в ярких обёртках с изображениями кукол, котят и цветов.

– Или вот, новинка, – эта плитка была чуть побольше, а обёртка не блестящей, а какой-то, по сравнению с другими, блёклой. – Смотрите, это кукла, а внутрь вложен лист. С одеждой. Младенец с приданым. Для девочки чудный подарок, – убеждённо сказала продавщица.

И Эркин взял для Алисы плитку с куклой, а для Жени – большую, в пёстрой красной с золотом обёртке.

– Это «Жар-птица», – девушка быстро завернула обе плитки в изящный красивый паке-тик. – Отличный шоколад. Всё? Четыре сорок шесть. Заходите к нам ещё.

Эркин ещё раз улыбнулся ей, пряча пакетик в карман куртки, и вышел. Снова шёл снег, и ветер появился. Он поглубже надвинул ушанку. А... а пропади оно всё пропадом, купит он себе полушубок! Не будет, как Ряха, в рабочем ходить. И бурки. Как у других. Белые, обшитые тёмно-коричневой кожей. Он... он не хуже других.

На белом заснеженном тротуаре цветные пятна от витрин и окон. А вон и «Корабль». Колька заржал сегодня, услышав про «Беженский Корабль», ну и пусть, Колька – безобидный, болтает, а парень хороший. Повезло с ватагой. А Ряха не в счёт. Вот не ждал, что все так на его сторону встанут, накажут Ряху за обман. Надо же... ну, деньги вернуть – это понятно, но десятка за обиду... Чудно! Ряха притих как сразу, тише мышки стал.

– Здравствуй, Мороз.

– Здравствуйте, – весело поздоровался Эркин с участковым, открывая дверь.

Прыгая через три ступеньки, он взбежал на второй этаж, уже гудевший детскими головами и смехом. Ну да, самое игровое время. Но Алисы нет. Женя уже позвала её домой? Или случилось что? Он открыл своим ключом верхний замок, вытер ноги и вошёл.

В кухне горел свет и чему-то смеялась Женя. У него сразу отлегло от сердца. А тут ещё из своей комнаты вылетела Алиса с неизменным визгом:

– Э-эри-ик! Мама, Эрик пришёл!

– Эркин! – из кухни выглянула румяная улыбающаяся Женя. – Ну, наконец-то!

И чей-то незнакомый голос сказал:

– Ну и слава богу, а пятница – святой день, хоть кружечку мужик да пропустит.

Эркин насторожился. В квартире кто-то чужой? Кто? Зачем? Алиса вертелась перед ним с его шлёпанцами в руках, а он напряжённо смотрел на Женю, ожидая её слов. Женя поняла и быстро подошла к нему.

– Раздевайся, Эркин. Гости у нас. Всё в порядке?

Он кивнул, медленно стягивая куртку.

– Гости? Кто? – тихо спросил он.

– Соседи. Вернее, соседка. Зайди, поздоровайся. Она хорошая.

Эркин наконец разделся и переобулся. И вошёл в кухню. У стола, покрытого красно-белой скатертью, сидела невысокая широкая старушка в накинутах на плечи узорчатом платке.

– Здравствуйте, – не очень уверенно сказал Эркин.

– Здравствуй, здравствуй, – приветливо ответила она. – Будем знакомы. Евфимия Аполлинарьевна я, – и рассмеялась его смущению. – А так-то Баба Фима. Ну, спасибо за чай да сахар, Женя. Теперь тебе его вон кормить, улаживать, с работы пришёл. А я пойду.

– Поужинайте с нами, – предложила Женя.

– Нет уж, – Баба Фима лукаво подмигнула им. – Вам и без меня есть о чём поговорить. Ты заглядывай ко мне, Женя. А тебе доброго отдыха.

Её низкий певучий голос показался Эркину неопасным и даже добрым, и он улыбнулся ей.

– Спасибо, – и после секундной заминки: – Баба Фима.

Она с улыбкой кивнула.

– На здоровье. Как звать-то тебя?

– Эркин.

Она пошевелила губами, явно повторяя про себя его имя, и Эркин, вспомнив многократно уже слышанное: «Мороз – это пойдёт», – повторил, добавив фамилию:

– Эркин Мороз.

Она сразу радостно кивнула:

– Вот и ладно, – и встала. – Доброго вечера тебе, Мороз.

Встав, она оказалась совсем маленькой, едва доставая макушкой с гладко зачёсанными назад и собранными в пучок на затылке седыми волосами до груди Эркина. А длинная, до пола, юбка и лежащий на плечах платок делали её почти квадратной.

– И вам доброго вечера, – провожала её до дверей Женя. – Заходите ещё.

– До свидания, – очень вежливо попрощалась Алиса.

Женя закрыла дверь и подошла к Эркину.

– Ну как? Всё в порядке?

– Да, – наклонившись, он осторожно коснулся губами её виска. – А у тебя?

– Всё хорошо. Мыться пойдёшь? Или просто умойся, переоденься, и сядем ужинать. У меня всё готово.

– Хорошо, – кивнул Эркин, – да, я купил, у меня в куртке, в кармане.

Вертевшаяся рядом Алиса насторожилась.

– А чего ты купил?

– Сейчас принесу, – улыбнулся Эркин.

Он быстро сходил в прихожую и принёс свёрток. Женя взяла его и строго сказала Алисе:

– После ужина, – и посмотрела на Эркина. – Да?

– Да, – кивнул он. – Я сейчас.

– Грязное в ящик кидай, – крикнула ему вслед Женя. – Алиса, помоги накрыть.

– А Эрику полотенце?

– Он сам возьмёт.

Войдя в ванную, Эркин быстро переоделся. И вовремя. Он еле успел на штанах узел затянуть, как явилась Алиса.

– Эрик, ты моешься или умываешься?

– Умываюсь, – ответил Эрик, натягивая тенниску.

– Тогда я тебе полотенце держать буду, – заявила решительно Алиса.

Эркин помог ей стянуть с сушки полотенце и стал умываться. Алиса терпеливо ждала, взвизгнула, когда он, умывшись, брызнул на неё водой, и тихонько спросила:

– Эрик, а ты чего принёс? Оно съедобное или игральное?

– И то, и другое, – ответил Эркин, вешая полотенце.

А вообще-то – подумал он – надо в спальне переодеваться. Раньше ж он это в кладовке делал.

Скатерть Женя уже заменила клеёнкой, на сковородке шипела и трещала яичница с колбасой, в чашках дымился чай.

– Эркин, суп ещё есть. Хочешь?

– Я там обедал, – мотнул он головой, усаживаясь на своё место.

– Мам, а то, что Эрик принёс?

Женя посмотрела на Эркина, и он ответил:

– Это к чаю.

– Значит, вкусенькое, – понимающе кивнула Алиса и занялась яичницей.

– Я сегодня её с собой взяла, – рассказывала Женя, придвигая ему хлеб и масло. – Погуляли заодно. Церковь в Старом городе только. Завтра, когда на рынок пойдём, посмотрим. Ну, и пройдемся. Я только продукты покупала. А с понедельника начнём всё для ремонта покупать.

Эркин ел и кивал.

– А у тебя как?

– Всё хорошо, – он смущённо улыбнулся. – Меня обманули вчера. А сегодня уже настоящая прописка была. Ватага, нет, бригада меня приняла. Я... пива выпил. Ничего?

– Ничего, ничего, – Женя подложила ему яичницы. – А потом Баба Фима пришла. Я уже беспокоиться стала: темно, а тебя нет. Вдруг что... а она мне объяснила, что по пятницам все мужчины пиво пьют, и тебе нельзя, – она фыркнула, – компанию ломать.

– Всё так, – кивнул Эркин. – Она здесь живёт?

– Да, в башне. Оказывается, в левой башне два этажа маленьких квартир. Для одиноких. Представляешь, у неё никого нет. Все в войну погибли.

Эркин сочувственно кивнул.

– Мам, я всё съела, – напомнила о себе Алиса.

Женя рассмеялась и убрала тарелки. Подала Эркину свёрток. И он не спеша распаковал его. Женя ахнула, а Алиса завизжала. А когда разобрались, что не просто обёртка, а кукла, да ещё – рассмеялась Женя – с «одежками», то восторгу не было границ и конца. Женя принесла из спальни маленькие ножницы, аккуратно и ловко вырезала куклу и нарисованные на вложенном в плитку листке распашонки, ползунки, чепчики... показала Алисе, как одевать и раздевать куклу. К изумлению Эркина, на обёртке было целое стихотворение про куклу и даже указано её имя. Куклу звали Андрюшей.

– Женя, я не знал...

– Всё хорошо, милый, – она улыбнулась ему, и он сразу ответил улыбкой. – Ты молодец, что купил.

Алиса так занялась новой куклой, что забыла не только про чай, но и про шоколад. Нет, мама раньше и рисовала, и вырезала ей кукол с «одежками», но те все как-то быстро рвались и терялись, а эта... Женя и Эркин пили чай и смотрели на сосредоточенно шепчущую что-то себе под нос Алису, которая одевала и раздевала Андрюшу.

– Пойдёшь помоешься?

– Да, – кивнул Эркин.

– Я посижу за ней, – улыбнулась Женя.

– Завтра я крючки сделаю, – сказал Эркин, вставая. – Купим, и я прибью.

– Иди мойся, – Женя, улыбаясь, смотрела на него. – А потом я её уложу, и мы всё обсудим на завтра.

– Да, – он счастливо улыбнулся и сказал по-английски: – Костровой час.

И Женя, тихонько рассмеявшись, кивнула.

Эркин зашёл в тёмную спальню, снял и положил на подоконник часы, снял, помедлив, с шеи ремешок с рукояткой и положил рядом. Рукоятка была тёплой и чуть скользкой от его пота. Потёр грудь. Да, лучше, наверное, зацепить за пояс и носить в кармане. Ладно. Андрюша... Он ни разу не назвал так Андрея. Даже не знал. В лагере только слышал, как какая-то женщина называла так сына. Тоже Андрея. Андрей, брат. Андрюша... Ладно. Он тряхнул головой и пошёл в ванную.

Женя играла с Алисой, прислушиваясь к плеску воды в ванной. Хорошо, что завтра ему не надо на работу, сможет выспаться. Как он устал за эти два дня, даже осунулся. Ну, ничего. Два дня выходных, отдохнёт, выпится. Тяжело вставать в темноте.

Эркин вымылся тщательно, но торопливо. Алисе пора спать, а пока он не освободит ванную, Женя не может её уложить. Ну, вот и всё. Он вышел из душа, вытерся и натянул рабские штаны и тенниску. Надо бы зеркало в ванную. И... и с ума сойти, сколько всего нужно. Он ещё раз вытер голову и вышел.

– С лёгким паром, – встретила его Алиса. – Эрик, смотри, Андрюша здесь жить будет.

Эркин узнал коробочку из-под «пьяной вишни в шоколаде» и улыбнулся. И впрямь... удобно.

– Правда, хорошо? – смотрела на него снизу вверх Алиса.

– Да, – кивнул Эркин. – Хорошо.

– Алиса, – позвала Женя. – Убирай игрушки и давай ложиться, спать пора.

– Ладно, – согласилась Алиса.

Эркин отдал ей коробочку с куклой, и она убежала в свою комнату. А Эркин пошёл на кухню. Пощупал чайник. Остыл уже, надо подогреть. Как на этой плите всё остывает быстро. Он осторожно – всё-таки не привык ещё – зажёл газ, снова удивился голубому, а не красному, как в печке, огню и поставил чайник на конфорку. На столе две чашки, на блюдечке квадратики шоколада.

– Э-эрик, – позвала его Алиса.

И он понял, что наступил момент поцелуя на ночь. Алиса так привыкла к этому в лагере, что теперь неукоснительно следила за соблюдением ритуала. Он зашёл в её комнату, где на подоконнике сидели и лежали её игрушки, наклонился и осторожно коснулся губами её щёчки.

– Спи, Алиса, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сонно ответила Алиса.

Засыпала она по-прежнему мгновенно.

Эркин вернулся на кухню. Женя разлила по чашкам чай. И когда она подвинула ему шоколад, он заметил у неё на правой руке на безымянном пальце кольцо. Узкое золотое колечко. Гладкое, без камня.

– Женя... что это?

Она покраснела.

– Я купила его сегодня.

Эркин очень осторожно взял её за руку, провёл пальцем по кольцу.

– Это... это я должен был купить, да?

Его голос звучал виновато, и Женя улыбнулась.

– Всё хорошо, Эркин.

Он вздохнул и, потянувшись, осторожно коснулся губами её руки рядом с кольцом и выпрямился.

– Женя, а... а мужчины здесь не носят колец, я ни у одного в бригаде не видел.

– Ну, конечно, у тебя же работа такая. – Женя, улыбаясь, смотрела на него. – А теперь давай на завтра обсудим. Я хочу на рынок сходить.

Эркин кивнул и решился.

– Женя, ты... ты не видела? Полушубки... очень дорогие?

Женя радостно улыбнулась.

– Ну, конечно, Эркин, сначала пойдём, тебе полушубок купим. И бурки. И...

– И больше мне ничего не надо, – вклинился Эркин и стал смущённо объяснять: – Понимаешь, Женя, я посмотрел сегодня. Все переодеваются после работы, полушубки, пальто, есть такой... шакал, так только он и я в куртках. Ну, я и подумал... Мне в понедельник рабочую одежду выдадут, куртку, штаны, валенки, так что...

– Так что ты своё страшилище, куртку рабскую, носить не будешь, – решительно перебила его Женя. – Полушубки в Торговых Рядах есть, и бурки там же, и... – и улыбнулась. – Там посмотрим. Завтра тогда сначала туда. Сразу после завтрака. А на рынок потом.

Эркин кивнул. Конечно, занесут домой его куртку и сапоги, не тащиться же с ними на рынок. Он сказал это вслух, Женя согласилась и сказала, что Алису тогда оставят дома, сходят, купят ему всё, придут домой, возьмут Алису и пойдут на рынок.

– Ну вот, – рассмеялась Женя. – Вот всё и решили. А с понедельника начнём к ремонту всё готовить.

– Да, – кивнул Эркин. – А в воскресенье...

– Да, – подхватила Женя, – и завтра всё купим на воскресенье. И про церковь узнаем.

– Ага, – Эркин допил чай, улыбнулся. – И в самом деле, всё решили.

У него вдруг стали слипаться глаза, клонила к низу голова.

– Ты иди, ложись, – сказала Женя, собирая чашки. – Я мигом.

Эркин кивнул и встал из-за стола. В самом деле, держался, держался и устал. Уже ни о чём не думая, прошёл в спальню, не включая свет, разделся, расправил постель и лёг. Прохладные простыни, чистота, покой и сытость. Он потянулся под одеялом, ощущая с наслаждением, как скользит простыня по чистой коже, закрыл глаза и уже не услышал, как легла Женя.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

В дверь осторожно постучали. И Жариков, узнав этот вкрадчивый и одновременно доверчивый стук, улыбнулся.

– Заходи, Андрей.

С недавних пор Андрей стал приходить к нему поговорить не в кабинет, а в комнату, домой. Пили чай, и Андрей слушал его рассказы о России, о доме, о войне... да обо всём. И иногда, всё чаще, Андрей рассказывал и сам. О хозяевах, Паласах, питомниках... Слушать про это невыносимо трудно, но не слушать нельзя.

Андрей вошёл, улыбаясь и неся перед собой коробку с тортом.

– Вот, Иван Дормидонтович, я к чаю купил. В городе.

Жариков, тоже улыбаясь, покачал головой.

– Ох, Андрей, спасибо, конечно, но сколько у тебя до зарплаты осталось?

– Проживём-наживём, – засмеялся Андрей, ставя коробку на стол. – А этот самый вкусный.

Жариков пощупал гревшийся на подоконнике чайник.

– Ну, давай накрывать.

– Ага.

Андрей уверенно помог ему, вернее, сам накрыл на стол. И точно подгадал: чайник вскипел, и у него всё готово. А заваривал сам Жариков.

Первую чашку по сложившейся традиции пили молча, смакуя вкус чая и торта. Торт Андрей явно выбирал не для себя, а для Жарикова: лимонный, с ощутимой горчинкой. Сам Андрей, как подавляющее большинство спальников, сладкоежка.

– Спасибо, Андрей, – улыбнулся Жариков.

– Я знал, что вам понравится, Иван Дормидонтович, – просиял Андрей. – А... а почему вы сладкое не любите?

– Почему ж, люблю. Но, – он отхлебнул чая, – не в таких масштабах. Я просто старше, а с возрастом вкусы меняются. Я вот в детстве варёную капусту не любил. А сейчас ем с удовольствием.

– Варёная капуста – это щи? – уточнил Андрей и улыбнулся. – А мне всё нравится.

– Ты просто не наелся ещё, – засмеялся Жариков.

Андрей пожал плечами.

– Наверное так. А вот, Иван Дормидонтович, почему...

Договорить ему не дал стук в дверь.

– Однако... вечер визитов, – усмехнулся Жариков и крикнул: – Войдите.

Он ожидал кого-то из парней, Аристова, да кого угодно, но что на пороге его комнаты встанет Шерман...

– Прошу прощения, доктор, – Рассел еле заметно усмехнулся. – Я, кажется, помешал.

– Заходите, Шерман, – встал Жариков.

Жестом гостеприимного хозяина он предложил Расселу войти. И тот переступил порог, вежливо снял искрящуюся от водяной пыли шляпу.

– Я вышел прогуляться и увидел у вас свет...

– Захотелось поговорить, – понимающе кивнул Жариков.

– Да, – Рассел улыбнулся уже более открыто. – В неофициальной обстановке.

– Проходите, раздевайтесь.

Рассел повесил на вешалку у двери шляпу и стал расстёгивать плащ.

– Я пойду, Иван Дормидонтович, – встал Андрей. – У вас работа.

Он старался говорить спокойно, с пониманием. Но прорвалась обида.

– Нет, – спокойно сказал Жариков. – Я не на работе, и ты не помешаешь, – и улыбнулся. – Вы – мои гости. Позвольте представить вас друг другу. Рассел Шерман. Андрей Кузьмин.

– Андре? – переспросил Рассел, внимательно рассматривая высокого молодого, по-мальчишески тонкого и гибкого негра.

Он узнал, не сразу, но узнал того ночного гостя по сочетанию фигуры с пышной шапкой кудрей.

– Рад познакомиться, – наконец сказал Рассел.

Андрей ограничился сдержанным кивком и отчуждённо вежливой улыбкой.

Жариков быстро поставил на стол третий прибор и пригласил Рассела к столу. Губы Андрея тронула лёгкая насмешка, и он решительно занял своё место. Помедлив с секунду, Рассел решил принять не позвучавший, но понятый всем троим вызов и сел. Жариков налил чай.

– Сахар кладите сами.

Рассел несколько стеснённо улыбнулся.

– Благодарю. Чай, насколько я знаю, русский национальный напиток.

– Да, можно сказать и так, – кивнул Жариков. – Хотя он весьма популярен в Англии, и традиции чаепития намного древнее в Китае и Индии.

– Но они слишком далеки от нас, – продолжил тему Рассел. – И русский чай отличается от тех вариантов, не так ли?

– Чай лучше кофе, – сказал Андрей.

Разговор теперь шёл только по-английски, но присутствие Жарикова помогло Андрею обойтись без «сэра» в конце каждой фразы.

– Смотря на чей вкус, – усмехнулся Рассел.

Андрей на мгновение опустил глаза, но тут же вскинул их. Какого чёрта?! Он не отступит. Он шёл поговорить о своём, о чём не мог говорить ни с кем другим, а этот припёрся и всё испортил... Китай, Англия... Да пошли они! Здесь и сейчас живём, об этом и будем говорить.

– У чая вкус свободы.

Взгляд Рассела стал заинтересованным.

– Вот как?

– Да, – кивнул Андрей. И уже подчёркнуто глядя на Жарикова и обращаясь только к нему: – Я думал об этом. Мы любим что-то не само по себе, а... а по тому, что с этим связано, – теперь и Жариков смотрел на него с живым интересом, и Андрей продолжил: – Было хорошо, и об этом хорошо думаем, было плохо...

– Да, субъективность восприятия... – задумчиво сказал Рассел.

Андрей торжествующе улыбнулся: если беляк думал подколоть его учёными словами, недоступными глупому негру, то гад просчитался. Это он и по-английски знает.

– Восприятие всегда субъективно, – гордо парировал он.

Жариков улыбнулся: всё-таки Андрей взялся и за английский. А как спорил... до хрипоты. Упёрся, не нужен ему этот язык, говорить может и хватит с него. И вот, всё-таки...

– Да, – кивнул Андрей, поняв, чему улыбается Жариков. – Да, я взял ту книгу.

– Трудно?

– Очень, – честно ответил Андрей. – Но интересно.

– И что за книга? – чуть более заинтересованное обычной вежливости спросил Рассел.

Андрей смутился и ответил не так, как хотел – веско и спокойно, а робко, будто извиняясь.

– «Философия знания».

– Рейтера? – изумился Рассел.

Андрей кивнул.

– Но... но это действительно сложно.

– Мне интересно, – буркнул Андрей и уткнулся в чашку с остывшим чаем.

Ему было всё-таки тяжело говорить по-английски без положенного обращения к белому: «Сэр», – и он устал от этого короткого разговора. Рассел смотрел на него удивлённо и даже... чуть испуганно.

– Вы знаете... о судьбе Рейтера?

– Да, – кивнул Андрей. – Он погиб. В лагере, – и посмотрел прямо в глаза Рассела. – Его убили.

– Да-да, – Рассел посмотрел на Жарикова. – Я не думал, что его книги сохранились. Было проведено полное изъятие из всех библиотек, включая личные. Хотя... в России...

– Сказанное переживёт сказавшего, – улыбнулся Андрей. – Это тоже сказал Рейтер.

– Вы читали его афоризмы?!

– В сборнике, – Андрей посмотрел на Жарикова. – «Немногие о многом». Так, Иван Дормидонтович? Я правильно перевёл?

– Правильно, – кивнул Жариков.

– Вы читаете по-русски?

Рассел уже не замечал, что обращается к рабу, спальнику, как... как к равному.

– Да, – Андрей улыбнулся. – И по-русски мне легче читать.

– Вот как? Ну, – Рассел отпил глоток, – разумеется, Рейтер прав. Сказанное переживёт сказавшего, – и посмотрел на Жарикова. – Всё так, доктор.

– Ничто не проходит бесследно, – согласился Жариков.

– И самый прочный след в душе, – подхватил Андрей. – Это тоже Рейтер, я знаю. Но, Иван Дормидонтович, но ведь душа, сознание непрочны, они... субъективны, так? А след объективен. Я понимаю, когда субъективное в объективном, непрочное в прочном. А у Рейтера наоборот. Я чувствую, что он прав, но я не понимаю, как.

Андрей совсем забыл о Расселе и говорил так, как обычно, только что по-английски, а не по-русски.

– Рейтер – мастер парадоксов, – пожал плечами Рассел.

Его тоже захватил этот разговор. Шёл за другим. Просто вышел пройтись перед сном по зимнему дождю и... и вот нарвался: спальник, джи, читает Рейтера по-русски, спорит о гносеологии – мир вверх тормашками! И ведь не натаскан, как натаскивали в питомниках всех спальников на стихи и песни, да и репертуар там был специфический, и Рейтер в него никак не входил, как, впрочем, и другие, даже не запрещённые философы... И нет, не заученное с голоса, явно своё у парня... Вот никак не ждал. И это не подстроено хитроумным доктором для «адаптации пациента в изменившихся социальных условиях», доктор не мог знать, что он придёт, его не ждали, он был не нужен им. Странно, конечно, такое использование спальника, они не для философских бесед делались, но... у доктора могут быть свои причуды. Но... но неужели парня всерьёз мучают эти проблемы?

– Простите, сколько вам лет, Андре?

Андрей удивлённо посмотрел на него.

– Полных восемнадцать. А... а что?

– Самый возраст для таких проблем, – улыбнулся Рассел. – Мой отец считал философию детской болезнью. Вроде кори. Которой надо вовремя переболеть, чтобы получить иммунитет на всю остальную жизнь.

И удивился: так резко изменилось лицо парня. Застывшие черты, маска ненависти...

– Андрей, – предостерегающе сказал Жариков.

– Это доктор Шерман? – медленно спросил Андрей. – Это он так говорил?

– Да, – насторожился Рассел.

Андрей отвёл глаза и угрюмо уставился в свою чашку. Если б не доктор Ваня, он бы уж сказал этому беляку... Не вежливо, а по правде. Философия – детская болезнь?! Так Большой Док не только сволочь, а ещё и дурак к тому же.

– В чём дело? – уже более резко спросил Рассел.

– В чём дело? – переспросил Андрей, поглядел на Жарикова и упрямо тряхнул головой. – Жалко. Жалко, что он не болел этой болезнью. Может, тогда бы он не ставил экспериментов на людях.

Рассел стиснул зубы, пересиливая себя. Значит, доктор рассказал парню... больше ведь знать об этом неоткуда.

– Зачем вам это понадобилось, доктор? – вырвалось у него.

Но ответил Андрей. Не на вопрос, а просто говоря о своём.

– Как он мог? Он же... клятву Гиппократы давал. И такое творил. Не понимаю, никогда не пойму. А с виду... человек.

– С виду? – Рассел начинал догадываться, но... но этого не может быть. – Этого не может быть, – повторил он вслух.

Андрей кивнул. И вдруг – неожиданно для Жарикова – заговорил совсем другим, деловито скучающим тоном. С интонациями, от которых Рассел похолодел.

– Разумеется, по завершению эксперимента материал ликвидируется. Это элементарно. Но в данном случае... реализуйте в обычном порядке.

Он говорил, глядя перед собой, и его лицо было уже просто усталым. Наступило молчание.

– Простите, – тихо сказал Рассел. – Я не знал.

– Прав Рейтер, – Андрей словно не слышал собеседника. – Тело заживёт, а душа – нет. И Чак, уж на что... и то говорит, что нам не на руку, а на душу номер кладут. И бесследного ничего нет, и опять Рейтер прав. Нас и стреляли, и жгли по Паласам, по питомникам, именно чтобы следов не осталось. А мы есть. И память наша есть. И... и я думаю, Рейтера за это и убили, – Андрей закрыл лицо ладонями и тут же убрал их, положил, почти бросил на стол по обе стороны от чашки. – Простите, Иван Дормидонтович, я не хотел, само вот выскочило.

Жариков смотрел на него с грустной улыбкой.

– Скорее, это моя вина, – Рассел вертел чашку с чаем. – Это я помешал вам. И извиняться нужно мне.

Андрей молча покосился на него и стал пить остывший чай. А Жариков тихо радовался, что Андрей не зажался и не сорвался в неуправляемую реакцию. Взрослеет.

Рассел никак не ждал такого оборота. Он сам много спорил с отцом именно об этом, правда, мысленно и уже после капитуляции, и вот... спальник, джи, экспериментальный материал... обвиняет доктора Шермана в измене клятве Гиппократ. Но разве он сам всегда верен ей?

– Андре, вы говорили о клятве Гиппократ. А вы, вы сами давали её?

Андрей кивнул.

– И вы верны ей?

Жариков снова напрягся. И снова Андрей удержал себя.

– Я знаю, о чём вы говорите. Но я не мстил. Я тогда не знал, что вы... его сын. Я спасал другого.

– Кого?

– Алика. Это его вы на День Империи изуродовали. В Джексонвилле.

Рассел зло дёрнул головой.

– Так, понятно. Так если кто его и спас, так это я. У меня не было другого варианта.

Андрей уже полностью успокоился.

– У меня тоже, сэр.

Обращение прозвучало издёвкой, и Жариков строго посмотрел на Андрея. Андрей преувеличенно удивлённо хлопнул ресницами, заставив Жарикова улыбнуться. Не смог не улыбнуться и Рассел. И сказал заготовленные слова, но уже другим тоном.

– Вырастешь – поймёшь.

– Да, – неожиданно легко ответил Андрей. – Ни сортировок, ни выбраковок теперь не будет, так что у меня есть время.

Рассел кивнул.

– Да. Вы уже думали о... своём будущем?

– Конечно, – Андрей допил чай и улыбнулся. – Буду работать и учиться.

– А потом?

– Этого мне хватит надолго, – рассмеялся Андрей и посмотрел на Жарикова. – Уже поздно, Иван Дормидонтович. Самый лучший гость – это тот, что уходит вовремя.

Андрей встал и улыбнулся.

– Спасибо за вечер, Иван Дормидонтович. Спокойной ночи.

– Спасибо и тебе, Андрей, – встал и Жариков. – Спокойной ночи.

Отчуждённо вежливо кивнув Расселу, Андрей вышел. Когда за ним закрылась дверь, Рассел встал.

– Спасибо, доктор. Поверьте, я не хотел мешать.

– Верю, – кивнул Жариков.

– Он... этот парень... – Рассел улыбнулся. – А почему вы не оставили его в медицине? И почему именно философия?

– У него просто появился выбор, – серьёзно ответил Жариков. – И он выбрал сам.

– Да, – Рассел снял с вешалки свои шляпу и плащ, оделся. – Возможность выбора... и ответственность за выбор... – улыбнулся. – Спасибо, что позволили участвовать в беседе. Спасибо, доктор. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – попрощался Жариков.

И, оставшись один, удовлетворённо вздохнул. Удачно получилось. Не думал, не гадал, да нечаянно попал. И стал убирать со стола. Торты остались... на два чаепития. Позвать, что ли, Юрку, чтобы помог? Но Андрей молодец. Прошёл через кризис. А Шермана можно начинать готовить к выписке. Правда... нет, о делах завтра. А сейчас спать. Засиделись. И у Шермана нарушение режима. Ну, ничего, это не самое страшное.

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

Снег лежал и не таял уже четвёртый день, и даже ещё подсыпало. Стеф показал, как лепить снеговиков, и двор теперь украшали самые фантастические скульптуры в самых неожиданных местах. Сооружение фургона шло полным ходом. Рол после работы возился, собирая упряжь. Из лошадей отобрали в запряжные двух – Примулу и Серого – и поставили их рядом в соседние стойла, чтоб привыкали друг к другу. Монти повадился, выпив молоко, гонять пустое ведро по своему стойлу, поддавая то головой, то копытами, и Молли приходилось его уговаривать и подманивать лепёшками, чтобы забрать ведро. Джерри попробовал спрятаться в конюшне на ночь, за что Фредди выкинул его аж на середину двора, да ещё и Мамми добавила от души. Марк подрался с Робом и порвал новенькую, привезённую из города рубашку. Дилли стала тише. Живот у неё был уже очень заметен, работать, как прежде, она не могла, а кого из милости кормят, тот голоса не поднимает. Зато Сэмми ворочал за двоих и третий день ходил ошалелый. Дилли сказала ему, что ребёнок уже живой, ворочается, и он сам увидел, как тот наружу просится. Одно из яиц оказалось с двумя желтками. Мамми его так и держала на столе в плошке, пока все не посмотрели, а потом долго думали, какая ж это из кур так отличилась, петух-то точно не причём, раньше ж такого не было.

– Пап! – Марк с разгона ткнулся в ноги Ларри, так что тот едва не уронил мешок.

– Осторожней, Марк, – попросил Ларри, с трудом удерживая равновесие.

– Пап, там... – задыхался Марк.

Ларри, поглядев на встревоженное лицо сына, опустил мешок на землю.

– Что случилось?

– Пап, мы за почтой ходили.

Марк потянулся к нему, и Ларри нагнулся, подставив голову. Обхватив его за шею, Марк зашептал ему в ухо.

– Пап, там письмо, а на письме твоё имя, ты мне показывал, я узнал, вот. Я сумку Робу отдал и к тебе, вот.

Ларри медленно выпрямился, поправил перчатки, которые надевал на «общих работах» и взвалил на плечи мешок.

– Хорошо, Марк.

И пошёл к скотной. Марк трусил рядом, заглядывая снизу вверх в его лицо.

Фредди, сидя на маленьком табурете, сосредоточенно прощупывал вымя Мейбл – крупной рыже-белой коровы. Чуть не плачущая Молли стояла рядом. Мейбл время от времени косилась на Фредди, но лягаться не пробовала.

– Ничего страшного, Молли, – встал наконец Фредди. – Раздоится. Гладь ей вымя, когда моешь, поняла? – Молли кивнула. – И тряпку для неё бери помягче.

– Ага-ага, – обрадованно закивала Молли и похлопала Мейбл по спине.

– Масса Фредди! – влетел в скотную Роб. – Я почту принёс!

Фредди кивнул и вымыл руки в поданном ему Молли ковше с водой, вытер носовым платком. Взял у Роба сумку и вынул почту, а сумку, как всегда, отдал Робу и серьёзно сказал:

– За мной.

– Да, масса Фредди, – улыбнулся Роб.

Молли гордо привлекла его к себе. Фредди быстро перебрал почту. Газета, счета, а это что? Письмо? Джонни? От кого? Он как-то не сразу понял, что письмо адресовано в «Лесную Поляну», но не Джонатану Бредли, а Лоуренсу Левине. Так... так вот почему Роб один, без Марка... Ну да, Ларри сына грамоте учит, это понятно. Чёрт, Джонни по соседям поехал, кто может писать Ларри? Он вспыхнувшего вдруг желания вскрыть письмо у него загорелись щёки. И тут... как специально подгадав, в скотную вошёл Ларри с мешком концентрата. Фредди подождал, пока он пристроит его в штабель, и позвал:

– Ларри!

– Да, сэр, – готовно отозвался Ларри, входя к коровам.

Начав работать в мастерской, Ларри перестал притворяться простым дворовым работягой, вернувшись – насколько это возможно в имении – к прежним привычкам. В том числе и к обращению «сэр» вместо обычного рабского «масса». И остальные как-то сразу согласились с этим.

– Держи, Ларри, – Фредди протянул ему письмо, дождался, пока Ларри снимет перчатки и возьмёт конверт, и сразу ушёл.

Ларри осмотрел письмо, дважды перечитал адрес. Алабама, графство Олби, округ Краунвилль, «Лесная Поляна». И его полное имя. Лоуренс Левине. Ларри поднял глаза и увидел лица Молли и Роба. Рядом часто, как после бега, дышал Марк. Ларри заставил себя улыбнуться и вышел. Марк побежал за ним.

Пошёл мокрый снег. Такой мокрый, что было ясно: сейчас он станет дождём.

– Беги домой, Марк.

– Пап, а?..

– Мне надо закончить работу, – Ларри протянул сыну конверт. – Беги и положи на стол. А то намокнет.

Марк сунул письмо под курточку и побежал в барак. А Ларри, на ходу натягивая перчатки, пошёл за следующим мешком. Фредди отдал ему письмо, но не велел сразу прочитать... письмо запечатано... это первое письмо в его жизни... Что это может быть? Чем это обернётся? Может, лучше вот так, нераспечатанным, и отдать его Фредди или Джонатану? Нет. Нельзя. Он не понимает почему, но знает: нельзя. Он должен это сделать. Но сначала закончит работу. Ещё два мешка. А там ленч. Перед ленчем и прочтёт. А тогда...

Что делать тогда, Ларри не знал. Но вот остался один мешок. И... и всё. Можно идти на ленч. Снег уже стал дождём и довольно сильным. Сразу потемнел, исчезая, сливаясь с землёю, покрывавший двор снег, со свесов крыш капало и текло, стремительно расплывались лужи... И прежде, чем войти в барак, Ларри у двери долго очищал и мыл сапоги.

Мамми уже готовила стол к ленчу. Ларри прошёл в сушилку, повесил куртку и шапку, поправил курточку Марка и отправился в их выгородку.

– Пап! – вскочил навстречу Марк.

Ларри кивнул ему, сел к столу и взял письмо. Старый хозяин вскрывал письма специальным ножом из слоновой кости. Ларри вытащил из кармана свой складной и аккуратно разрезал конверт. Вынул сложенный пополам листок. Марк стоял рядом, держась обеими руками за его плечо. Текст отпечатан на машинке, а подпись от руки. Ларри прочитал текст, вздохнул и перечитал. Потом сложил листок, вложил в конверт.

– Пап?.. – тихо спросил Марк.

– Ничего, сынок, – Ларри встал. – Иди на ленч.

– А ты?

– Мне надо поговорить.

– С массой... ой, сэром Фредди?

Ларри кивнул.

– Скажи Мамми, чтобы она оставила мою долю. Я поем потом.

– Да. Пап...

– Беги в кухню, Марк, – твёрдо ответил Ларри.

Уже отправив сына, Ларри сообразил, что и ему не миновать кухни, да и куртку надо взять, дождь сильный, а его в госпитале предупреждали, что ему нельзя простужаться.

Все уже знали, что Ларри получил письмо, и, когда он вошёл в кухню, да ещё с письмом в руке, все повернулись к нему, но, увидев его сосредоточенное лицо и сведённые брови, ни о чём не спросили. Ларри надел куртку и шапку, спрятал письмо под куртку и вышел.

Где ему найти Фредди? Скорее всего, тот в конюшне. Жалко, Джонатана нет. Но... но и тянуть нельзя. Это может обидеть Фредди.

Фредди был в конюшне, заплетал гриву Майору. Ларри подошёл к деннику и вежливо потоптался, привлекая внимание.

– Ты, Ларри? – спросил, не оборачиваясь, Фредди. – Заходи.

– Сэр, – Ларри вошёл в денник. – Сэр, вот... Это письмо.

Он протянул Фредди конверт.

– Я не читаю чужих писем, – ответил, по-прежнему не оборачиваясь, Фредди.

– Я прошу вас, сэр, – тихо, но твёрдо сказал Ларри.

Фредди обтёр ладони о джинсы и взял письмо. Вынул листок из конверта и быстро одним взглядом охватил текст. Затем перечитал уже не спеша и протянул письмо Ларри.

– Ну и что, Ларри?

– Что мне делать, сэр?

Фредди посмотрел на его лицо и наконец улыбнулся.

– Ты хотел бы с ним встретиться?

– Да, сэр. Майкл... он очень хорошо отнёсся ко мне. И... и я рассказывал ему о Марке.

Он – хороший человек, сэр. Генерал, а... а был, ну, не как ровня, но...

– Я понял, – кивнул Фредди. – Ну, так и напиши ему.

– Я могу пригласить его сюда, сэр?! – изумился Ларри.

– Это твой дом, Ларри. Кто может запретить человеку приглашать своих друзей?

– Но... а сэр Джонатан? А вы?

– Он же не к нам, а к тебе едет, – усмехнулся Фредди.

– И как мне написать, сэр?

– Просто. Ну, что ты будешь рад его видеть. И напиши, когда. И... Пошли.

Фредди хлопнул Майора по шее и пошёл к выходу. Ларри последовал за ним.

В комнате Джонатана Фредди достал из письменного стола и дал Ларри два конверта и несколько листов хорошей писчей бумаги.

– Вот, держи. Напишешь и положишь в ящик. Почтальон заберёт и отправит.

– Спасибо, сэр, – Ларри вежливо склонил голову. – Я могу приглашать его в любое время?

– Как тебе удобнее, Ларри. Это твой приятель.

Ларри медленно кивнул.

– Да, сэр. Благодарю вас, сэр. Прошу прощения, что занял ваше время, сэр.

Когда он ушёл, Фредди сел к столу, вырвал из лежащего на столе блокнота для текущих записей листок и быстро написал по памяти обратный адрес с конверта. Цифры военной части показались ему знакомыми. Кажется... кажется... да, точно, это тот же индекс, что и у Алекса. Интересно. Он опять по памяти написал: *Rodionov*. Перечитал. Скомкал листок и сжёг его в пепельнице. В каких бы чинах ни был знакомый Ларри – в его генеральство они с Джонни сразу не поверили: генералы в общей столовой, даже в госпитале, не едят – но раз он из той же службы, что и Алекс... Неужели к ним второй козырь идёт? Джонни приедет, надо будет обговорить. Варианты тут... разнообразные. Сам Ларри всех этих нюансов не знает, и знать ему о них не надо. Интересно, что Ларри рассказал этому... Майклу о них. Знает Ларри не так уж много, но эта служба умеет... складывать мозаики. Нет, это козырь, в любых руках козырь. Так надо, чтобы мы им сыграли.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Утоптанный снег поскрипывал под ногами, лёгкий мороз приятно пощипывал нос и щёки. А, в самом деле, когда одежда тёплая и сам сыт, то зима в удовольствие. Эркин шёл, весело оглядывая встречающих. Женя просила зайти после работы за обойным клеем. И, если будет, взять краску для труб в ванной. Про краску он говорил с Виктором. Виктор рассказал ему о разных красках и посоветовал ту, что для внутренних работ: и быстро сохнет, и блестит, и опознать её легко даже неграмотному. Банки небольшие, и на крышке нарисован домик с птичкой. Уже смеркалось, и зажгли фонари. Рано как здесь вечер наступает. Но это, говорят, только зимой. А летом наоборот: день длинный, а ночь короткая. Колька смеётся: девку тиснешь и на работу пора.

Эркин улыбнулся. В бригаде ему совсем легко теперь. И одет он не хуже других. В субботу купили хороший полушубок, романовский – интересно, этот Романов их шьёт или только продаёт, или нет, говорила же продавщица, что романовская овчина, от романовской овцы, так что Романов тот, видно, хозяин стада, ну и бог с ним – и ещё бурки, шарф и даже брюки, шерстяные. Женя настояла. И когда на рынок пошли, то во всём новом даже почувствовал себя по-другому. Шёл, гордо вскинув голову, вёл под руку Женю, а на другой руке висела Алиса. Суббота была солнечной, тучи разошлись, открыли бледное небо и такое ж бледное, словно затянутое плёнкой солнце. Но искрился и сверкал снег, улыбались люди. И Женя, останавливаясь, поправляла ему пушистый новенький шарф, закрывая шею, и беспокоилась, не дышит ли ртом Алиса.

Рынок в Старом городе напомнил новозыбковский. Но здесь и вещи, и продукты рядом и даже вперемешку. И деревянные столы-прилавки, и расстеленные на снегу рогожи, и прямо тут же сани, и небольшие машины-полуфургончики, которые называют смешным словом «пегашка». Картошка, яблоки, вёдра и бочки, откуда пахнет непривычно, но аппетитно, связки корзин, от маленькой – Алискин кулачок едва влезет, до больших, куда опять же Алису уложить можно. Круглые и квадратные коробки из древесной коры со странным названием – туески.

Деревянные расписные игрушки. Алиса запросила птичку-свистульку с переливом, но Женя решила, что тогда жизни точно не будет, и Алисе купили тоже птичку, но петушка с качающейся головой, так что если его поставить и по хвосту постучать, то он клевать будет. Вообще много накупили. Эркин купил санки, на них положили небольшой мешок картошки, прикрутили, увязали сумку с луком, морковью и чесноком, сверху усадили Алису в обнимку со второй сумкой, где стояли баночки и туюски с солёными огурцами, мочёными яблоками и квашеной капустой. И наконец пошли к церкви.

Русская церковь показалась Эркину весёлой и нарядной. На те – алабамские – она совсем не походила. Женя пошла внутрь узнавать и договариваться, а они остались ждать во дворе. Алиса слезла с саней и затеяла с Эркином игру. Отходила, разбегалась и врезалась в него, пытаясь сбить с ног. Но Эркин в последний момент уворачивался, так что Алиса пролетала мимо него прямо в сугроб, и Эркин ловил её за капюшон, не давая упасть. Было очень весело. Но тут какая-то старуха, вся в чёрном, стала на них кричать, что место святое, пост идёт, а они бесовские игрища затеяли. Кто такой пост и чего он здесь ходит, а также, что такое – бесовские игрища, Эркин и сам не понял, и объяснить Алисе не смог. Со старухой он, конечно, не стал ни связываться, ни заводитьсь, а попросту вышел вместе с Алисой и санками за ограду, встал так, чтобы Женя их сразу увидела, и они возобновили игру. К возвращению Жени Алиса всё-таки упала пару раз. Эркин её отряхнул, но Женя сразу заметила, всё поняла и грозным голосом, но улыбаясь, спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.